

ДЖОРДЖ ПУСЕП

ПО
ДОРОГЕ
В РАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джордж Пусеп
По дороге в Рай

«Автор»

2026

Пусеп Д.

По дороге в Рай / Д. Пусеп — «Автор», 2026

Никто не выпил чашу меда, не смешанную с чашей желчи.- Петр II Петрович НегошПо дороге в Рай - откровенная автобиографическая проза 18 +.Самым страшным оказалось писать о себе - обнажая себя полностью. Жизнь длиною в семь десятилетий: страны, женщины, любовь и ошибки, за которые всегда приходится дорого платить. Это книга о выборах, которые мы делаем, и о следе, который они навсегда оставляют. Когда любишь не тех. Когда оказываешься не там, куда собирался, но все равно идёшь - потому что назад уже невозможно. Любовь и предательство, криминальные эпизоды и женщины, которые меняют все. Это история мужчины, который не пытался выглядеть лучше, чем он есть, но при любых обстоятельствах старался сохранить в себе человека. Жизнь без прикрас - зато настоящая.

© Пусеп Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Зиночка	8
11 лет спустя: Гога	9
Воспоминание о рождении	12
Борис Лазарев	13
Родители Зины	15
Ефросинья Карловна и Евгения	16
Дворничиха	17
Крещение	18
В ожидании Годо	19
Спасение — переселение к соседкам	20
Смерть девочки	21
Генеральские мандарины	22
Воздушные бревна	23
Негритянка по имени Розетка	24
Прутология	26
Сараи	27
Алдыс и тайны дыма	28
Дядя Коля	30
Измена матери	31
Первые фантазии. Воспитательница	33
Глава 2. Кира	35
Черногория	35
Встреча с Кирой. Американский шлейф	36
Одетт: «Лебединое озеро»	37
Виктор	39
Загадочный самосвал	41
Звонок из-за океана	46
Harlem Globetrotters	48
Палм-Спрингс	51
Женя-сыночек	53
Билирубин	55
Кормление грудью	58
Глава 3. «Перспективный клиент для колонии»	60
«Блазмовские»	60
Винчик	61
Сестрички-предательницы	63
Проверка на прочность	64
Ночные наказания: Учитель латышского	65
Прощай, интернат!	66
Мороженое	68
Стрижка	70
Язык мой — враг мой	72
Побег в Швецию	73
Битва с шестеркой	75
Сахар	77

Глава 4. Новогодняя зарплата	78
Солист	78
Извинение Бойгара	80
Глава 5. Ночной асфальт	83
Роуз	83
Нина	87
Глава 6. Страх темноты	88
Немой	89
Самогонка	90
Смертельная схватка	91
Смех на похоронах	92
Глава 7. Девственник	94
Аня	94
Порт	97
Фем фаталь	99
Поступление в студию	100
Любовь к литературе	101
Аттестат 11-го класса. Рок-звезда	102
Волшебный шар и плавки	104
Поездка на юг	107
Рывок в Москву	109
Глава 8. Возвращение к «цивилизации»	110
Маша	110
Грин-карта для Маши	112
Артур	115
Тунис	117
Снова Лос-Анджелес	119
Саша Авергольд	120
Исчезновение Киры	123
Прошло больше месяца	124
Прошло еще несколько недель	125
Прошло еще несколько месяцев	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Джордж Пусеп По дороге в Рай

*Посвящается памяти моей матери,
Зиновии Андреевны Пусеп.
10.3.1923–7.1.1989*

*«Никто не выпил чашу меда, не смешанную с чашей желчи»
Петр II Петрович Негош*

*Огромная благодарность удивительному редактору Тамаре
Цертели за ее вовлеченность и терпение*

Предисловие

Я как-то задался вопросом: а зачем вообще писать еще одну книгу, когда, кажется, уже все давно написано и переписано тысячи раз?

Ответ был неожиданным.

Я вовсе не собирался писать эту книгу. Она сама решила себя написать — и занялась этим делом задолго до того, как я это осознал.

Все началось, когда тринадцатилетним мальчишкой я записывал свои мысли в маленький блокнот. Потом были другие блокноты. Потом — годы. Так продолжалось всю жизнь.

Поняв это, я даже ужаснулся: зачем столько лет для одной книги?!

Но тут же сам себя успокоил. А о чем еще было бы писать, если не о прожитых годах и событиях, которые их наполняли?

Событий было много — разных, как и в любой человеческой жизни. Но некоторые из них выделяются особенно, оставляя неизгладимый след.

«Так что же в каждой истории остается бесспорным? Чувства. Мне показалось, что в этом случае чувства были. Но любовь, будучи обманутой, сдетонировала и взорвала настоящую бомбу — с кражей дочери, судами, разбирательствами...»

*Шеф-редактор Л. Винник, журнал «Караван историй»
(об интервью с Георгием Пусепом)*

Здесь — все это.

И гораздо больше.

Должен признаться: независимо от того, как я чувствовал себя по отношению к людям и событиям в тот момент, когда они происходили, все они были участниками и неотъемлемой частью моей жизни. Без них не было бы того, что было.

Поэтому эта книга посвящена и им тоже.

Это рассказ о том, как все происходило.

А что было — вы узнаете дальше.

Дж. Пусеп

*Не называйте ничего своим, кроме своей души.
Сервантес. «Дон Кихот»*

*...чтобы потом не разочароваться.
(прим. авт.)*

Глава 1. Зиночка

Когда Зиночке исполнилось шестнадцать лет, ей приснился странный сон.

К ней пришла ее покойная мать, которую она видела только на фотографиях, и сказала: — Родишь сына. А в пятьдесят его потеряешь.

Затем она увидела ее уже в дремучем лесу, одетую в черное. Та стоит и смотрит на нее строгим взглядом. Из-под ее ног вдруг раздается стон. Мать нагибается и засовывает руку по локоть в землю. Вытаскивает оттуда грязную, разодранную гимнастерку и вновь смотрит на Зину, как будто хочет ей что-то сказать. Но, не произнеся ни слова, вдруг исчезает.

— Уууф! — воскликнула Зина, перепугавшись.

Вскочила на постели и быстро перекрестилась. Ее сердце мчалось галопом. «Какой ужас! — подумала она. — Какие дети?!» Ведь она еще такая молодая! «А что в пятьдесят?! — проскользнуло в ее сознании. — И эта ужасная гимнастерка! Фу!»

11 лет спустя: Гога

Зиночка умоляла открыть окно. Она задыхалась. Удушливый запах ацетона, исходивший от свежеевыкрашенных стен, приводил ее в обморочное состояние. Да и боль была невыносимой.

— Аааааа! — вновь застонала Зина, побагровев и обливаясь потом. — Не могуууу!

— Ну, еще, голубушка! Ну, давай же, милая! — умоляла медсестра. — Ну, еще немножко! — уже звоном в ушах прозвучал голос издали, и в глазах потемнело.

... — Хм! — хихикнула Зина, стоя посреди золотистого пшеничного поля. Она вспомнила, как Миша впервые поцеловал ее, когда ей было четырнадцать. «Но это совсем не настоящему! И даже не в губы, а рядышком», — краснея, подумала Зина. Она посмотрела на небо. Оно было таким голубым и безоблачным, не считая двух черных горбатых туч на горизонте. «Ну, где же ты, мой милый Мишенька?!» Зина не видела его с тех пор, как он записался в Советскую армию добровольцем. Вдруг ей показалось, что в одной из этих горбатых туч она увидела лицо Миши! Ее сердце сжалось от неопишуемой боли.

— Ну! Милая! — услышала Зина громкий голос медсестры. — Ну, давай же! Дааа... вот так... Таак... Молодчинка!

Напрягши из последних сил мышцы, Зина толкнула еще раз, затем еще!.. Боль стала настолько невыносимой, что, не выдержав, она дико заорала. Пронзительный крик воздушным змеем пронесся по коридорам роддома. На мгновение все затихло. Затем раздался резкий вздох, как будто кто-то сделал глоток из незримой воздушной чаши, наполненной таинственными росинками души. На промокшей простыне что-то зашевелилось, послышался отрывистый плач новорожденного.

— Кто? Кто? — сиплым голосом спросила Зина.

— Мальчик! Мальчик! — радостно воскликнула медсестра, стараясь перекричать плач младенца, что вырывался через распахнутые окна в близлежащий сад и сливался там с шумом приближающейся осени.

Это случилось в воскресенье (говорят, хороший знак.) Ровно в 18.10. В 4-й палате Рижского роддома № 2.

Младенец, которому дадут имя Гога, ничем не отличался от множества таких же, как он, осужденных на жизнь и прибывших в этот день на временное поселение на нашу слезами омытую, многострадальную планету. Морщинистый и недовольный, как будто уже пережил многое, он отличался лишь тем, что имел бархатистый голос, который, на удивление, не только не раздражал, но даже ласкал ухо.

— Хы! — хихикнула медсестра, с умилением оглядывая новорожденного. — Никак певец родился!

Был конец августа 1950 года. Листья каштановых деревьев постепенно краснели, как стыдливые девушки, достигающие спелости. Мягкое разноцветное покрывало лета сменялось жестковатым оранжевым пледом осени. Природа, как всегда, была занята своими многочисленными делами. Освободившиеся места пополняла вновь прибывшими мучениками, упаковывая под прощальный крик чаек тех, чье время истекло. Говорят, им предстоит продолжить свой путь, но уже не здесь. Следующая остановка для каждого может быть разной. Но об этом никто ничего не знает. Все держится в строжайшей тайне. Чтобы те, кому пришло время уходить, лежали смирно и не дергались. Ведь поди скажи, как могут повести себя некоторые, узнав, что их ждет впереди.

Точно известно — природа знает свое дело и подобных казусов не допускает. У нее все строго по плану. Ну а тайны и секреты? Так понятно — меры предосторожности! Дабы не

лезли все кому попало не в свои дела. Кому ж довериться? Нам, что ли? Нет-нет! Природа ревностно оберегает свои сокровища.

Да и Бог с ней! Кто ей мешает?

Лично Гогу не интересовало необъятное. Его интересовало малое, но вопросов накопилось много. Например, было очень любопытно узнать, кто выбирал ему родителей? Проверял ли кто-либо их моральное состояние и материальное положение? Или — кто принимал решение о месте и времени его рождения? Ведь все это будет играть огромную роль в его жизни. Он что-то не припоминал, чтобы с ним советовались по всем этим важным вопросам. А жизнь-то его! И потом ему будут объяснять: «Каждый кузнец своего счастья!» «Какой кузнец?! Где эта кузница?! Каким боком я во всем этом участвовал?!» — возмущался Гога. Все эти вопросы сильно тревожили его. Не говоря уже о том, что совершенно отсутствует информация, откуда мы появились и зачем. Кто нас сюда послал? Куда направляемся? И направляемся ли куда-либо? «Как, например, получилось так, что два незнакомых мне человека где-то встретились, что-то натворили... И вуаля — получился Я! Что-то не совсем понятно. Почему именно я, а не кто-то другой? Почему не Он? Тогда бы ему пришлось мучиться со всеми теми проблемами, что достанутся мне! А главное — теперь мне с этим «Я» жить до самой смерти! И никуда уже от него не денешься! А потом еще окажется, что самое страшное — с этим «Я» расставаться! А что это вообще значит — «Я»? В общем, вопросов у Гоги уже накопилось на целую жизнь! Задумываемся ли мы, что первый звук, издаваемый нами (не считая вздоха, который на самом деле идет первый), — вовсе не смех. Это, без сомнения, самый отчаянный рев! С настоящими, горько-солеными слезами! Почему? Думаю, медицина здесь ни при чем. Уверен, легкие распахнутся не хуже, если, например, расхотаться или тяжело раскашляться. В крайнем случае расчихаться. Но нет! Мы не смеемся по такому, казалось бы, радостному поводу. Мы воем! Визжим, как перепуганные поросята, которые уже предчувствуют, какая участь их ждет впереди. Действительно, тут не до смеха! Мало радости будет найти себя в будущем на праздничном столе времени в роли поросенка — с апельсином в зубах и удивленным выражением на морде, вроде: «Как? Не понял! Так быстро?! А где же счастье? Где все то, о чем так долго мечтал?! Трудился! Мучился!» Неудивительно, что, только появившись на свет, мы уже очень расстроены. А если учесть, какое количество слез нам придется пролить в жизни, — уууу, тут не до веселья!

Гога не был исключением. Он, как и все, выражал свое недовольство отчаянным криком. Ему было очень неудобно переселяться из теплого и уютного местечка, к которому так привык. Где он купался, валялся, ел, пил и какал. Даже дышать не надо было! И все это в одном месте — в горячей ванне мамино живота! Он знал, что такого уже никогда не повторится, поэтому и протестовал! Оказавшись в холодном, незнакомом пространстве, для разогрева стал энергично дергать ножками, ускоряя движения, как велосипедист, приближающийся к финишной полосе. Он был явно раздражен. Больше всего злило, что его никто ни о чем не спрашивает. Просто творят с ним все что хотят. То один пощупает, то другой пошлепает. То одна рука, то другая. В общем, полный бардак! Конечно, ясно мыслить Гога еще не умел, зато умел горячо чувствовать! И вот эти самые чувства уже громко кричали ему: «Это что, вся жизнь будет такая?!»

Насилие продолжалось до момента, покуда из ниоткуда, как вишенка, перед его носом выскочил большой и сочный сосок! Своим радушным видом он показывал, что жизнь может наладиться. Это сильно успокоило Гогу. Не раздумывая, он вцепился в него голенькими, но крепкими деснами, и принялся жадно сосать. Зиночка от боли ойкнула, но не противилась, прижимая своего малыша все сильнее к своей набухшей груди. Черты ее лица стали постепенно разглаживаться от умиления и счастья. Из полузакрытых глаз по щекам стекали тонкими струйками слезы. Но теперь происходящее наполняло ее душу лишь одним — неопишным блаженством! О, женские соски! Какое особое место они занимают в жизни мужчины!

Для каждого малыша, особенно для мальчика, налитая молоком материнская грудь и есть рай! Главное, чтобы этот рай находился рядом как можно дольше. Известно, что именно во время этого глубоко интимного процесса зарождаются те самые чувства, которые в дальнейшем помогут нам жить. Ощущение ласки и заботы посеет чувство защищенности, покоя и уверенности в себе. Уверенности в том, что мы любимы, нужны и с нами ничего не случится. Появится то важное доверие к любимой женщине. Ведь не станет же та, которой ты безразличен, держать тебя на руках, нежно прижимать и что-то ласково нашептывать на ушко, кормя грудью. Как такой женщине не поверить? С другой стороны, если поматросила и бросила, то как такой доверять? Даже если это родная мать. Все это оставит неизгладимый след в нашем сердце. Многие ли женщины задумываются об этом? Некоторые считают, что все это глупости! А зря. Душа младенца нежна, как сахарная вата, — раз пройдясь по ней сапогом, вы оставяете след навсегда. Нет, Зиночка не была такой — безответственной и эгоистичной. Не беспокоилась, что ее грудь может потерять красоту. Она бы кормила и кормила! Но у нее перегорело молоко после шести недель, когда Борис бросил ее с беззащитным младенцем на руках. Зининой вины здесь не было. Но Гоге-то от этого не легче! Вот где теперь тот розовый сосок? Откуда взяться уверенности?! Самое печальное, что эту часть жизни уже не вернуть. Ведь не придешь же к своей мамаше годы спустя и не скажешь:

— Ну-ка, дай еще пососать, мама! А то маловато было!

Казалось бы, такая мелочь... Ан нет! Очень даже важная часть раннего опыта, которая будет играть огромную роль в нашей жизни и во многом определять судьбу. Самое ужасное, со временем мы все это забудем, оставаясь в полном неведении, не понимая, почему мы поступаем так, а не иначе. Почему то, что должно было закончиться так хорошо, завершилось так грустно? Но здесь есть и обратная сторона медали: потери и разочарования нас не остановят. Нам все равно захочется жить! Наше стремление к счастью и неутолимый аппетит к наслаждениям все равно будут двигать нами вперед! Мы вновь будем мечтать и надеяться. На горизонте появятся новые миражи, заменив нам утраченные. И, забыв обо всем, мы погонимся за ними с тем же упорством и жадностью, с каким когда-то вцепились в материнскую грудь. Ничто нас не остановит! Ни слезы, ни муки. И ради этого счастья мы будем готовы на все. Пожертвуем душой и телом, лишь бы добраться туда — в наш собственный рай! Кто поведет нас по этой дороге? Мы сами? Или чья-то рука? Или, может быть, вместе? Рука об руку?

Здесь надо пояснить, как выглядит наш рай в отличие от небесного, который всегда примерно одинаковый. Ну, там с садами, пением птичек, миром и покоем... В таком раю можно и от скуки подохнуть! Наш рай — это острые ощущения, которых нам всегда не хватает! И чем острее, тем лучше! Из небесного рая мы, конечно, возьмем кое-что. Главное — состояние неизменного блаженства, к которому мы так стремимся (и которого в природе не существует). В отличие от небесного, в нашем раю главное — секс! Много секса! Где хочешь, когда хочешь и, самое важное, с кем хочешь! Это не то же самое, что «плодитесь и размножайтесь»... Это гораздо интереснее! Алкоголь — без него тоже никуда. Наркотики (главное — не переборщить). О деньгах я вообще молчу — это святое! И еще много разного и на любой вкус! В общем, наш рай гораздо интереснее того... Ну, вы понимаете... Да! И с чем мы категорически не согласны, это чтобы наш рай был открыт только для праведников. Их-то почти не осталось. Наш рай для всех! И никакого Петра перед воротами нашего рая не будет. А уж святого тем более!

Воспоминание о рождении

Годы спустя Гога будет утверждать, что помнит тот августовский день. Но не момент рождения, а до. Помнит, что в какое-то мгновение он уже смутно ощущал себя. Как будто присутствовал где-то в виде томящегося сознания. Как светлячок, скрывавшийся в капельке лазурной волны, зависшей в воздухе и озаренной солнцем. Крохотка немного покачалась. Потом еще. Затем быстро завертелась и внезапной вспышкой куда-то исчезла. После этого он уже не помнил ничего.

Гога родился не хилым ребенком, почти пять килограммов. Нелегкая ноша для девушки ростом 1 метр 55 см. Но все муки меркли перед счастьем, которым была озарена Зиночка. Единственное, о чем она еще мечтала, что Борис, отец Гоги и ее гражданский муж, придет и принесет ей огромный букет цветов. Нежно посмотрит на ребенка, потом обнимет ее и поцелует. Поможет ей встать с постели и одеться. Возьмет ее за руку и поведет их домой. Что, увидев свое чадо, он попросит у нее прощения, проснувшись от злосчастного заблуждения о необходимости аборта. Предложение, с которым он обращался к ней, когда узнал, что она беременна. Даже умолял. Зина была в смятении и не знала, как поступить. Ведь она была так влюблена в Бориса! Хотя в глубине души уже знала, что такого не сделает никогда. Ее решение поддержал и будущий дед Гоги, отец Бориса. Конечно, и сама судьба была категорически против такого бездушного и убийственного поступка. Борису ничего не оставалось, как махнуть рукой. Дать женщине свободу самой разбираться в своих проблемах. Зиночка тогда еще не знала, что она не первая и не последняя в жизни человека далеких и остывших кавказских кровей. Она еще надеялась всей своей наивной, почти детской душой. Но Борис не пришел.

Из роддома Зиночка вернулась с младенцем на руках в свою небольшую комнату в 18 квадратных метров в коммунальной квартире. Она должна была собраться с мыслями. А главное — с чувствами. Ведь она теперь уже не одна. У нее ребенок! Понятие «мать» для Зиночки означало гораздо больше, нежели простая биологическая принадлежность. Гораздо больше! Для нее это — отдать всю себя! Ее сердце кровоточило, а душа ныла. «Не совсем удачное начало», — с горечью думала Зина. Но как можно было ее винить? Ведь женщины просто сходили с ума от Бориса. Неудивительно, что и она потеряла голову. Ее пора пришла. Как-никак ей было уже 26 лет.

Борис Лазарев

Борис и Зина познакомились ранней весной на автобусной остановке, недалеко от храма и какого-то кинотеатра. Борис был на 16 лет старше ее и на голову выше. Худощавый, с редкими волосами, но с густыми бровями. У него были большие карие глаза, один из которых иногда резко прищуривался и пронзительно вглядывался в нее, как бы опасаясь найти что-нибудь подозрительное. Но подозрительного в Зиночке не было ничего. Она была молода, чиста и по-своему красива. Ее зеленые с серым оттенком глаза имели мечтательное выражение. Правая бровь слегка приподнималась дугой, когда она бросала взгляд на Бориса. Густые темные локоны немного прикрывали невысокий упрямый лоб. Необыкновенно красивые пухлые губы, не лишенные внимания мужчин, но говорящие о постоянстве в любви. Маленькая щербинка между зубами придавала ее улыбке манкость и очаровательную оригинальность. Почти ровный, с легкой курносинкой нос с выразительными ноздрями, выдавал чувственную и страстную натуру. Она была хорошо сложена, невысокого роста, носила каблочки. Дай зонтик — и копия японской статуэтки! «Кто бы не захотел поцеловать такую девушку?» — наверное, подумал тогда Борис. Они выбрали кинотеатр, пройдя мимо храма. Любовь, видимо, вспыхнула сразу. Во всяком случае, так это было для Зины. Борис же был человеком утомленным, и не случайно. Позади — приличное количество брачных и внебрачных детей, и кто знает, сколько женщин. Конечно, Зиночка этого не знала и даже не подозревала. Для нее он стал почти отцом, по которому она безумно скучала. Борис выглядел очень серьезным и зрелым человеком, за спиной которого она чувствовала себя в безопасности. Помимо всего, он был образован, что в глазах Зины значило очень многое. Она в нем души не чаяла! Неудивительно, что она пронесет эти чувства сквозь долгие годы. Такой вот «маг» был этот Борис!

Любовь в сердце Зины поселялась всегда глубоко и надолго. Свою первую любовь она потеряла в 16 лет. Когда 29 октября 1939 года в Латвию прибыл первый эшелон с советскими войсками, Миша, не задумываясь, отправился записываться в добровольцы. Зина его долго ждала. Но он так и не вернулся. Годы спустя выяснилось, что Миша погиб. Ему было 19. Она узнает об этом, когда останки его партизанского отряда обнаружат в лесу. Его опознают по документам в гимнастерке. Во время похоронной процессии, когда по городу станут везти гробы с останками, Зина, поникнув головой, будет идти рядом с его портретом. О чем она тогда думала? Возможно, вспоминала тот странный сон. Ведь все эти годы он не давал ей покоя.

К июню 1941 года, когда немцы вошли в Латвию, Зина уже закончила курсы медсестер и хорошо владела немецким языком, который выучила, чтобы читать миннезингеров (певцов любви) в оригинале. Теперь, в силу новых обстоятельств и знания немецкого, она была вынуждена служить в госпитале, где должна была спасать жизни немецких захватчиков. За это ее чуть не расстреляли, когда в Латвию вновь вошли советские войска. Спасли советские военнопленные, рассказавшие, как Зина, рискуя жизнью, по ночам тайком носила им еду и медикаменты. Помог и другой факт: было известно, что при отступлении немцы звали ее с собой в Германию. Но Зина отказалась.

Как и почему Борис оказался в Риге, неизвестно. Зато известно, что он отсидел три года «за обманное проникновение в армию в 1934 году, путем скрытия от призывной комиссии своего дворянского происхождения и связей с социально враждебными родственниками, б. дворянами, б. княгинями, крупными домовладельцами г. Тифлиса, а также за систематическую агитацию среди военнослужащих полковой школы 19-го артполка», где выражал «троцкистские настроения». Отец Бориса был богат. Имел три больших дома в Тифлисе и фабрику, владел на паях с братьями Борисовыми электростанцией. Мать из семьи богатых помещиков. Бабушка по отцовской линии княгиня, была замужем за князем Сагиновым, он же Сагинашвили, представитель знатного кахетинского рода, возводившего свое происхождение к пер-

вому дому князей Дадиани, владетелей Мегрелии. На это в 1771 году указывал в письмах к русскому генералу Тотлебену имеретинский царь Соломон I. Спустя почти 56 лет, 18 октября 1991 года, Борис был реабилитирован как жертва политических репрессий. Есть предположения, что после того, как он отсидел, его определили в Латвию на поселение. По образованию был инженером-технологом. Как рассказывала Зина, Борис был одержим мечтой строить в Нью-Йорке небоскребы по собственным технологиям, о чем взахлеб шептал ей по ночам, не давая заснуть. Идея фикс не останется без продолжения. Гога долго не сможет понять, откуда у него — причем с детства — желание покинуть родные края? Желание по тем временам бредовое! Но именно это желание в итоге сыграет судьбоносную роль в его жизни. Единственное заключение, к которому пришел Гога: ему это передалось от Бориса.

Дед Гоги по отцовской линии, как уже было сказано, принадлежал к дворянскому роду и был богачом. Упоминались еще армянские и греческие корни. От матери Гоге достанется еще русская и эстонская кровь. Дед был порядочным человеком и хорошим семьянином. Его приводило в негодование поведение повесы-сына. Узнав о беременности Зины, он настаивал на рождении ребенка, в сердцах заявив:

— Если Борис не захочет, то я возьму Зину и внука под свое крыло!

Конечно, Зиночка была ему безгранично благодарна. Помощи от отца, придерживавшего строгих моральных правил, она ожидать не смела. Не говоря уже о мачехе, нрав которой приводил Зину в содрогание. Гогу назвали в честь деда. Тот вскоре умер, оставив обоих без обещанной защиты и попечительства.

С Борисом, как уже упоминалось, Зина рассталась, когда Гоге было всего шесть недель от роду. Она застала его в постели с другой женщиной. Он не переносил женских слез и приступов ревности, чего и не простил ей. Она-то готова была простить!.. Но он, видимо, не смог!.. Когда у Зины перегорело молоко, Гога лишился не только папаши и деда, но и источника крепкого иммунитета, что впоследствии приведет к многочисленным — мыслимым и немыслимым — заболеваниям. Но в оправдание Бориса Гога потом услышит от соседей, что именно папаша покрасил его подержанную детскую коляску в белый цвет на балконе у лестничной площадки. Фотографии Бориса Зина уничтожила. Впервые Гога увидит отца в Москве, когда ему будет уже семнадцать лет.

Борису по жизни везло. Его любовный цикл успешно продолжался, даже когда ему было далеко за шестьдесят. Молодые женщины не переставали сходить по нему с ума. Примером стала двадцатилетняя девушка, родившая ему очередного сына. Ее он вскоре тоже бросит. Гога об этом узнает от нее же. Чем Борис был помазан, остается загадкой. Гога так же наследует некоторые из тех чародейственных сил, за которые ему потом придется дорого заплатить.

Родители Зины

Что касается Зины, то ее жизнь уже с детства складывалась не совсем удачно. Рано потеряла мать и любимого брата, утонувшего в 9-летнем возрасте. К тому же у нее оказалась непростая подноготная. По рассказам, бабушка Зины по отцовской линии — русская, работала гувернанткой в богатой семье эстонских помещиков. Сын помещиков оказался горячим эстонским парнем и страстно влюбился в молодую красавицу. Вскоре выяснилось, что девушка беременна. Семья подошла к ситуации самым благородным образом — сын женился на возлюбленной и дал ей свою фамилию. Мальчика назвали Андреем. Андрей Андреевич Пусеп, отец Зины, впоследствии станет ведущим актером Русского драматического театра в городе Даугавпилсе. Там он прослужит до конца своих дней, оттуда же с почестями его проводят в последний путь.

Мария Ивановна Кириллова, Зинина мама, родилась в семье зажиточных крестьян. Была актрисой того же театра.

Тут история получает неожиданный поворот. Мария, как оказалось, вела еще одну — параллельную — жизнь. Знал ли Андрей Андреевич, участвовал ли в ней, неизвестно. То было смутное время. Время, наполненное духом Революции! Оказалось, роль актрисы служила лишь прикрытием для основной деятельности Марии. Она была тайным агентом — как говорили, под руководством самого Ленина. Мария была профессиональной разведчицей!

Другим ярким представителем фамилии Пусеп был Эндель Пусеп. Выдающийся советский полярный и военный летчик, полковник, Герой Советского Союза и государственный деятель. Героя Эндель Карлович получил в 1942 году за дерзкий перелет через океан под носом нацистского руководства — сначала в Лондон к Уинстону Черчиллю, затем к президенту США Рузвельту. Туда он доставил министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова для ведения переговоров об открытии второго фронта.

Возможно, феноменальная память досталась Зине от матери. Для окружающих пара являлась олицетворением успеха и добропорядочности. Пользовалась всеобщим уважением. Мария вскоре забеременела. Но судьба их ласкала недолго. При выполнении очередного задания она была ранена. Как говорили — при переходе какой-то границы. Ранение, видимо, пришлось лечить в конспиративных условиях. После родов Мария прожила всего полтора года. Так Зиночка потеряла маму, Андрей Андреевич — молодую жену, а Гога — потенциальную бабушку. Перемена, конечно, не могла не отразиться на жизни семьи.

Зина, как и многие девочки, обожала папу. Он для нее был всем, особенно после смерти матери. Андрей Андреевич был любящим отцом и лелеял дочь. Но, оставшись с маленьким ребенком на руках, стал задумываться о своем незавидном положении. Дом без женщины, девочка без материнской ласки... При его занятости в театре это стало тяготить.

Ефросинья Карловна и Евгения

Ефросинья Карловна была высокой и стройной девицей. С изумительной фигурой, пышной, но холодной грудью. Глаза — почти прозрачные, без определенного цвета. Невыразительный, но сосредоточенный и застывший, без каких-либо эмоций взгляд напоминал взгляд лисицы, прокравшейся в курятник. Лицо — продолговатое, крестьянское, со слегка отвисшими щеками, на нем не просвечивалось даже тени улыбки, а уголки тонких губ были слегка оттянуты вниз. Она производила впечатление серьезной, уравновешенной и хладнокровной особы. Сочетание черт характера, которые, видимо, показались Андрею Андреевичу самыми надежными. Конечно же, гибкий фигуристый стан сыграл не последнюю роль. Они вскоре поженились. Таким образом, Зина приобрела мачеху, Андрей Андреевич — новую жену, а Гога, как потом выяснится, ничего.

Ефросинья имела все качества, необходимые умной женщине, чтобы держать все под контролем, не нарушая при этом мира и порядка в доме. По отношению к Зине она вела себя «достойно». Когда было необходимо, умела быть «очень мягкой», как горчица. Длинные и тонкие руки висели плетьюми по бокам, всегда наготове. С ранних лет она приучила Зину к труду и дисциплине. Все это никак не отразилось на жизнерадостном характере Зины. Она никогда не жаловалась папе, ведь он был так занят и так устал. Но все стало хуже, когда Ефросинья родила свое собственное дитя — доченьку, которую назвали Евгенией. С этого момента Женечка стала центром внимания, любви и заботы в доме. Нет, Андрей Андреевич не перестал любить Зиночку, просто любовь немного перераспределилась. Как-никак Женечка тоже была его родной доченькой, да еще такой маленькой! Потом появился еще и братик Георгий. Здесь тоже требовалось немало любви.

Прошло время. Сестры подросли. Как и все дети, они были чисты и любили друг дружку. Хотя и разные по характеру, Женя с Зиной стали очень близки. Зина оставалась романтической натурой и страшной фантазеркой. Всегда веселого нрава, доверчивая и слегка наивная. Отличалась необыкновенной энергичностью, как будто в ней ютилась шаровая молния. Только эта молния была наполнена не убийственным зарядом, а зарядом любви и страстных мечтаний. Она много читала. Гордилась тем, что не путала Пушкина с Пугачевым (не в пример некоторым барышням из рассказа Чехова). Обожала Татьяну за глубину чувств и стойкость характера. Евгения к таким «страстям» относилась прохладно, если не сказать — холодно. От матери она наследовала высокий, стройный стан и ярко выраженный эгоизм. Но, в отличие от матушки, у нее было удивительно красивое лицо. О ней можно было сказать: необыкновенной красоты, с чрезмерно мелкою душой, очарована собой. Невзирая ни на что, теплые отношения между сестрами останутся на всю жизнь. Это подтвердится многие годы спустя уже в далеком Лос-Анджелесе.

Дворничиха

Вскоре после родов Зина вернулась на фабрику. Цех, где она работала упаковщицей шоколадных конфет, делал ее жизнь немножко «слаще». Мысли о себе и малыше часто наводили на нее грусть. Все как-то не складывалось в ее жизни. Но мир не без добрых людей. Некоторые проявляли к ней и малышу настоящую сердечность и понимание. Одной из таких была Надя, местная дворничиха. Когда Гоге исполнилось несколько месяцев, она пришла поздравить Зину с огромным букетом алых роз. Гога лежал посреди кровати голенький. Посмотрев на него с умилением, Надя подошла к постели и стала раскладывать цветы, стебелек к стебельку, вокруг его обнаженного тельца, образовав красный ореол. Закончив, вздохнула и, не спуская глаз с Гоги, торжественно произнесла.

— Ну, вот, Зиновия! Пусть вся его жизнь будет такой же яркой и прекрасной, как эти алые розы!

Зина прослезилась и расцеловала Надюшу. Вытащив бутылку шампанского, Надя встряхнула ее и громко выстрелила пробкой. Гогу передернуло, будто он надкусил дольку лимона. Налив шампанское и подняв бокал, Надя добавила:

— Ну, что я тебе скажу, Зиновия?! Счастья вам! Тебе и твоему малышу!

Гога лежал не двигаясь и о чем-то напряженно думал. Он будто ощущал своей обнаженной плотью присутствие острых шипов, которые умело спрятались под зеленым покровом, как притаившиеся разбойники. Лежи и не дергайся! Ничего хорошего здесь ожидать не приходится.

Надины пожелания сбудутся. Жизнь действительно окажется яркой. Иногда даже прекрасной. Но если бы спросили самого Гогу, то вместо роз он предпочел бы васильки.

Судьба миловала Гогу. Щедро наделила талантами, красивой внешностью, умением думать и горячо чувствовать. И было бы грех сказать, что удача не сопутствовала ему. Нет, она всегда стремилась быть рядом. Просто вела себя, как гулящая. То появится, то вновь пропадет! Но, появившись, она умела так блистательно развернуть события, что заставляла всех разинуть рты.

Крещение

Гогу надо было срочно крестить. Зина была убеждена, что без Божией помощи ей не обойтись. По ее рассказам, это было трогательное и в то же время смешное событие. Происходило оно на Старом Форштадте, недалеко от Даугавпилса, в поселении, где жили старообрядцы. Эти люди и при советской власти сумели сохранить свои обычаи. Там проживали многие Зинины родственники по материнской линии. Зина не могла без смеха вспоминать тот день. Гости чинно собрались. Все было готово для церемонии. Батюшка принялся читать своим бас-баритоном молитвы. Хор тихо подпевал. Множество мерцающих и потрескивающих свечей создавали торжественную и таинственную атмосферу. Закончив с молитвами, отец перекрестился, взял младенца и, подняв вверх, с благословением опустил его голенькое тело с головой в купель, наполненную холодной водой. Для Гоги такой поворот событий оказался совершенной неожиданностью. Вцепившись мертвой хваткой в бороду попа, он стал энергично отталкиваться маленькими, но крепкими ножками от днища купели и взбираться по бороде отца, как десантник, выполняющий сложное и не совсем понятное ему задание. Все попытки оторвать его от бороды оказались тщетными. Для Гоги она была как соломинка для утопающего, и он не намеревался отпускать ее. Избавиться от него, как это делают с новорожденными котятами, он допускать не собирался. Все замерли. Наступила гробовая тишина с неловким ожиданием. Священник оказался профессионалом. Взглянув на клочки своей бороды в стиснутых кулачках Гоги, он величаво произнес:

— Ну, что ж... Этот будет крепко стоять на ногах.

По церкви прокатился вздох облегчения. Зина продолжала стоять как вкопанная. Но умиротворяющий тон батюшки, доброжелательные и смущенные улыбки, наконец, пробудили ее от ступора. Взяв свое теперь уже крещеное чудо на руки, она засияла от радости и с восторгом посмотрела на него!

Однако испытания на стойкость для Гоги только начинались. Чтобы человек имел шанс на счастливую жизнь, у него должно быть счастливое детство. Гогино детство назвать счастливым нельзя, но и несчастным тоже.

В ожидании Годо

Зина должна была работать. Оставить Гогу было не с кем. Единственная надежда, что кто-то из соседей заглянет на минутку в комнату и посмотрит, как он там. Во время обеденного перерыва она мчалась домой, чтобы быстро накормить, напоить и расцеловать свою кроvinочку. А иногда даже успеть поменять пеленки. Затем бежала обратно. Благо фабрика находилась недалеко от дома.

Для Гоги день начинался с того, что, проснувшись, он оглядывался вокруг и никого не находил. Ничего не оставалось, как вслушиваться в оглушительную тишину. Машин тогда почти не было, единственными звуками, подтверждавшими, что на этой планете есть жизнь, был одинокий топот копыт какой-нибудь захудалой кобылы, тащившей телегу, или еле слышное жужжание опьяневшей мухи. Конечно, тишина — это благодать для разного рода профессий... Но Гога профессии тогда еще не выбрал. Для него это безмолвие было настоящей каторгой. Если бы только тишина! Но ты же еще и замотан в какую-то простыню, уже порядком промокшую и явно непохожую на ту, какую носили вельможи, выйдя из римской бани. И намочила твоя простыня не от пара и душистых благовоний, а от мочи, которая начинает пощипывать и чесаться и куда в придачу периодически добавляется какая-то мягкая, пахнущая масса. Так что сенатором Древнего Рима ты себя явно не ощущаешь. Хуже того — ты понимаешь: рев и слезы бесполезны. Только еще больше себя расстраивать. Что остается? Хлопать глазами, вертеть головой, продолжать терпеть и уныло ждать. А чего ждешь, сам не знаешь. Как у Беккета, «В ожидании Годо».

Ожидание «чего-то» останется с Гогой на долгие годы. Но со временем это пройдет. Он будет вытаскивать себя из внутреннего заточения, стряхивая мучительные ощущения, которые испытывал, лежа в детской кроватке в ожидании мамы. И помогут ему в этом девушки. Много девушек! Позже добавится гитара и пение. А пока спасение будет появляться в виде постукивающих каблучков, очень спешащих и быстро приближающихся. Гога их слышал уже издалека, когда Зина только открывала парадную дверь. Она, в свою очередь, уже сердцем чувствовала его, вина заставляла ускорять шаг, покуда она уже почти бежала. Зина знала, сколько горечи и укора обрушится на нее сейчас. Как только дверь в комнату открывалась, щеки надувались и рев вступал в свои законные права. А взгляд, полный укора, как у ревнивого шпица, долго ожидавшего свою хозяйку, сжимал сердце до боли. Слезы не прекращались до тех пор, покуда «обидчица» полностью не искупляла свою «вину», что обычно означало десятки горячих поцелуев, извинений и жарких объятий. Здесь требовалась доза любви как для маленького слоненка. Слезы постепенно высыхали. Надежда не умерла! Но все равно — одно дело находиться в одиночной камере, понимая, почему тебя постигла такая незавидная судьба, и совсем другое быть в полном неведении, почему ты здесь оказался. А главное — за что?! Самое ужасное — и в первом, и во втором случае результат будет примерно одинаковый. Можно с уверенностью сказать: получив негативный опыт, особенно в раннем детстве, никогда уже не будешь полностью душевно здоровым человеком.

Спасение — переселение к соседкам

Умение ждать и терпеть — важные качества. Но Гоге эти качества пришлось усваивать не по своей воле и при обстоятельствах, на которые он никак не мог повлиять. Чувство бессилия начало давать о себе знать. Зина стала замечать, как Гога меняется. Какая-то застывшая и непроходящая грусть появилась в его глазах. Она понимала, что так продолжаться не может и надо что-то предпринимать. Решение появилось как бы само собой. Этажом ниже жила семья латышей, с которыми Зина дружила. Мама, папа и две дочки. Мать не работала, занималась домом и детьми. Девочки давно привязались к Гоге. Видимо, им не хватало маленького братика. Они-то и предложили:

— Пока тетя Зина на работе, пусть Гога проводит время у нас!

Что это значило для Гоги!.. Проснувшись, ощутить присутствие людей, услышать их голоса, почувствовать их дыхание — и так в течение целого дня! Он как будто переродился. Уныние и печаль стали сходиться с его лица. Зина не могла нарадоваться. С огромным облегчением смотрела, как ее малыш оживает.

Девочкам было всего пять и шесть лет, но они уже умели проявлять внимание и заботу. Особенно к Гоге. Полные противоположности — и по внешности, и по темпераменту — они прекрасно дополняли друг друга. Он любил изучать их лица, нежно поглаживая по носу, по щекам, шее. Они хихикали и ежились от щекотки. Затем, немного покраснев, нежно и стыдливо отводили его руку. Гогу же пьянил запах их белоснежных пальцев. Таких тонких и изящных. Они пахли пленяющей чистотой. Когда соседские дети прибежали посмотреть на него, веселый шум и смех заполнял комнату. Все были заняты только им! Он с жадностью впитывал каждое мгновение, однако страх и тревога не оставляли: «А что, если все это вдруг закончится?! Исчезнет?» Но Гога крепчал. Гога мужал. Он уже уверенно топал и неплохо изъяснялся. Особенно хорошо у него получалось слово «Дай!». Оно никогда не оставалось без ответа. Из унылого и чрезмерно задумчивого ребенка он превращался в веселого, озорного мальчишку. Девчонки обожали его. Они спасли его. Кто знает почему. И почему именно его?

Прошло несколько лет. Как-то в воскресенье Гога зашел навестить своих «сестричек». Старшая копалась в старом приемнике, пытаясь его оживить. У нее ничего не получалось. От злости она схватила шнур и дернула, чтобы вырвать из розетки. Часть провода в руке оказалась оголенной. Ее свело. Не в силах оторваться, она застыла и с ужасом уставилась на сестру. Младшая не могла понять, что случилось. С глазами, полными отчаяния, повернулась к Гоге. Внутри что-то щелкнуло. Не задумываясь, Гога ринулся к шнуру и выдернул из розетки. Девочка рухнула без сознания. Как потом сказала доктор: «Еще секунда, и она была бы мертва».

Смерть девочки

Видимо, «наверху» не досчитались. У Зины была знакомая, которая часто навещала ее со своей пятилетней дочерью. По пути они проезжали мимо кладбища, и каждый раз девочка задавала один и тот же вопрос:

— А эти люди умерли, потому что их убило электричеством?

Мать всегда вздрагивала и старалась что-то объяснить. Но вопрос возникал снова и снова.

Как-то утром, уходя на работу, женщина решила отодвинуть диван подальше от окна, чтобы малышка не смогла забраться на подоконник, как она это часто делала, и случайно не выпала. Почему-то ее всегда преследовал этот страх. Когда она ушла, девочка, как обычно, забралась на диван и потянулась в сторону подоконника. Но из-за большого расстояния потеряла равновесие. Падая, она ухватилась за ножку торшера, стоявшего между диваном и подоконником. Ножка торшера оказалась под напряжением. Ее убило мгновенно!

Об этой ужасной новости Гога и Зина узнали из найденной в дверях записки. Гога с недоумением посмотрел на маму, какой-то животный страх сковал нутро. Убитая горем мать потом рассказывала, как в ночь перед этим видела сон: она примеряла черный костюм, который был ей очень к лицу.

Этот случай потряс Гогу. Он впервые столкнулся со смертью и сразу немножко повзрослел. На похоронах он стоял за спинами взрослых. К гробу девочки не подошел. Побоялся. Возможно, и с ним могло случиться нечто подобное, если бы не одно очень важное обстоятельство — рядом всегда был Ангел-Хранитель.

Генеральские мандарины

Помимо того, что ее любимое чадо по ночам ходило по подоконникам с открытыми глазами (о чем Зина с ужасом узнала), не было ни одной детской болезни, которой он не переболел бы. Тут был и менингит в легкой форме, и ревматизм сердца, и просто ревматизм, и целый букет других заболеваний. Зина только и успевала мотаться по больницам. А заботливые доктора не забывали напоминать:

— Не знаем, не знаем, Зиновия Андреевна. Ситуация тяжелая...

Но Гога каким-то образом всегда выкарабкивался — до следующей больничной койки. Вступив в должность, Ангел-Хранитель даже не подозревал, сколько хлопот доставит ему новый подопечный. К счастью, эти небесные существа относятся к своим обязанностям гораздо ответственнее, чем люди, и несут крест до конца, вне зависимости от его тяжести. Разболевшись в очередной раз, Гога слег со слабой перспективой на выздоровление. Медсестры с сочувствием заглядывали в палату и, опустив глаза, тихо закрывали за собой дверь. Зина всю ночь просидела возле его постели. Было раннее утро, когда Гога проснулся. Увидев мать, он сказал слабым голосом:

— Мам... если ты принесешь мне вареную картошку в мундире, я обязательно выздоровлю. Обещаю.

Картошку с теплым молоком Гога уплетал с такой жадностью, что, казалось, он не ел неделю. Опустошив котелок, больной рухнул на подушку и заснул. На следующий день ему полегчало. Еще через несколько дней он выздоровел. Ученые мужи были поставлены в тупик, не понимая, как реагировать на методы лечения, доселе им неизвестные. В другом случае спасли фрукты. Потребовались мандарины, которых в те времена и в помине не было. Как Зина добралась до Главнокомандующего Прибалтийским округом, легендарного генерала Баграмяна, покрыто тайной. Но выслушав полуобморочную Зину, генерал заявил:

— Будут мандарины для вашего малиша!

Через несколько дней на военном аэродроме Риги приземлился самолет, где наряду с депешами была пара ящиков заветного лекарства.

Как ни парадоксально, но многочисленные болезни укрепят Гогин иммунитет. В дальнейшем он будет болеть очень редко.

Десятилетия спустя в Черногории Гоге позвонила его знакомая и рассказала, что ее муж тяжело заболел. В конце разговора она упомянула о странном пожелании супруга: принести ему вареную картошку в мундире. Гога усмехнулся и успокоил:

— Ваш муж обязательно выздоровеет. Вот увидите! Только не забудьте сделать то, о чем он вас попросил!

Вскоре черногорец пошел на поправку.

Воздушные бревна

Зина продолжала целыми днями работать. Неполных пяти лет от роду Гога частенько болтался по улицам в поисках приключений.

Однажды тощая и простуженная кобыла, чихая, из последних сил тащила телегу, груженную тяжеленными бревнами. «О! Класс! — подумал Гога. — Прокачусь!» Такое времяпрепровождение было любимым занятием детворы. Кучера об этом знали. Для них не было ничего милее, как поймать одного такого «зайца» и отодрать как сидорову козу. На детей это наводило ужас. Но жажда авантюры была сильнее. Когда очередная телега проходила по улице, дети, как мухи, облепляли ее. А прокатившись, спрыгивали и разбегались как тараканы, подняв на смех бедолагу-кучера. Тот в бешенстве неуклюже размахивал хлыстом, что смешило детей еще больше. Они хохотали и свистели, куда телега не исчезала из виду.

Сидя сзади, Гога размечтался: «Как хорошо, когда тебя кто-то тащит вот так на себе... А ты в ус не дуешь». Кучер, не жалея хлыста, продолжал взбадривать старые кости клячи. Загоняя ее в узкие ворота, он матерился почему-то по-русски, но с латышским акцентом:

— Ну, дафай, дафай! Дфигайся, стаарая блиат!

Чего усердный латыш не заметил, так это того, что высота содержимого его телеги была больше проема ворот. Гога уже собрался соскакать, но от очередного удара хлыстом животное вдруг рвануло вперед. Бревна лавиной обрушились вниз, пройдясь по Гогиной голове, плечам, спине. Гога еще крепче вцепился в повозку и продолжал держаться, пока последнее бревно с глухим грохотом не ударилось о землю. Но единственное, о чем тогда с ужасом думал Гога, это хлыст! Он соскочил и ринулся вперед, только пятки сверкали! Добежав до безопасного места, он еще долго не мог отдышаться, коленки не переставали дрожать. Спрятавшись за мусорку, Гога в изнеможении сел на корточки. Вытер со лба пот и осторожно выглянул. Никого... Переведя дух, он вспомнил Алдыса, своего закадычного дружка и учителя. «Вот бы сейчас ту сигаретку, о которой он так интересно рассказывал». Страх постепенно сменялся ликованием. Ухмыльнувшись и сплюнув, он передразнил кучера:

— Ну, дафай, дафай, блиат... Сам ты козел!

Гога вновь выглянул из-за мусорки.

— А ведь не поймал! И не поймаешь, дебил!

Он отряхнулся, засунул руки в карманы и, оглядываясь по сторонам, зашагал в сторону дома. О бревнах даже не вспомнил. Страх хлыста сделал их воздушными. Ангел-Хранитель в тот день здорово попотел, но был доволен своей работой. Почему Гога остался тогда на Земле, а не переселился на Небеса, одному Богу известно.

Негритянка по имени Розетка

Создавалось впечатление, что, появившись на свет, Гога постоянно «кому-то» мешает. И этот «кто-то» прикладывает немало усилий, чтобы ту ошибку исправить. Самое неприятное — гаденьш годами будет продолжать заниматься своей подрывной деятельностью! Если не сказать, всю жизнь! Впоследствии Гога даже даст ему имя — Альберт. Звучит как-то соответствующе.

Зина с Гогой гостили у мачехи и отца, с которыми жил и Гогин кузен, теска Георгий. Женечка, единокровная сестра Зины, давно испытывала на прочность свои хилые актерские таланты. Будучи очень занятой, она тем не менее успела где-то нагулять внебрачное дитя, которое поспешила передать своим родителям на воспитание. К слову, Женечка так и не добралась до роли матери, будучи занята более «важными» ролями, чего, в свою очередь, сын ей никогда не простит. Дед и бабка в нем души не чаяли, что злило и раздражало кузена еще больше, так как ему до боли не хватало матери. Георгий был разбалованным и капризным. А главное, не уверенным в себе, несмотря на всю любовь и заботу, которыми его окружали. С годами добавятся зависть и инфантильность. Все — результат предательства со стороны самого важного человека на свете. Даже, будучи взрослым, он будет болезненно переживать, когда узнает, что мамаша, оказывается, старалась всеми силами избежать его, когда навещала родителей.

Вечером детей уложили спать. Кузен быстро заснул. Гога заснуть не мог. Его мучила тоска. Приглушенные голоса из соседней комнаты лишь усиливали уныние. Чтобы развеять скуку, он стал разглядывать однообразные узоры на обоях, которые освещал лунный свет, просочившийся сквозь щель между занавесками. «Неужели вся жизнь будет такая же серая, как эти узоры?» — с тоской думал Гога. Проводя пальцем по линии орнамента, он вдруг натолкнулся на то, чего раньше не замечал. Перед его носом неожиданно возникла розетка! Гога обрадовался ее появлению, тем более что посреди всей этой мертвечины она выглядела почти живой. Она чем-то походила на маленькую негритянку. Посередине светился серебряный шурупчик, похожий на маленький носик. А по бокам шурупа — два отверстия, как черные и умные глазенки, пристально наблюдающие за ним и говорящие, что негритянка совсем не глупа, с ней можно о многом поговорить. Они разговаривали долго, но он уже не помнил о чем. Сон постепенно стал одолевать. Перед тем, как заснуть, Гоге безумно захотелось ее поцеловать. Затем добавилось еще одно неодолимое желание — на прощание он захотел лизнуть, один за другим, ее очаровательные глазки.

Крик, видимо, был ужасающим. Перепуганные взрослые теснились в дверях и таранились на Гогу, не понимая, что произошло. Кузен от шума проснулся и вскочил на постели, выпустив пару струек мочи, которые теперь стекали по его ноге. Гога сидел посередине кровати с широко раскрытыми глазами. Его обожженный высунутый язык болтался, подергиваясь, как маленькая рыбка, попавшаяся на крючок. Верхняя губа с правой стороны была рассечена ударом тока. На испуганные восклицания взрослых «Что случилось?!» Гога только пожимал плечами и хлопал глазами, с удивлением поглядывая на теперь уже совсем черную и дымящуюся розетку. Зина ринулась к нему, стала обнимать свое нерадивое чадо, восклицая:

— О, Боже! Боже! Сынынька! Да что же это такое?! Ну, кто же лезет языком в розетку?

Бабка перекрестилась и, взяв за руку перепуганного и оглядывающегося на Гогу кузена, молча удалилась. Андрей Андреевич свел сурово брови, поправил очки и так же молча последовал за ней.

На следующее утро все внимание было приковано к «пострадавшему». Гога вяло отвечал на вопросы. Язык еще не слушался, в уголке верхней губы был наклеен кусок бумажки. Кузен был на год старше Гоги. Но уделяемое Гоге внимание не на шутку растревожило его неуверен-

ную натуру. Положение баловня дома было поставлено под угрозу. Дабы восстановить пошатнувшийся баланс и как ответ на вызов розетки, кузен решительно потребовал апельсин!

Апельсины в те времена были огромным дефицитом. Если они и появлялись у кого, информация держалась в строжайшей тайне. Ефросинья от неожиданного требования пришла в смятение. Застенчиво наклонив голову на бок и опустив глаза, она еле слышным голосом сказала:

— Да откуда же, сыночек, у нас апельсины-то? Где ж их возьмешь, милоч, в наше-то время?

На что последовал истеричный крик:

— Еще позавчера я видел пяток!

Ефросинья замерла, но не сдавалась:

— Так вишь ли, милоч... У нас же намеренны гости были...

— Какие гости?! И когда это гости у нас апельсины ели?! — задыхаясь, взвизгнул кузен. Взвинтившись всем телом вверх, он вдруг рухнул на пол и забился в эпилептическом припадке. Бабка вскрикнула и застыла в ужасе. Затем упала на колени и бросилась откачивать своего любимца.

— Боже! Боже! Андрей! Помогите!

Зина растерялась и не знала, что делать. Андрей Андреевич посмотрел на «больного» и, покачивая головой, вышел из комнаты. Очухавшись, Зина схватила полотенце и стала размахивать над головой «пациента», периодически дуя ему в лицо. Гога внимательно наблюдал за происходящим и о чем-то напряженно размышлял. По его сосредоточенному взгляду было видно, что он делает какие-то важные умозаключения. Так как «больной» продолжал лежать и дергаться, Ефросинья была поставлена перед нелегкой задачей: как одному дать апельсин, а другому нет? Даже ее расчетливый ум был загнан в тупик. Это был мат!

— Ну, может быть, парочка где-то и завалилась... — протянула она голосом скрипучей двери.

«Эпилептик» замер. Пару раз еще дернул ногами и открыл глаза. Два апельсина как будто сами выкатились неизвестно откуда. Выздоровление последовало мгновенно! Кузен, лениво чавкая, уплетал апельсин, периодически бросая на Гогу победоносные взгляды. Этот случай произвел на Гогу неизгладимое впечатление!

Вернувшись домой, он впал в глубокое раздумье. Его ошеломила способность кузена управлять миром. Оказывается, чтобы мир обратил на тебя внимание, просто надо быть смелее и требовательнее! Главное — не стесняться!

Прошло несколько дней. Гога неожиданно обратился к маме с вполне легитимной просьбой — он попросил апельсин! Зина с удивлением посмотрела на него:

— Откуда у нас апельсины-то, сына?

Начался акт первый. Закатив глаза, Гога рухнул на пол и забился в припадке, который так хорошо запомнил. Зина в изумлении уставилась на него. Диагноз доктор-мама поставила сразу. Теперь надо было определиться с методикой лечения. Зина выбрала народную медицину.

Прутология

Не совсем научный термин, выдуманный и осмысленный на досуге самим автором, отдающим дань его безукоризненной репутации и эффективности.

«Прутология» — метод народной медицины, прошедший сквозь века. Высокая степень эффективности. Метод обладает уникальной способностью мгновенно воздействовать на мозговые центры, отвечающие за умение постигать такие понятия, как необходимость слушаться старших. Еще лучше — родителей. Помогает понять, как быстро скорректировать свое поведение, чтобы не получить добавочной дозы терапии. В народе методика известна под названием «розги». После полученной первой порции, больному зачастую вторая уже не требуется. Обычно он быстро идет на поправку. В дальнейшем одно лишь упоминание прутологии магическим образом избавляет пациента от мучающих его симптомов. Например, желания прогулять школу. Вырвать из дневника страницу с двойками и заменить ее страницей с пятерками. Или курить втихаря с друзьями и подружками в какой-нибудь вонючей подворотне. Не говоря уже о желании распивать там дешевый портвейн.

Зина, как лань, скачущая по горе, сбежала по лестнице, подлетела к березе во дворе и отрезала тонкие, гибкие прутья. Очистив их от листьев, она тут же бросилась назад, но уже как лань, скачущая вверх по горе. Оказавшись на месте происшествия, она констатировала, что ситуация не только не улучшилась, но даже ухудшилась. Терять нельзя было ни секунды! Недолго думая, она стала энергично охаживать больного — быстро, часто и куда попало. Глаза больного расширились до размера пятак. Гога мгновенно вскочил, как будто давно умел летать. Какая-то неведомая сила поставила его прямо на ноги. На вопрос Зины, требуется ли больному добавка, последовало убедительное, не подлежащее двусмысленной интерпретации мотание головой из стороны в сторону и твердое, спетое фальцетом «Нееет!!!». Что лишь подтвердило ранее сказанное — метод не имеет себе равных! Вдобавок, когда ощущаешь теплую, медленно стекающую по ногам струйку, образующую на полу небольшую, янтарного цвета лужицу, понимаешь, что настал важный момент. Момент принятия правильного решения — как сдать быстро и без боли! К сожалению, метод ограничен во времени и эффективен лишь до определенного возраста.

После этого случая Гога понял, что не все люди одинаковы и каждый в жизни борется по-своему. Он не кузен. А его мама — не бабушка. После осознания этого все вернулось на свои места.

Сараи

Гога уже не так скучал по маме, когда она уходила на работу. Ведь был двор. Там он мог лазить по деревьям и играть в песочнице, рядом с которой росла та самая береза, можно сказать, спасшая его от «тяжелого недуга». Тонкие полоски от прутьев на ляжках почти исчезли и уже не чесались. Но самыми интересными были сараи, которые принадлежали старым латышам, жившим здесь еще до войны. Пятиэтажное кирпичное здание когда-то тоже принадлежало им, но Советы его «приватизировали», превратив в коммуналки. «Сестрички» со второго этажа уже ходили в школу. Гога продолжал болтаться во дворе. Но мама была спокойна. Дядя Ваня и тетя Аня из соседнего дома присматривали за ним, а Гога чувствовал присутствие «ока».

Сараи для Гоги представляли мир, полный загадок. На полках лежали сильно обшарпанные чемоданы, набитые не только старыми вещами, но и фотографиями, письмами и заржавевшими монетами. Была даже немецкая каска и помятые, заношенные до дыр сапоги. Каждый раз, когда Гога пробирался внутрь, он застывал, как замороженный. В эти моменты он забывал обо всем. Даже одиночество исчезало. Он мог часами рассматривать фотографии, вглядываясь в лица людей, которые когда-то жили, а теперь куда-то исчезли, как тени. Он часто думал: кто были люди, сочинявшие те письма? Чья рука писала на этом листке с засохшей слезой, размазавшей до неузнаваемости вымученное слово? Все эти вещи когда-то кому-то принадлежали, были частью их жизни. А теперь лежат здесь разбросанные, как останки своих хозяев. Немецкая каска представляла особый интерес. Такую он видел только на плакате, где советский солдат вонзает штык в ненавистного врага. Напялив каску, он мог долго сидеть и размышлять о солдате, когда-то носившем ее. Почему и как она здесь оказалась? Кто был владельцем? И где он сейчас? Жив ли, мертв ли? Когда начинало темнеть, Гога аккуратно складывал все обратно и, погруженный в раздумья, возвращался домой, чтобы на следующий день вновь вернуться сюда. Но даже сараи не могли исправить того, что Гога оставался одинок. Ему не хватало друга. Пусть даже собаки! Он часто подбирал их на улице и приводил домой. Через несколько дней они почему-то исчезали. Ответ всегда звучал одинаково:

— Убежала. Бродяга же. Не привыкла к домашней жизни. Ей улица и свобода дороже всего.

Тогда Гога находил другую. Но и ее постигала та же участь. Гога втихаря плакал и находил следующую.

Алдыс и тайны дыма

Все изменилось, когда Гога встретил Алдыса. Тот оказался соседом и жил рядом в двухэтажном деревянном доме. Алдыс был латышом. На три года старше и на пару голов выше. Это особенно нравилось Гоге! Он чувствовал себя гораздо увереннее рядом с таким другом. Зина не совсем понимала эту парочку, но их дружбе не препятствовала — сосед все-таки. Родители Алдыса относились к Гоге благосклонно, но снисходительно. Для них он оставался «сиерис». То бишь, «сыр». Латыши почему-то называли всех русских «сырами». Некоторые утверждали, что из-за цвета волос, другие — из-за запаха портянок. Но «цыганчик», как родители Алдыса иногда называли Гогу, не переставал удивлять чистейшим латышским языком, на котором он говорил лучше, чем большинство их соотечественников. Абсолютный слух уже тогда давал о себе знать.

Несмотря на различия, Алдыс и Гога искренне привязались друг к другу. У Гоги была еще одна причина радоваться. Теперь его очередная дворняга уже не пропадала, потому как могла перекантоваться у Алдыса, когда ей грозило «выселение». Так у Гоги появилось сразу два друга. Теперь, когда они выходили в парк, местные оболтусы не смели даже косо посмотреть на него, что придавало Гоге не только больше смелости, но и важность. Одиозная троица стала не разлей вода. Дворняга радовалась больше всех. Виляя хвостом, с преданным взглядом, она семенила рядом и с каждым днем становилась все больше похожа хоть и не на чистокровную, но овчарку.

Алдыс был худощавым, с осунувшимся и угрюмым лицом. Всегда сутулый, с руками в карманах, он глядел на всех исподлобья, что придавало ему устрашающую мрачность. Русая, как солома челка, прикрывала половину лба, остальная часть головы была выбрита по-армейски. Он носил серый, слегка потертый, явно узковатый пиджак, рукава которого прикрывали две трети его длинных рук. Такая же картина была и с брюками. Одежду, видимо, покупали в надежде, что он больше не вырастет. Но Алдыс вырос и теперь походил на немецкого военнопленного. Гога же был полной противоположностью. Кругленький, хорошо упитанный, без пары передних зубов, с кепкой на голове, которая периодически сползала на нос. Пальтишко — так же размером больше — скорее напоминало солдатскую фуфайку. Все говорило о том, что Зиночка покупала одежду на пару лет вперед, в надежде, что ее кровиночка обязательно вырастет. Единственный, кто чувствовал себя в своей шкуре, был пес, с довольной мордой и высунутым языком. Но что Гога никак не мог понять и от чего его буквально тошнило, это привычка Алдыса ни с того ни с сего засунуть руку в брюки, ткнуть пальцем в попу и затем облизать его. Зачем он это делал, было непонятно. Может быть, отсутствие каких-то витаминов? А в остальном Гога в нем души не чаял!

Алдыс уже давно покурился и, как старший товарищ, периодически объяснял Гоге чудеса табака и тайны дыма. Пришло время первого посвящения. Произошло это на крыше гаража. После краткой вступительной речи Алдыс затянулся и протянул Гоге дымящуюся сигарету. Сначала неуверенно, но затем все смелее Гога выкурил свою первую «трубку мира» до конца. Рвало его долго. Затем он стал переливаться всеми цветами радуги. Но Алдыс не испугался и не убежал. Преданно и неустанно боролся за своего дружбана, размахивая руками над его головой, не давая пламени жизни погаснуть. Постепенно от синего цвета лица Гога перешел в сине-желтый, затем в светло-желтый, и, наконец, в бледно-розовый. Это означало, что «ученик» будет жить. Весть о «первом таинстве» каким-то образом дошла до дяди Вани. Воспитывая своего сына в строгости, он и для Гоги не делал исключения. Хорошо отодрав курильщиков за уши, дядя Ваня прогнал Алдыса пинком под задницу домой, где его ожидала добавка за роль «преподавателя эзотерических искусств» малолеткам. Это предвещало катастрофу! «Если мама узнает, то конец!» — с содроганием думал Гога. Зина в гневе была такая же пылкая

и страстная, как и в любви. В такие моменты для нее «права детей» не существовали. К тому же Конвенция о правах ребенка тогда еще не была написана. «Отдерет как Сидорову козу!» — побледнев, подумал Гога. В тот вечер он долго оставался в мучительном неведении. Когда Зина пришла домой, ничего не указывало на то, что она знает о случившемся. Она была приветлива. Как всегда, приготовила вкусные котлеты с его любимым картофельным пюре, они провели время за теплой беседой. Ничто не предвещало кожаного ремня с пряжкой. «Видимо, пронесло», — с облегчением подумал он. Но уши еще горели. Чувство обиды и возмущения, желание возмездия стали накапливаться, как в воздушном шаре, который надувают.

Наконец, не выдержав, он пожаловался маме, но причину не упомянул. Зина не могла поверить! Она была возмущена! Выслушав все до конца, она предложила немедленно пойти к дяде Ване и во всем разобраться.

— Ох, уж этот Ваня! — с негодованием воскликнула Зина и даже взмахнула кулаком.

Предложение немедленно пойти и во всем разобраться сначала Гогу сильно испугало. Но жажда мести победила. Взявшись крепко за руки, они твердым шагом направились в сторону соседнего дома. Зина иногда брала в долг у дяди Вани, чтобы дотянуть до следующей зарплаты, — как раз пришло время расплачиваться. Увидев их в дверях, дядя Ваня слегка побледнел и нахмурился. Его глаза зажглись недобрым огнем. Тетя Аня стояла в углу комнаты, прикрыв рукой рот в ожидании.

— Еслы ти, Сиина... — начал дядя Ваня с нешуточным пылом, — прыйшлаа...

Тут дело получило неожиданный поворот. Воскликнув «Ваня!», Зина упала на колени, как погрязшая в долгах барыня, и стала вытаскивать из бюстгальтера купюры. Затем склонила голову и, смяв их в кулаке, протянула дяде Ване с возгласом:

— Низкий тебе поклон! Покровителю ты наш! Спасибо тебе за благородное дело, которое ты сегодня совершил, отодрав уши моему оболтусу! И впредь, Ваня, не мало не робчай и не жалея сил, и добавь от меня, сколько духу будет! А я уж... ты знаешь, в долгу не останусь и каждый раз всю денежку-то буду тебе приносить за твое благодеяние!

Воцарилась гробовая тишина. Тетя Аня вся покраснела, еле сдерживая смех. Дядя Ваня тоже стал что-то понимать. У Гоги и от природы были большие глаза, но теперь они превратились в глазищи. Он стоял как вкопанный. Все знали, что Зина из театральной семьи и обожала всякого рода представления. Даже в самодеятельности играла. Но в эти минуты Гога об этом забыл. Ему это представлялось сценой из какой-то страшной сказки, в которую он случайно попал. Гоге как будто это все снилось. Прошла минута. Теперь все молча уставились на него. Попрыгав на одной, затем на другой ноге, он растерянно улыбнулся и посмотрел на присутствующих с великим недоумением. Затем стал медленно пятиться назад, к двери.

— Ну! Я, пожалуй, пошел! А то ребята там заждались... — и, сопровождаемый каменными взглядами, Гога смылся.

Зина о случившемся не вспоминала, но дружить с Алдысом запретила. Вопреки горьким слезам, рыданиям и уговорам. Звезды на время отвернулись от них. Но судьба имела свои планы. Они опять встретятся, и их дружба продолжится. К тому времени Алдыс уже избавится от своей отвратительной привычки. Ему еще предстояло сыграть важную роль в Гогоиной жизни.

Дядя Коля

Зину уже давно мучило, что Гога растет без отца. Для мальчика, особенно в его возрасте, мужчина в доме очень важен. Она была еще молода, мысли о создании новой семьи не оставляли ее. Ответ появился, когда Зина встретила Колю — худощавого, костлявого и жилистого блондина с редющей шевелюрой.

Дядя Коля был шофером, водил самосвал. Один раз он даже дал Гогге сесть за баранку и таким образом они прокатились до самых ворот хлебного завода, где работал дядя Коля! Этот жест покорило сердце маленького Гоги.

Что еще придавало дяде Коле крутизну в глазах Гоги, так это особое умение курить папиросы. Он их даже не курил, а жевал. Мог языком перекачать папиросу из одного угла рта в другой, и так несколько раз подряд. В общем, Гога не имел ничего против дяди Коли, хотя и ревновал маму. Коля жил далеко, с сестрой и матерью, и поэтому часто оставался на ночь у Зины. У Гоги всегда портилось настроение, если дядя Коля ночевал у них. Приходилось зажимать уши и крепко зажмуривать глаза, когда в темноте раздавался шепот и тяжелые вздохи. Его даже подташнивало, и желудок скручивало в комок. Он старался думать о чем-нибудь другом, чтобы не слышать происходящее... Непонятные чувства переполняли. Для Гоги это была каторга! Он заставлял себя терпеть, но это не помогало. Лишь усугубляло неуверенность и страх. А главное — ревность! Утром Зина бросала на Гоггу смущенный взгляд. Увидев его расстроенное лицо, она опускала глаза и молча уходила на кухню готовить завтрак. Еда застревала в горле. Ему безумно хотелось сказать:

— Мама! Умоляю тебя! Пусть дядя Коля не ночует у нас! Пусть он ночует у себя дома!

Но он не мог. Слова застревали в горле. Опустив глаза, он продолжал есть, с трудом проглатывая пищу и горькие слезы.

Измена матери

Пришла пора идти в детский сад. Гога радовался этому событию. Перспектива перемен казалась ему очень светлой. Он сам настоял, чтобы садик был латышский. Ведь его друзья в основном были латыши. Наступил волнующий день. Они с мамой поехали знакомиться с воспитателями и смотреть место, где он теперь будет проводить большую часть дня. Он не придал значения тому, что садик находится далеко. Автобусы ходили по несколько раз в день, волноваться незачем. Детский сад располагался рядом с лесом, выглядел большим и светлым. Территория вокруг имела турники, горки, песочницу. Внутри все было так же хорошо обустроено. Большая комната для игр, столовая, шкафчики для одежды и спальня с большими окнами, выходящими на лесную полосу. Все чисто, убрано и опрятно. Гога всегда любил чистоту и порядок. Возможно, сказывалась балтийская кровь. Примером служил случай, когда мама спешила на работу и не успела погладить ему шортики. Гога включил утюг, встал на табуретку, разложил шортики на столе и аккуратно прошелся по ним раскаленным утюгом. Задумавшись, он нечаянно дотронулся утюгом до обнаженного живота. Боль была резкой и жуткой! Он соскочил с табуретки, скорчился и просидел так несколько минут. Вздохнул, выпрямил спину, кинул взгляд на ожог и доделал свою работу. Небольшой шрам от «поцелуя» утюга останется на животе навсегда.

Молодые, фигуристые воспитательницы в слегка просвечивающих светло-синих халатах напоминали не то медсестер, не то курочек, кружащих вокруг своих птенцов. Одна из них водила их по зданию, знакомила с правилами и распорядком дня, периодически улыбалась ему и ласково трепала по голове. Они провели в садике почти весь день. Гога уже порядком устал от новых впечатлений. Хотелось домой. Сесть в автобус, съезжиться и прижаться к маме. Положить голову ей на грудь, закрыть глаза и слушать убаюкивающее биение ее сердца, монотонный звук мотора и поскрипывание колес. Но мама почему-то не спешила. Ему даже показалось, она нервничает и суетится. Зина подвела его к шкафчику и присела на корточки. Он заметил, что она еле сдерживает слезы. Тревога и страх охватили его, сердце быстро забилося. Зина крепко обняла Гогу, затем протянула какой-то сверток, взяла за локти и посмотрела ему прямо в глаза взглядом, наполненным болью.

— Это твоя пижамка, сыночек... — почти шепотом сказала она.

— Какая пижамка? Зачем мне пижамка, мама?! — испугавшись, воскликнул Гога.

— Ты останешься здесь ночевать, трясущимися губами проговорила Зина и стала что-то ему объяснять.

Удар был настолько сокрушительным, что он не понимал, о чем она говорит. Еще не сообразив до конца, он начал безудержно рыдать. Этого не может быть — ведь она ему ничего не сказала! Он остается здесь ночевать? Домой не возвращается? Будет здесь целую неделю?! Среди совершенно чужих людей?! О том, что детский сад был интернатом, Зина тщательно скрывала. Она знала, каким ударом это будет для него. От одной только мысли ее сердце замирало. Гога был в отчаянии — мама опять его бросает! Она и раньше так делала, когда уходила на работу. И она знает, как сильно он переживал! Но тогда это было лишь на день, а теперь!.. Гогино сердце колотилось так сильно, что казалось, выскочит из его маленькой груди. Зина долго его успокаивала. Старалась объяснить. Извинялась и сдержанно рыдала. Но как объяснить ребенку, что она старается создать семью. И делает это для него. Своего малыша! Чтобы у него был отец. А у нее — хоть какая-то защита. Ведь она всего лишь измученная женщина в коммунальной квартире, в комнатухе в 18 квадратных метров на третьем этаже... Гога никак не мог понять, почему его опять наказывают. В чем он провинился? Расставание было невыносимым.

Он не спал и тихо плакал, уткнувшись в подушку. Сердце разрывалось от горечи и обиды. С неистовой злостью Гога почему-то вспомнил соседа Юрку. Тому ничто не доставляло столько радости, как по ночам, когда Зина работала в ночную смену, подкрасться к их двери, начать царапать ее, рычать, как дикий зверь, и что-то зловеще нашептывать, до смерти пугая Гогу. Тот в ужасе просыпался, и ему казалось, что в темноте посреди комнаты стоит мужчина в черном плаще и шляпе и молча смотрит на него. Слезы обиды и ненависти покатались еще сильнее, он крепче зарылся лицом в подушку. Гога не мог понять, почему люди такие злые. Ему тоже хотелось быть таким — злым и жестоким! Но какая-то неведомая сила внутри не давала. Он хотел ненавидеть, но у него не получалось. Это бесило еще больше! И еще больше обессиливало. Старая рана на сердце вновь открылась. Теперь туда будут складываться, камешек к камешку, новые, еще более запутанные чувства и мысли, выстраивая мозаику его характера, которая в дальнейшем станет определять Гогину судьбу.

К утру слезы высохли. Проснувшись, он ощутил глубокое опустошение и немоту, доселе ему не знакомые. Этот случай на долгие годы пошатнет его веру в себя. А главное — веру в любимого человека. Сам того не осознавая, он станет мстить. И месть эта будет сладкой. Все, что ему когда-то недоставало, он получит сполна в других местах и от других женщин. Будет причинять им боль, которую сам испытал. Лишь годы спустя он поймет, что счет наверху все время велся. И Гоге от него никуда не деться.

Прошел уже месяц, как Гога был здесь. Постепенно он стал привыкать, даже забыл, когда в последний раз плакал ночью в подушку. Тяжелые чувства стали утихать и забываться, погружаясь все глубже, как мертвые рыбы, на песчаное дно его души. Появились друзья и подружки. Те, что покрасивее, пробуждали в нем странные чувства и фантазии. Возбуждали желания, с которыми он еще не был знаком. Его характер тоже менялся. Он стал упрямым и непокладистым. Часто пререкался, в наказание проводил много времени во дворе. Но ко двору он привык. Для него это было скорее поблажкой, нежели наказанием. Одиночество уже не пугало. К нему он тоже привык. Только один раз в новогоднюю ночь, когда в садике почти никого не осталось, ему безумно захотелось сбежать. В тот самый лес, напротив. Где жил Дед Мороз со Снегурочкой. Ему захотелось найти их избушку, которая, он знал, находится посреди леса и где его наверняка все ждут с многочисленными подарками под пышной и нарядной елкой. Сидя в темноте в столовой, накрывшись одеялом и скорчившись на стуле, Гога вглядывался через огромное окно в лесную полосу, освещенную желтым светом одинокого уличного фонаря. Он представил, как нашел эту избушку. И только переступил порог — сразу зазвенели колокольчики. И все гости и Дед Мороз со Снегурочкой запели торжественные новогодние песенки, встречая его. А он от счастья заплакал.

— Хо, хо, хоооо! — прозвучало в голове, когда глаза уже слипались.

Было уже очень поздно. На улице стоял сильный мороз. Гога испугался. Побоялся заблудиться. «А что, если их там уже нет? — подумал он. — Возможно, они уже в пути. Едут на санях в какие-то другие дома. Поздравляют и разносят подарки другим детям?» И он оставил эту идею. Так и просидел в темноте до поздней ночи, глядя на сосны, покрытые пушистым снегом, и безумно скучал по маме. Большие снежные хлопья все падали да падали, как падали его слезы.

Первые фантазии. Воспитательница

Детский сад был примечателен и тем, что здесь стала пробуждаться его кавказская кровь. Игрушки его мало интересовали. А вот прятки — другое дело! Выбрав напарницу покрасивее, он хватал ее за руку и влек в уже знакомое, укромное местечко, которое заранее приглядел. Он знал, и от этого его сердце начинало колотиться, что здесь она должна будет присесть на корточки, задрать платице, чтобы не порвать его, раздвинуть ножки, обнажив ляжки, на которых он увидит резинки с застежками, держащими чулочки рядом с белоснежными трусиками. Весь смысл был именно в этом! Многое Гога еще не позволял себе. Да и не умел. Но случайно пройтись пальцами по ее приоткрытому влажному рту, коснуться губами ее уха — он уже приноровился. Это мимолетное событие давало энергию, глубокое удовлетворение и даже легкое опьянение на весь оставшийся день. Интересно, что и девочкам нравились эти игры. Оставленные родителями, лишённые внимания и ласки, дети интуитивно восполняли этот вакуум чувством сладостного возбуждения. Но в Гоге пробуждалось большее. Теперь его воображение будоражила воспитательница. Та самая, которая так нежно поглядывала на него и трепала по голове, когда первый раз водила по садику. Каждый день он с нетерпением ждал ее появления. Когда она появлялась, настроение резко улучшалось, чувство трепетной радости охватывало Гогу. Ей было лет 25 (не такая уж большая разница!). Латышка с темпераментом прохладного Балтийского моря. Скрытое высокомерие придавало ей ореол недоступности, что привлекало Гогу еще сильнее, пробуждая страх, робость и страсть одновременно. Ему казалось, между ними возникла какая-то связь. Незримая нить. Каждая ее улыбка или случайно брошенный на него взгляд лишь подтверждали это.

Во время тихого часа Гога нырнул в постель, съежился под одеялом, зажмурил глаза и стал терпеливо ждать. Спустя какое-то время журчание и шепот детей перешли в сап, наполнив комнату звуками мерного дыхания. Стук ее каблуков отдавался в висках пульсирующими ударами. Мелкая дрожь мурашками начала подниматься по бокам, а нижняя челюсть затряслась в легком ознобе. Живот сводило. Дыхание становилось все глубже, стук сердца — все громче. Каждый раз, когда она проходила мимо, он замирал. Вдруг она остановилась возле его постели. Он изо всех сил старался сдерживать дыхание. И тут раздался звук, который он никогда не забудет. Звук хрустящего яблока. Она сочно и звонко надкусывала его своими крепкими, белоснежными зубами, одновременно надкусывая Гогино заледеневшее от страха сердце. Она вновь отошла. Прищурившись, он пристально следил за ней. За каждым ее движением. За каждым шагом. Он ждал, когда она подойдет к подоконнику, вытянет свой гибкий стан, наклонится и выглянет в окно, слегка раздвинув стройные ноги. Он жаждал увидеть ляжки бюстгалтера, просвечивающие через тонкую ткань, и очертания ее трусиков, облегающих сочные ягодицы. И затем, как зачарованный, смотреть, не в силах оторвать взгляда от этой изумительной картины. Дрожащей рукой стал что-то искать, покуда не наткнулся на твердый, налитый кровью сучек. Взрыв произошел мгновенно, скрутив его в судорогах. Он застыл. Дыхание остановилось. Затем последовало еще несколько рывков, после которых он стал размякать. Сладкая нега густым медом разлилась по всему телу и по всей голове. Ему показалось, он погрузился в теплую ванну, наполненную пенным молоком. Мысли улетали далеко, за горизонт какого-то южного моря, где лучи солнца медленно гасли, озаряя поверхность воды красным заревом, покуда совсем не исчезли, прихватив Гогу с собой и погрузив в глубокий сон. Так Гога впервые познакомился с прелестями детского онанизма.

Гога проснулся с чувством необыкновенного облегчения. Нега, которую он все еще испытывал, говорила — произошло нечто важное. Больше всего удивляло — объект страсти вдруг стал ему безразличен. Он будто избавился от тяжелой ноши. Но это будет недолго. Очень скоро он вновь станет думать только о ней.

Два года пролетели незаметно. Дети и воспитатели привыкли друг к другу. Расставание было грустным, даже хотелось плакать. Но жизнь должна была двигаться дальше. Путешествие по дороге в рай продолжалось.

Глава 2. Кира

Черногория

С детства Гога мечтал жить у теплого моря, окруженного горами и пальмами. И вот он здесь. В Черногории. В своем собственном доме. С видом на море и удивительную бухту, до которой всего семь минут ходьбы. Посередине его участка растет тридцатисемилетняя пальма, пышные темно-зеленые ветви которой мягким веером покачиваются на ветру, будто приветствуют его каждый день. «Невероятно, — размышлял Гога. — Кто бы мог подумать, что такое случится. Оказаться здесь после стольких лет». И тут же вспомнил. Лицо его помрачнело.

В Черногории Гога оказался случайно (если верить в случайности). В 1995 году его пригласили на XIX Московский кинофестиваль в роли почетного гостя из Голливуда. Там для VIP-гостей была организована трехдневная прогулка на теплоходе по древнерусским городам. К тому времени они с Кирой были вместе уже два года. На теплоходе они познакомились с парой из Чехословакии. Он был чех по имени Игорь. Жена — русская, Татьяна. Игорь и Гога быстро подружились, выпив не одну бутылку виски. Пара пригласила их к себе в гости в Прагу. Спустя несколько лет Гога воспользовался приглашением. В Праге он познакомился с приятелем Игоря — сербом по имени Саша, у которого в Черногории имелась вилла на берегу моря. И вот тот самый Саша пригласил Гогу отдохнуть на его вилле. «Короткий отдых как раз будет кстати», — решил Гога и отправился в путь.

На дворе стоял 2001 год, когда Гога приземлился в аэропорту Тиват. Когда он ехал вдоль моря, у него перехватило дыхание. Такую красоту Гога видел только на Гавайях. А тут посреди Европы! Он даже не слышал о таком месте, хотя проехал полсвета!

Черногория была еще совсем девственна. Чистые, незастроенные пляжи, нетронутые оливковые рощи. По магистрали мирно разгуливали стада баранов. Сигналишь, а им все равно. «Не уеду, куда не куплю здесь что-нибудь», — твердо решил он.

Байрон, впервые увидев Черногорию, написал: «Когда рождалась наша планета, самая красивая встреча моря и суши произошла на Черногорском побережье. А когда рассыпали жемчужины природы, полными пригоршнями их бросали на эту землю».

«Дом!» — решил Гога. «Никому не скажу. Даже Кире. Придет время, сделаю ей сюрприз». Тогда Гога и представить не мог, что сюрприз преподнесет не он. Сюрприз преподнесет Кира.

Встреча с Кирой. Американский шлейф

Встречу Гоги с Кирой иначе как судьбой не назовешь.

Двадцать девятого декабря 1992 года Гога был еще в Лос-Анджелесе. Приехать в Москву он мог в течение следующих десяти дней, когда должны были начаться съемки. От отношений с его американской супругой Сандрой остались жалкие клочья. У него стали появляться любовницы. Всегда красивые. Всегда почему-то с опытом ущербного детства. Он для таких был как магнит. Возможно, они видели в нем что-то, чего им не хватало в детстве. Может, чувствовали защиту. Он же маму всегда защищал. Женщины со здоровой психикой обходили его стороной. Не всегда, но часто.

Одетт: «Лебединое озеро»

У Гоги появилась новая пассия по имени Одетта, как в «Лебедином Озере». В Америке — просто Одетт. Благоразумный человек сразу бы заподозрил что-то неладное. Но Гога благоразумным никогда не был, особенно в состоянии эйфории и страстного влечения. Неуравновешенная и чувственная красавица Одетт была парикмахером из Канады. Они познакомились в ночном баре. Она сидела с подругой. В черной сатиновой короткой юбке, из-под которой виднелись застежки чулок, и в белоснежной шелковой блузке с декольте, сквозь которую просвечивал бюстгальтер, подчеркивавший ее средней величины, упругие груди. Темно-рыжие волосы, затянутые трубочкой на затылке, ровный нос с красивыми и выразительными ноздрями, так напоминавшими ему мамыны (вот и скажи, что сын не ищет всю жизнь маму в других женщинах). Их отношения начались бурно, это было верным знаком, что продолжаться они недолго. Так было всегда. Гога все понимал, но поделаться с собой ничего не мог. Он сходил с ума от Одетт! И, конечно, все было в сексе. И чем чаще она ему отказывала, тем сильнее влекла. Бывают женщины, как мед: знаешь, что у тебя на него аллергия, но все равно не можешь себе отказать, чтобы его не попробовать. Прилепишься, как пчела, и не можешь оторваться. Когда она улыбалась, от нее веяло таким одиночеством, непреодолимой грустью и тоской, что у Гоги сжималось сердце и ему хотелось ее еще больше. Она любила певицу Шаде. Ее меланхолические песни наводили на него невыносимую тоску, почти депрессию. Но он все равно слушал. Потому что слушала она. Она выросла с отцом, без матери. С тринадцати лет у нее были с ним сексуальные отношения. И насколько она его ненавидела, настолько же и грустила по нему. В общем, полный букет.

За годы, проведенные в Америке, Гога сильно изменился. С одной стороны, стал терпеливее и начал лучше разбираться в жизни. С другой — многого бояться. Особенно, всего, что касалось денег. Ему казалось, их всегда не хватает, даже когда денег было много. Жизнь представлялась хрупкой и непостоянной. Единственное, что от нее всегда можно было ожидать, — перемены и сюрпризы. В основном неприятные.

Внешне это состояние было незаметно. Кроме того, что Гога начал чаще выпивать. Сандра называла его «сухим алкоголиком». Видимо, где-то вычитала. После непрекращающихся «американских горок» нервы были на пределе, поэтому поездка в Россию казалась глотком свежего воздуха. Он предложил Одетт поехать с ним. Встретить там Новый год. Даже пообещал ей небольшую роль в его проекте. Но Одетт, как всегда, перед тем как согласиться, должна была пропустить его через чистилище. Разыграть растерянную, не знающую, как поступить. А Гога, конечно, должен был все терпеть. Но на этот раз он не выдержал, послав свое «медвежье лакомство» куда подальше, и в Москву отправился один. К такому решению подтолкнуло и то, что совсем недавно Одетт заставила его безумно ревновать. Пришла к нему на виллу на какое-то праздничное мероприятие с каратистом, снимавшим комнату в доме у Гоги. Конечно, Гога делал вид, что видит Одетт впервые. Бросая на нее с каратистом испепеляющие взгляды, старался погасить зарождающийся пожар красным вином и виски, но ничего не получалось. Гога был в бешенстве! С каким бы наслаждением он убил этого урода!

Вскоре Одетт с каратистом откланялись. Гога краем уха услышал, что они собираются в бар, который был ему хорошо известен. Остаток вечера он провел с единственной мыслью: поскорее отправиться за этими сволочами. Ему удалось это сделать только поздно вечером, когда бар был уже закрыт. Подъехав к опустевшей парковке, он увидел машину Одетт, и в глазах потемнело. Значит, она уехала с ним! Картины жарких поцелуев и разврата скрутили желудок. У Гоги были ключи от бунгало, которое она снимала на Голливудских Холмах. Уже через несколько минут он был перед ее домом, где стояла машина каратиста. Выскочив, как сумасшедший, из машины, Гога подбежал к хижине, открыл дверь и включил свет. Одетт лежала

на постели в платье на голое тело, рядом каратист, как живой труп — полностью одет, руки на животе. Первым в ход пошел шкаф с посудой, разлетевшейся по полу. Затем последовали тумбочка и стол со стульями. Наконец, торшер. Наступила очередь Одетт! Но каратист оказался джентльменом. Он лишь испуганно повторял, что между ними ничего не было, держа Гогины руки и не подпуская к Одетт. Та визжала, как поросенок, и угрожала вызвать полицию, куда Гога продолжал громить все вокруг, как Терминатор, и материться пятиэтажным матом. Наконец Одетт выскочила через окно с криками о помощи. Почему-то выбило пробки, и комната погрузилась во мрак. Обессиленный Гога рухнул на постель рядом с каратистом. Тот продолжал уверять, что между ним и Одетт ничего не было! Даже по спине погладил. «Ааа, значит не успел!» — подумал Гога, и силы покинули его. Тут раздалась сирена полицейской машины, в окне замелькали сине-красные мигалки. «Ну, все, — подумал Гога, обхватив голову. — Пиздец!» Через пару минут луч фонаря пронзил темноту и пробежался по стенам. Женский голос прокричал:

— Полиция! Полиция! Руки вверх!

Гога вспомнил, как мама говорила ему нежным голосом: «Подними ручки вверх, сына, затем выпрями их перед собой, нагнись до пола, не сгибая коленок, и выпрямись. Делай такую зарядку каждый день, чтобы быть сильным».

Луч фонаря ударил Гоге прямо в глаза. Он сидел, поникший, рядом со своим благородным соперником. Вдруг в темноте раздался истерический визг Одетт:

— Арестуйте его! Чего вы ждете?! Вы полиция или нет?! Арестуйте!

В ответ прозвучал резкий возглас:

— А ну-ка, отойдите! Не вмешивайтесь! А то и вас арестуем!

— А меня-то за что?! — заверещала Одетт, от которой понесло алкоголем.

Гога сидел в черной кожаной куртке, обшитой военными шевронами, разбитый, как солдат, вернувшийся с неведомой войны.

— Ваши водительские права! — вновь прозвучал строгий женский голос.

Гога вытащил права и протянул их. Наконец, в комнате зажегся свет. Одетт стояла вся взъерошенная с блестящими от страха глазами. Посмотрев на права, женщина-полицейский с презрением обратилась к Одетт:

— И что вы хотите, чтобы этот гражданин сделал?

— Я хочу, чтобы он убрался из моего дома! Немедленно! Убирайся!

Возвращая права, женщина-полицейский многозначительно посмотрела на Гогу.

— Господин Пусеп! Вы слышали, что хочет хозяйка дома?

— Да, да, конечно! — пробормотал Гога, сунул права в карман и быстрым шагом вышел из комнаты. Он ехал домой и не мог поверить, что пронесло! Почему женщина-полицейский его отпустила? Видимо, неприязнь к пьяной девице, которая еще нагло указывает полиции, что делать. А второе, наверное, куртка с шевронами. Видимо, она подумала, что Гога военный, и сжалилась над ним.

Виктор

Какая связь между рабочим, появившимся ниоткуда и чинившим у тебя в Америке гаражные ворота, и твоей дальнейшей судьбой? Ответ: самая прямая. Если он поставлен сюда рукой судьбы для осуществления ее планов. И неважно, что ни ты, ни этот рабочий об этом не догадываетесь. Важно лишь то, что с этого момента данный субъект будет играть судьбоносную роль в твоей жизни.

Виктор (тот самый рабочий), уже будучи ассистентом Гоги по съемкам в Москве, сообщил:

— Ны-ы-овый год в-в-встречаем в Доме кино. З-з-заберу тебя в-в-в одиннадцать.

В Шереметьево Гога приземлился 30 декабря 1992 года. Он безумно устал. Устал — от всего. От дороги, от жизни, которая никак не складывалась даже при всех успехах, которых он достиг в Америке. Все вверх тормашками. Особенно с Сандрой. Она, казалось, высосала из него последние силы. Обесточила.

Гога не был уверен, что вообще хочет праздновать наступающий Новый год, тем более куда-то идти. Но позвонил Георгий Мартиросян, с которым Гога подружился во время предыдущих съемок, и стал уговаривать. А пока Гога лежал в гостиничном номере, размышляя о том, как неумолимо летит время. Он любил зимнюю Москву. Теперь она ему еще напоминала молодость и беззаботные студенческие годы. «Невероятно! Как давно все это было. Как будто никогда и не происходило. Не было института, Лены, даже Валеры не было».

Утром его разбудил телефонный звонок. Это был Саша Мягченков, с которым он снял не один телевизионный проект для Америки.

— Ну что это такое! — возмущенно воскликнул Саша экзальтированным голосом. — Даже не позвонил! Я понимаю, голливудский продюсер! Звезда! Но друзей-то забывать не надо!

Саше всегда удавалось рассмешить Гогу. Он говорил, как будто играет какую-то роль. Договорились встретиться у Саши на Ленинском проспекте, где он жил с супругой Ириной и десятилетней дочуркой Катей. У Саши было весело, по-домашнему тепло и уютно, уходить уже никуда не хотелось.

— А чего нам не встретить Новый год у тебя?! — весело спросил Гога.

Ира обрадовалась:

— Да! А почему бы и нет?!

— Джоржик... — ласково начал Саша, — да мы бы были счастливы! Но ты не понимаешь, что значит появление в Москве голливудского продюсера! Особенно сейчас, когда сюда ни одна собака не забегает. А тут Голливуд! — пафосно добавил Александр, многозначительно подняв указательный палец.

— Саш... ну, прекрати пиздеть! (Ирина и Катенька были на кухне). — Голливуд. Звезда... Все это хуйня!

Саша хитро засмеялся и продолжил:

— Да ты пойми, мой дорогой Жоржик. Это неважно, что ты там думаешь в своей тупой башке! Важно, как это будет воспринято обществом! Как на это посмотрит народ! Наш бомонд! Ты же звезда! И всем хочется пообщаться со звездой.

Гога усмехнулся.

— Да ты же сам меня учил! Из всего надо сделать шоу! Это же шоу-бизнес! — воскликнул Саша, округлив глаза и вытянув губы в трубочку, как женщина. — Ну, что вы там копаетесь! Где еще водка?! Ира!

В 23:00 раздался звонок. Это был Виктор. Несмотря на то, что Виктор еще с детства заикался, он обладал удивительным чувством юмора:

— Дж-ж-жордж, я-а-а-а х-хоть и ка-аскадер, но д-даже я в таком со-остояни-и-и при-и-ехать не смогу. Нууу, ты понимаешь. Пр-р-р-рости, старик.

Закончил Витя тем, что пообещал — будет ждать Гогу до последнего перед входом, если сам сумеет сюда добраться. Как-то по пьянке Витя на своем жигуленке убегал от милиции. После долгой погони по ночной Москве его все-таки загнали в угол. Поняв, что деваться некуда, Витя выскочил из машины и в отчаянии воскликнул:

— Вы-ы-от, в-видите, ш-ш-ш-то м-может сделать с-с человеком о-один бокал шампанского!

Его отпустили.

— Спасибо, Витя, — сказал Гога и повесил трубку. — Ну вот видишь! Не судьба! Значит, этот Новый год встречаем у тебя! — радостно объявил Гога.

— Прекрасно! — воскликнула Ира.

Но Саша не сдавался.

— Ты не понимаешь, что это будет! — завопил он. — Не простят! Скажут, вот, мол, приехал тут, выпендривается! Сегодня там соберутся сливки нашего шоу-бизнеса! Весь цвет общества! Давай, давай! Собирайся!

— Да где мы в это время найдем машину?! Все уже давно за столом, празднуют!

— Правильно! Они там пару рюмок выпьют и обойдутся! — еще раз постаралась встрять Ирина.

— Ира! — строго прервал Саша. — Я что, сам не хочу, чтобы наш дорогой Жоржик остался?! Но это бизнес! Дело превыше всего! Поняла, женщина?!

Выйдя на улицу, Гога глубоко вдохнул морозный воздух. Улица была совершенно пуста. Ни души.

— Ну, что я тебе говорил? Кто в это время будет разъезжать?! Разве что какой-нибудь сумасшедший или бездомный!

«Что я несу?! — подумал Гога. — Откуда у бездомного машина?»

— Все. Пошли обратно. Холодрыга! — воскликнул Гога, поднял воротник и засеменил в сторону подъезда.

Загадочный самосвал

Он совершенно не обратил внимания на странный звук, который медленно приближался — ш-ш-ш-ш-ш... Оглянувшись, Гога увидел самосвал, рассыпавший песок на проезжую часть. Саша уже размахивал руками:

— Эй! Стой! Эй, мужик! Остановись!

В следующее мгновение Саша уже стоял на ступеньке самосвала и что-то энергично объяснял водителю. «Это еще что?!» — с изумлением подумал Гога.

— Давай! Давай! Иди сюда! — заорал Саша.

— Ты что, совсем очумел! — воскликнула Ирина, уставившись на супруга.

Гога нехотя подошел и заглянул в кабину. Внутри сидел усатый мужик в фуфайке и в ушанке. Одно ухо свисало. Было видно, что тот уже давно празднует, но держится молодцом. Саша наигранно распахнул руки.

— Ну даа! Понимаю! Неудобно! Не для голливудского продюсера! Но ничего, потерпишь! Зато этот человек отвезет тебя по адресу.

— Ты уверен? — с раздражением спросил Гога, бросив оценивающий взгляд на водителя.

— Я обо всем договорился и уже заплатил! Так что не переживай! Давай! Давай! Садись! А ты у меня смотри! — пригрозив пальцем, обратился Саша к водителю. Это груз импортный и очень ценный. Понял?!

— Да понял, понял... — пробурчал водитель, исподлобья взглянув на Гогу.

Гога привык к сюрпризам, но этот выделялся особенно.

«Ну, что ж, — подумал он. — Самосвал так самосвал. И не такое бывало». Сел в машину и захлопнул дверь.

— Ну, давай, поехали! А ты точно знаешь, куда ехать? — спросил Гога, недоверчиво посмотрев на водителя.

— Я по Москве уже тридцать лет гоняю. Сказал, что знаю, значит знаю, — пробухтел мужик и нажал на газ.

— Как приедешь, сразу позвони! — крикнул вдогонку Саша.

Гога махнул рукой и предался судьбе. Глядя на пустынные улицы, он думал: «Дааа, всякое бывало... Но такое! — усмехнулся он про себя. — Новый год на самосвале с этим типом! Кому скажешь, не поверит. И откуда он только взялся?»

К Дому кино подъехали без пяти двенадцать. Витя, как и обещал, стоял перед входом весь продрогший.

— Н-нууу, м-мы-олодец! Ха, ха, ха! П-прямо н-н-на с-с-с-самосвале! А-а-а что, л-л-лет-тучей л-лошади не нашлось?! Д-давай, давай, а то оп-поздаем!

Зал был забит. Как только они подошли к столу, свет погас и раздались радостные возгласы. Начался отсчет: 5, 4, 3, 2, 1! Послышались взрывы шампанского!

— Ураааа!

Новый, 1993 год наступил.

С каждым глотком вина усталость все сильнее вдавливала Гогу в кресло. Ему безумно хотелось спать. Но яркий свет, музыка и веселье вокруг не давали. С застывшей улыбкой он поглядывал по сторонам. Как в тумане подумал: «Еще вчера я был в Лос-Анджелесе... А сегодня праздную Новый год в Москве! Хах. Невероятно». За столом он знал только Жору и Андрея, местного бизнесмена. Тот уже несколько минут с восторгом объяснял, что у него для Гоги есть сюрприз, от которого он просто обалдеет. Гога сюрпризов не любил и невольно поморщился.

— Андрюша, может, обойдемся без сюрпризов, а? Так спокойнее.

— Да ты не понимаешь! — с восторгом продолжал Андрей. — За этот сюрприз любой мужик бы... Ну, просто бы жизнь отдал!

— Вот именно таких сюрпризов я и не люблю, — устало ответил Гога.

— Ты сиди здесь и наслаждайся! Потом скажешь мне спасибо! — с этими словами Андрей куда-то исчез.

Через несколько минут Гога увидел, как Андрей ведет сногшибательную красавицу, настолько похожую на Одетт, что Гога съежился. Андрей подошел к столу и торжественно представил:

— Познакомься, это Вера! Наша самая красивая и блистательная звезда экрана! Правда, Верочка?!

Вера действительно была неотразима. Она напоминала молодую Аву Гарднер, любовь всей жизни Фрэнка Синатры. Но Гога влюбленным Фрэнком себя не почувствовал и восторга друга не разделил. Привстав, он вежливо, но вяло улыбнулся и протянул руку.

— Очень приятно. Такая реклама... Даже не знаю, что сказать... — отодвинул стул и предложил сесть рядом.

Он, видимо, проделал это настолько устало и без энтузиазма, что красавица бросила недовольный взгляд на Андрея. Вместо искр, между ней и Гогой пробежал холодок. Как только он ее увидел, сразу понял — это бесперспективно. Не только из-за усталости, но и потому, что в ее невероятно красивых глазах мерцал огонек глупости — такой же, как у Одетт, только без тени блуда. Гога не знал, что сказать. Поерзал на стуле и продолжил молчать. Лицо Андрея застыло. Ему стоило больших усилий доставить этот драгоценный груз к столу. Молчание нарушил хорошо подогретый товарищ с Кавказа, проскользивший метров десять на коленях к ее ногам с горящими глазами и огромным букетом роз. Вера снисходительно улыбнулась, а у Гоги это вызвало отвращение. Он ненавидел такие представления. Нагнувшись к принцессе, Гога тихо произнес:

— Я вижу, это ваш звездный час. Наслаждайтесь. Не теряйте время с пожилыми, уставшими мужчинами.

Вера посмотрела на него с недоумением, перемешанным с раздражением. Встала, выпрямилась и гордо удалилась, даже не попрощавшись, как это и полагается королеве! Андрей не находил слов:

— Да... да если б я знал! Да я бы сам! — воскликнул он, задыхаясь, и бросился вслед за Верой.

Прошло уже больше часа. Гога продолжал сидеть как истукан. Все вокруг было как в тумане. Георгий Христофорович бережно налил по очередной, встал, сделал многозначительное лицо и поднял рюмку. За столом замолчали. Но вместо ожидаемого тоста последовал добродушный смешок с матом:

— Да что же это такое е... мать! Джордж! — выпалил Георгий.

Гога поперхнулся.

— Ты что, приехал сюда умирать?!

— Не понял? — откашливаясь, спросил Гога.

— Что тут непонятного?! — продолжил Христофорыч, посмеиваясь. — Напротив тебя — две прелестные дамы... А ты, Георгий Борисович, сидишь как пень! Пригласил бы даму на танец. А то мы тебя исключим из нашего коллектива, хе-хе-хе.

Гога только сейчас заметил, что напротив него сидят две женщины. Одна была Татьяна Васильева, супруга Мартиросяна. Другую он видел впервые. С напускной почтительностью Христофорыч указал на молодую женщину:

— Это Кирочка. Наша близкая подруга. «Птичка», как я ее иногда называю. Прошу любить и жаловать.

Кира сидела, ухватившись за Танину руку, положив свою блондинистую голову ей на плечо, и внимательно наблюдала за Гогой большими, голубыми, холодными, как ручеек, глазами. Тогда Гога этого взгляда не оценил.

— Очень приятно, — сказал Гога, привстал, нагнулся через стол и вежливо протянул по очереди обеим дамам руку.

— Ты совершенно прав, Георгий Христофорович, — сказал Гога и пригласил Киру на танец.

Кира была невысокого роста, с прилежно уложенной прической и аккуратно одетая. В ней все было «аккуратным». Даже когда она положила руку ему на плечо, то сделала это очень плавно и аккуратно. Лицо у нее было серьезным, как будто вышла не на танец, а на экзамен по математике. «Мало ли что? Человек устал. Или просто серьезная девушка», — промелькнуло в голове...

Заиграла медленная музыка. Обняв Киру за талию, Гога вдруг ощутил покой, что его слегка удивило. Так чувствовать себя с незнакомым человеком казалось ему странным. Они о чем-то разговаривали... как вдруг ни с того ни с сего у Гоги безумно заболела голова. Он даже испугался. У него никогда так не болела голова. Столь сильно и как-то по-особенному.

— Кира, а вы сможете подбросить меня до гостиницы, когда поедете домой? Если вам это, конечно, не сложно. Такси я уже вряд ли найду, — потирая виски, спросил Гога. — У меня что-то безумно разболелась голова. Наверное, из-за перелета. Ужасно длинный... А мой так называемый ассистент куда-то исчез.

— Конечно! — удивившись, ответила Кира. — Сейчас все организую.

В машине набилось человек шесть. За рулем сидел Мартиросян. Когда он завел машину, Кирочка похлопала его по плечу:

— Жорочка, не забудь, что мы должны завезти Джорджа в гостиницу.

— В гостиницу?! — рассмеялся Жора, — даже не думайте, Георгий Борисович. В гостиницу мы вас отвезем как-нибудь в другой раз. А сейчас едем к нашей птичке, к нашей любимой Кирочке. Правильно? — посмотрев на Киру, безапелляционно произнес Мартиросян и вырулил на шоссе.

— Жооораа! Ну что за глупости! У человека болит голова! — запротестовала Кира.

— Ничего, — спокойно отпарировал Мартиросян. — Поболит и перестанет.

Гога сморщился от боли и махнул рукой.

— Ладно, ничего! Поехали, — сказал он, и голова затрещала еще сильнее.

Этот инцидент с головой Гога вспомнит несколько лет спустя. Но будет уже поздно.

Кирина небольшая съемная квартира находилась недалеко от станции метро «Аэропорт», на первом этаже. Гога изумился, узнав: только в этом году она сменила шесть квартир, пока не нашла ту, что ее устроила. Для Гоги это было немыслимо. Он был человеком привычки. Ему ничего не давалось так тяжело, как смена места обитания. Даже перестановка мебели была сродни выдергиванию зубов. А для Киры, как выяснилось, это любимое занятие. И делала она это с такой легкостью и энтузиазмом, будто переставляла горшок с цветами с одного подоконника на другой.

Все столпились на кухне. Кира поставила выпивку, они с Таней принялись готовить закуски. Гога наконец не выдержал.

— Кира, у вас случайно не найдется какого-нибудь дивана или кресла, где я бы мог прилечь хоть на несколько минут. Голова вот-вот треснет, — тихо сказал Гога, потирая виски.

— Конечно! — заботливо откликнулась Кира.

Взяла его за руку и завела в спальню, где стоял темно-коричневый диван. Гога прилег. Кира накрыла его норковой шубой. Он успел только сказать «спасибо» и мгновенно заснул. Сквозь сон он слышал шум, похожий на ругань. Пару раз громко хлопала дверь. Но он так и не проснулся, проспав до утра как убитый. Когда проснулся, он был свеж и полон сил. Головной

боли как не бывало. Оглянувшись, он не сразу понял, где находится. Кира, улыбаясь, зашла в шелковом темно-синем халате с золотистыми цветами.

— Доброе утро. Как голова? — вежливо спросила она.

— Отлично! Совсем не болит.

— Вот и хорошо. Чай, кофе?

— Кофе было бы хорошо. Я просто вырубился. Прости.

— А что хочешь на завтрак? Могу приготовить яичницу, — почему-то слегка смутившись, сказала Кира.

— Супер!

— Ветчина, сыр?

— Мне все равно. Приготовь, как хочешь.

Когда Кира отправилась на кухню, Гога последовал за ней. Он удивился, насколько хорошо и уютно чувствовал себя здесь. «Так мирно и безмятежно. Давно не ощущал такого спокойствия», — подумал он, наблюдая, как Кира готовит завтрак. За окном шел снег. Светило яркое солнце. Как в молодости, когда он был еще студентом и оставался у какой-нибудь из своих девчонок ночевать, пока ее родителей не было дома. Как он соскучился по этому ощущению! Ему вдруг безумно захотелось выпить рюмку водки.

— А водка есть?

— Утром?

— Уг-ху...

Кира достала бутылку, рюмку и поставила на стол. Он молча налил, опрокинул рюмку, выдохнул, бросил взгляд на Киру и подумал: «Почему нельзя жить вот так? Просто. Как нормальные люди. Сидеть на кухне и никуда не спешить. Не гнаться вечно за чем-то. Вот уже сколько лет ты все бежишь куда-то... спешишь... А куда и зачем, сам толком не знаешь». Так незаметно пролетели два дня. Они вышли лишь раз в магазин за продуктами. Много говорили. Смотрели телевизор. Болтали по телефону с Мартиросяном. Кира рассказывала о покойном муже, которого она потеряла девять месяцев назад в Лондоне. Как все это было ужасно. Как она прятала от долбанного советского посольства пятнадцать тысяч долларов, выделенных на операцию супруга. Теперь их требовали назад, так как муж умер до операции. Гога рассказывал о себе. Как покинул Союз. Но больше всего вспоминал маму. Говорил о предстоящих съемках о судьбе Анастасии, младшей дочери царя. Об Америке почему-то говорить совсем не хотелось. Кира нравилась Гоге. Но не более. Поэтому все ограничилось несколькими шуточными попытками поцелуя с его стороны и ее смехом по этому поводу. Когда разговор вновь зашел о съемках, Кира вдруг предложила помочь с подбором актеров — многих она знала лично благодаря знаменитому мужу. Такая помощь ему была как раз необходима и освобождала от множества лишних забот.

Уже через несколько дней начался подбор актеров. И очень скоро Кирина характер проявился во всей своей «пленяющей самобытности и красоте». Предполагалось, что роль царицы исполнит актриса из Питера. Она была хороша собой (первый минус) и имела неосторожность обратиться к самолюбивой Кире на повышенных тонах, да еще при людях. Зайдя на цыпочках в кабинет Гоги, Кира шепнула на ухо:

— Я слышала, она проблематичная. К тому же пьющая. Многие режиссеры отказываются с ней работать. Говорят, еще и скандалистка. Но ты сам смотри и решай. Мое дело — предупредить.

Так «царица», не успев взойти на престол, лишилась роли. Пришлось искать другую. Съемки начались в Москве и продолжились в Питере. Они уже жили в одном номере в шикарной гостинице в центре города. Кирочка быстро завоевала симпатию съемочной группы. Ее называли «happy go lucky», что означает «счастливо шагающая по жизни». Но счастливо по жизни Кирочка шагала потому, что умела как никто отстаивать свои интересы, делая это не

всегда тонко, но очень эффективно. В чем Гога вскоре убедится благодаря случайному телефонному звонку.

Звонок из-за океана

Маша была победительницей первого в СССР конкурса красоты и впоследствии оказалась в Лос-Анджелесе. Гога уже не помнил, как он с ней познакомился, но они подружились. Она была гораздо моложе его и на голову выше. Для него она скорее была младшей сестрой, нежели объектом романтического влечения.

Неожиданно поздно вечером в его номере раздался звонок. Это была Маша. Конечно, такого звонка Гога не ожидал. Тем более, что он находился на другом конце света. Но это польстило. Молодое существо не забыло о нем! Он не заметил, с каким напряжением Кира наблюдала за ним и слушала их разговор. Вдруг за его спиной раздался грохот. Гога вздрогнул, обернулся и оторопел. На полу лежала разбитая вдребезги ваза. Лицо Киры было искажено от злости. В бешенстве она обрушилась на него:

— Что это еще за Маша! Чего ты тут разлюбезничался! Кто это?!

Гога остолбенел. На мгновение даже потерял дар речи. Отличительной чертой Киры было умение закатывать сцены с такой дерзостью и холодной наглостью, с таким ором, что люди терялись и застывали как вкопанные. Гога уставился на Киру, бессмысленно моргая. Он был не в силах поверить, что эта маленькая «птичка» носит в себе такую жгучую ненависть и злобу! И имеет наглость вести себя таким образом!

— Ты что... Что ты себе позволяешь?! — задыхаясь, заорал Гога.

— Кто это?! — еще громче завопила Кира. — Кто эта «Машенька, дорогая»?!

— Да какая тебе разница! Ты что, совсем рехнулась?! Будешь мне указывать, с кем общаться? Ты со мной такие фокусы не выкидывай... А то я быстро с тобой разберусь! Мне такого не надо! Извини! — захлебываясь от возмущения, прокричал Гога и, весь трясаясь, стал одеваться. — Маша — просто знакомая! И просто позвонила! Устроила здесь сцену... Там, наверное, подумали, что кого-то убивают!

Маша действительно успела спросить, что случилось, и со словами «Извини!» быстро повесила трубку.

Весь пылая, Гога направился к выходу.

— Прости! — вдруг рухнув на постель и закрыв лицо руками, воскликнула Кира. — Прости, Жорочка! — зашептала она, рыдая. — Я... я... просто ужасно устала... Смерть мужа... Весь этот кошмар, который я прошла... Я! я!.. Прости меня Жорочка! Прости!

Она вскочила, бросилась перед ним на колени и стала целовать ему руки. Гога сморщился. Он ненавидел такие сцены! Но он не оттолкнул Киру. Подошел к кровати, сел и опустил голову. Внутри все клокотало. И он думал, думал и думал... Маша больше не позвонила. Два ноль в пользу Кирочки! Конечно, этот случай насторожил, но работы было столько, что копаться в произошедшем не было времени. Кирино настроение часто менялось. То она была безудержно веселая, то вдруг становилась серьезной, замкнутой или злой. Гогу удивляла еще одна ее черта: Кира была почти полностью лишена чувства юмора. Могла засмеяться в таком месте, где смешного ничего не было. Или, наоборот, с недоумением молчать, когда все хохотали.

— Ха, ха, ха... — раздался громкий, одинокий голос во время спектакля, когда в зале царил гробовая тишина.

Что тогда рассмешило Киру, осталось загадкой. Если Кира смеялась в компании над шуткой или анекдотом, то делала это, чтобы не подумали, будто она тупая или не понимает юмора. Не улавливает тонкостей, которые улавливают другие. Когда возникала такая ситуация, она смотрела на остальных, чтобы не пропустить момент и вовремя включиться. А потом вытирала слезы от смеха:

— Ааа-ха-ха-ха-ха! Как смешно! Не могу!

Съемки в Питере закончились. Они вернулись в Москву. Когда ехали в такси в сторону его гостиницы, Гога смотрел в окно и думал: «Вот и все. Теперь домой. А там... Ух! Даже не хочу думать». Он посмотрел на Киру. Она сидела и тоже задумчиво глядела в окно. «Еще одна встреча, не имеющая никакого смысла. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся. Хотя кто знает», — ухмыльнулся про себя Гога. Кира вдруг повернулась к нему, обхватила его руку и крепко прижалась, положив голову ему на плечо.

— Жорочка... — нежно прошептала Кира. — Я беременна.

Сердце кольнуло.

— Ты не волнуйся, Жорочка. Мне от тебя ничего не надо. Я давно хотела ребенка. И если ты не захочешь, я буду растить его сама, — тихо сказала Кира и прижалась еще крепче.

Кирочка была отличным психологом. Она давно разобралась в Гоге и прекрасно знала, какая должна последовать реакция. Его сердце громко стучало. Как можно спокойнее, Гога бодро ответил:

— Да что ты такое говоришь? Еще одна безотцовщина? Ну, нет уж... Это прекрасная новость!

Он посмотрел на нее и, проглотив подкатившийся комок к горлу, продолжил:

— Как только вернусь, сразу сделаю тебе визу в Америку. Думаю, рожать надо там.

Кира опустила голову и прошептала:

— Как скажешь, Жорочка.

Вновь прижалась, съезжилась и как котенок потерлась носом о Гогину грудь.

Гога гордо поднял голову и уставился вдаль. Новость, конечно, была ошарашивающей... Но ведь у него с Сандрой все кончено (во всяком случае для него). И детей у них тоже нет. А тут сама судьба делает предложение! «Почему бы и нет?! — подумал Гога. — Ведь дети — это прекрасно! По-моему...»

Вернувшись в Америку, Гога сразу принялся организовывать Кириный приезд и заодно новые съемки в России. Продюсер в Голливуде — это звезда. Студии такие «титуты» берегут как зеницу ока. Лишь избранные могут сказать, что работают для «Парамаунт»! Гога был «избранным».

Harlem Globetrotters

К этому Гога шел долгие годы. Его первым проектом были легендарные Harlem Globetrotters. Баскетбольное шоу, покорившее мир своими виртуозными выступлениями. В Союзе «Гарлемские Глобтроттеры» впервые выступали еще в 1959 году, когда Хрущев лично принимал их на Красной площади. Тогда в команде был Уилт Чемберлен, будущая легенда НБА. Гога привез троттеров в Россию тридцать лет спустя, в 1989 году. Почти год он провел в мучительных переговорах с Госконцертом, в то время, когда в СССР к эмигрантам относились еще как к «предателям Родины». Но Гога все же добил. Гастроли прошли с огромным успехом.

Эта история началась, когда весь мир наблюдал за развалом Союза. Во время ланча Гога сидел со своим приятелем и адвокатом Гарольдом Липтоном в ресторане в Беверли Хиллз.

— Сейчас, когда там все это происходит, наверняка откроются сумасшедшие возможности! А не замутить ли нам там что-нибудь этакое, а? — обронил Гога.

Гарольд Липтон — пожилой, невысокий, худощавый, очень влиятельный человек. Всегда в хорошем настроении. С необыкновенным чувством юмора и с еще большим чувством авантюризма. Его дочь, Пегги Липтон, голливудская звезда, была замужем за Куинси Джонсом, легендарным музыкантом и продюсером Майкла Джексона. Их брак в свое время надеялся много шума. Куинси был чернокожим, а Пегги — самый что ни на есть эталон американской блондинки. Влияния Куинси и Гарольда было достаточно, чтобы руководство Троттеров согласилось встретиться с «человеком с улицы». Гога понимал — это шанс один на миллион. Если ему удастся осуществить такой проект, он станет поворотным моментом в его жизни. Единственное условие, которое Гога поставил Липтону: Гога должен быть продюсером турне. Звание продюсера для него был главным во всей этой игре.

— Ты же понимаешь, для меня это уникальный шанс, он станет моим пропуском в будущее.

Гарольд рассмеялся.

— Понимаю. Договорились!

— Пиши бумагу! — с восторгом воскликнул Гога.

Создали группу из нескольких человек. Дебора, женщина лет тридцати пяти, занималась спонсорами и рекламой. Другим партнером был Дейвид Ли. Известный певец из Тайваня. Он также готовил турне Глобтроттеров в Тайване, но сейчас был свободен. Поэтому вызвался помогать в роли волонтера, одновременно и опыта набираться. Но через некоторое время «партнеров» стала жаба душить:

— Почему только Гога озвучен как продюсер? Проект же общий!

Гарольд (ему это можно простить — возраст и занятость) забыл об их договоре и вынужден был поднять вопрос на общем собрании. Тут Гога вытащил бумагу и напомнил Гарольду о договоре. Гарольд рассмеялся:

— Да ты прирожденный адвокат!

На этом вопрос был закрыт. Но не для «партнеров». Хитрый Ли решил применить тысячулетнюю китайскую мудрость «Искусства войны». Связь с Госконцертом шла через офис Гарольда. Это было крайне неудобно. Своего факса у Гоги не было. Чтобы не беспокоить «уважаемого старика», Ли предложил — вся переписка с Госконцертом может идти с его факса. Так продолжалось некоторое время. Гога стал замечать, что переписка ему уже вообще не передается. На вопрос «почему?» Ли успокаивал:

— Ничего важного! Так, рутинная переписка.

Наконец из Госконцерта в офис троттеров пришла последняя версия договора. Гога и Джо Анзавино, директор Глобтроттеров, сидели в офисе. Прочитав контракт, они переглянулись, довольная улыбка скользнула по лицам.

— Вроде все как договаривались. Ну, что? Подписываем? — слегка нервничая, спросил Гога.

— Вроде все нормально, — пожал плечами, ответил Джо. — Все наши условия тут. Молодец! Поздравляю! Russia, here I come! — воскликнул хриплым голосом Джо и засмеялся.

Подписав договор, они пожали друг другу руки и Гога ушел. Уже в машине он испытал необыкновенную гордость — все-таки добил! «Как же они меня задолбали, эти Советы! Измучили, суки! Еще немного, и я бы плюнул на все! И эта комсомолка! Смотрела на меня целый год как на прокаженного». Проехав несколько миль, Гога вдруг почувствовал беспокойство. «Подожди, подожди... Здесь что-то не то... — проскользнуло в голове. Он остановил машину. — Ты подписал контракт, а наверху страницы стоит имя Дейвида Ли. Не понял...» Сердце тревожно забило. Он тут же набрал Джо.

— Послушай, Джо, здесь что-то не так! Контракт оформлен на Дейвида Ли, правильно?

— Да, на Ли... — подтвердил Джо.

— А подписываю его я.

— Действительно, какая-то неувязка. Я даже не обратил внимания.

— Ты контракт еще не отправил?

— Нет.

— Жди меня! Сейчас буду! — воскликнул Гога, развернул машину и помчался обратно. Влетев в офис, он попросил контракт и вперился в него. Наверху первого листа красовалось имя Дейвида Ли.

— Но это же ошибка! При чем здесь Ли?! — изумился Гога.

— Согласен. Ошибка.

— Белило есть?

— Есть.

Взяв страницу трясущейся рукой, Гога аккуратно выбелил имя Ли и авторучкой вписал свое.

— Фу ты черт! — вздохнул Гога с облегчением. — Вот теперь можешь отсылать.

Вся Москва и Питер были завешаны афишами:

Госконцерт
ДЖОРДЖ ПУСЕП
и Ист-Вест Энтерпрайзес
представляют
Легендарное баскетбольное шоу
«ГАРЛЕМСКИЕ ГЛОУБТРОТТЕРЫ» США
Лужники
Начало в...

Уже в Москве Гога обратился к замдиректора Госконцерта Ходыкину:

— Владислав Степанович, вы помните последнюю версию нашего контракта?

— Ну?

— Там на первой странице, наверху, стояло имя Дейвида Ли. Почему?

— Насколько я помню, вся переписка велась через него.

— Ааа... — покачал головой Гога, — А если бы мы тогда не исправили имя в контракте?

Чье имя было бы на афишах?

— Дейвида Ли! — бодро ответил Ходыкин.

Гогу чуть не стошнило.

— Мы же не знаем, кто у вас там главный! Кто в документах, тот и главный! А переписка — это документ!

— Ну вы даете... — ошарашенно протянул Гога. — Я же целый год приезжал к вам на переговоры! Помните, как вы меня чуть ли не в роли мошенника выставили, заявив, что у вас в Европе другой продюсер. И Джо Анзавино должен был выслать срочный телекс, подтверждающий, что я единственный официальный представитель этого турне в России. Забыли?!

— Ну, уж простите, Джордж! Но вы должны понять... У нас главное — документ. Бумага! — многозначительно подняв указательный палец, закончил Ходыкин.

«Вот сучища! Ну и Ли! И этим все по барабану! Могу только представить — на всех плакатах, по всей Москве и Ленинграду имя Дейвида Ли!.. Ну, блять, убил бы уroda!»

Гастроли проходили с большим успехом. Москву и Ленинград уже отработали. Впереди были Ереван и Вильнюс. Но в Лос-Анджелесе оставалась больная мама и надо было срочно возвращаться в Америку. Теперь у него было самое главное — звание легитимного голливудского продюсера! Все двери отныне были открыты. И в России тоже. Госконцерт уже сам рвался сотрудничать.

Забегая вперед. Когда Госконцерт прислал телеграмму, подтвердив проведение гастролей легендарной Патти Лабелль, Сандра ее спрятала и показала лишь шесть месяцев спустя. Объяснила тем, что просто забыла. Забыла?!

Палм-Спрингс

Гога организовал приезд Киры в Сан-Франциско. Хотел показать самый красивый город Америки, как делал это когда-то для мамы. В Лос-Анджелесе он снимал трехкомнатную квартиру в районе Голливуда, но, взвесив все за и против, решил перебраться в Палм-Спрингс. Рожать там будет лучше.

Палм-Спрингс: более подходящего места для душевного покоя и равновесия, чувства космической связи со Вселенной не найти. Благополучие, наряду с каким-то мистическим ощущением, витает здесь в воздухе. От сухого, теплого, пустынного воздуха кружится голова, а на душе наступает такое умиротворение, что покидать это место не хочется уже никогда. Весь городок усыпан бассейнами и гольф-кортами вместе с уютными ресторанчиками, крохотными магазинами для сувениров, вилами и закрытыми поселками. Магическое ощущение овладевает сразу, как съезжаешь с магистрали на дорогу, ведущую к городу. Пальмы на главной улице приветливо машут ветвями, как бы заманивая уставших путников в свой загадочный рай. Здесь издавна поселялись художники, писатели и музыканты, включая Фрэнка Синатру и Элвиса Пресли. А также представители разного рода элиты — от Аль Капоне до президента Рейгана. Гога снял двухэтажную квартиру в одном из закрытых поселков, на территории которого был гольф-корт и пять бассейнов. Решив, что для сильно беременной Киры главное — мир, покой, чистый воздух и теплый климат. Но когда на душе мира нет, то и покоя не найдешь. Как обрести мир человеку, за год меняющему шесть квартир? Уже через пару месяцев Кирочка пожаловалась:

— Здесь надо жить, если собрался помирать. Скучотища!

Роддом Eisenhower Medical Center был больше похож на шестизвездочную гостиницу, нежели на медицинское учреждение. Гога прочитал о беременности все что мог. Больше всего его интересовало, что именно представляет опасность для матери и будущего ребенка. Большую часть прочитанного он не понимал, но почему-то запомнил «резус-фактор» и «билирубин». Возможно, из-за странного звучания — «билирубин»! Еще запомнил, что повышенный фактор этого вещества у младенца — опасно. Может сделать кровь чрезмерно густой и забить тонкие кровеносные сосуды головного мозга. Результат: умственно отсталый ребенок. При одной этой мысли он холодел. Успокаивало, что такое случается достаточно часто и, если вовремя отреагировать, легко лечится — пару дней в инкубаторе и все дела. Он также связался со службой, помогавшей молодым мамам освоиться после родов и учившей правильно кормить ребенка грудью. «Никаких смесей!» Его заверили, что если возникнет проблема с молоком, то волноваться незачем. Специально обученная медсестра придет прямо на дом и доставит насос для стимулирования молочных желез. Процедура, конечно, может показаться странной (как доение коровы), зато очень эффективна. Кире об этом он не сказал. «Зачем пугать прежде времени», — подумал Гога.

Еще он решил, что будет присутствовать при родах.

— Представляешь, Жорочка... Маша получила визу в Америку и может быть, скоро придет! — радостно сообщила Кира. — Вот здорово! Я так соскучилась по ней!

— Это как? — поинтересовался Гога.

Он вспомнил, что Маша бросила мужа и забрала ребенка. Теперь тот жил с Машинными родителями в Минске. Все были в шоке, когда это случилось. Ведь они были уверены, что это идеальная семья.

— Она нашла каких-то американцев, которые согласились спонсировать ее. Дали гарантию, что она вернется обратно, предоставили место в своем доме и обещали покрыть все расходы. Даже медицинской страховкой обеспечили! Прикинь?!

— Да, интересно... А что, если она не вернется?

— Не знаю... — пожала плечами Кира. — Нам-то какое дело? Она едет в Чикаго, но сказала, что сможет нас навестить. Меня буквально трясет от радости! — воскликнула Кира и захлопала в ладоши. — Мне сейчас так нужна поддержка. Это же моя лучшая подруга! Помимо всего, она такая ответственная. Ты же знаешь.

— М-м-да, знаю, — протянул Гога.

Когда он снимал «Анастасию», Кира попросила его дать Маше работу. Гога поставил ее отвечать за кухню, которую организовал к огромному удивлению руководства «Ленфильма».

— Ну вы даете, Георгий Борисович! Им по бутерброду — и то много! А вы тут целую кухню притащили...

Озадачены были даже крысы, снующие по пустынным коридорам студии. Тогда Маша действительно показала себя как очень ответственный работник. Поэтому новость о ее возможном приезде не особенно встревожила его. Он даже подумал, что это хорошо. «Может, Кира немного успокоится? Только интересно, на какие шиши она собирается сюда приезжать? Спонсоры еще какие-то... Не думает же она их кидать?»

Люди, пользующиеся бескорыстной помощью других, а потом кидающие их, всегда вызывали у Гоги отвращение.

Женя-сыночек

Около пяти часов утра Гогу разбудил истошный вопль Киры.

— Жоорааа! А-а-а!.. У меня воды! Жорочка, у меня воды! Что делать?! Я могу умереть! Гога спросонья не сразу понял, что происходит. Но Кира продолжала вопить:

— Ой!.. ой!.. воодыбы! Жорочка, скорее!

Гога вскочил, накинул на нее халат, сам натянул штаны, надел майку, схватил Киру на руки и понес к машине. Через десять минут они уже были в госпитале.

— Не беспокойтесь! — утешала медсестра. — Ничего страшного. Проходите! Вот сюда. Осторожно! Вот так...

Обняв Киру за талию, медсестра заботливо провела ее в комнату и помогла лечь на кушетку. Кира продолжала ойкать:

— Ой! Ой! Ой! Осторожнее! Я могу упасть! Жорочка, только не уходи!

В отдельной палате с видом на гольф-корт (к которому Кира давно привыкла и который, видимо, ей уже надоел) висела пара оригиналов картин известных художников. Хрустальная ваза со свежими цветами, телевизор и музыкальный центр. Оказалось, что и рожать Кира будет в палате. Как объяснила медсестра, откроется потолок, на нем зажжется медицинская лампа, раздвинутся стены и всю аппаратуру подкатят прямо к постели. Затем появится врач со свитой и проделает все, как говорится, не отходя от кассы. «Ни фига себе! — подумал Гога. — Я даже не знал, что такое возможно!»

Когда начались схватки, Гога сидел в палате. Тихая классическая музыка, игравшая в комнате, не помогла. Кира запаниковала. Ее большие голубые глаза заблестели и широко раскрылись от страха.

— Жорочка! Уф, уф, уф! Ты только никуда не уходи! Хорошо?! Стой здесь! Уф! — трясясь и пыхтя, заверещала Кира. — Мне страшно! Ой! Ой! Больно! Ааааа! Жорочка, попроси их, пусть они мне дадут это... ну, против боли! Умоляю! А то я умру!

Как-то Гога имел глупость прочитать Кире о методе безболезненных родов:

— Представляешь, в позвоночник длиннющей иглой вводят новокаин! Бррр... Да, еще это связано с огромным риском. Могут повредить нерв и все — человек парализован! Ужас!

— Жора! — трясясь, продолжала Кира. — Я очень слабая! Я не как все женщины! Они могут терпеть боль, а я не могу! Умоляю тебя, скажи им! Пусть они сделают мне это... ну, помнишь?!

«Помню, помню», — с раздражением подумал Гога.

Сколько он ни старался успокоить Киру и переубедить, все было напрасно.

— Кира, ты хоть понимаешь, насколько это опасно! Не только для тебя, но и для ребенка!

— Нет, Жорочка, опасно то, что я могу умереть! — вскрикнула Кира.

«Вот идиот! И надо же тебе было ей рассказывать об этом! Просветитель хуев!» Скрепя сердце Гога подошел к врачу и расспросил о процедуре. Получив исчерпывающую информацию, он, чертовски злой на себя, принял решение — в пользу Киры.

Состояние, которое испытывал Гога, присутствуя при родах, описать невозможно. Словно он свидетель сотворения чуда. Мысли куда-то улетали. Он сам будто витал в воздухе. Кира орала (на всякий случай). Он стоял на коленях рядом с постелью и крепко держал ее за руку. Она впилась своими острыми ногтями в его ладонь, разодрав ее до крови, но он этого не чувствовал, лишь обливался потом вместе с Кирой, не отводя от нее взгляда.

— Аааааа! Жорочка, держи меня! Аааа!

Миниатюрная врач-индийка, лет тридцати, аккуратно и сосредоточенно проделывала какие-то манипуляции. Неожиданно прямо ей в руки выскользнул покрытый слизью младенец и через секунду разорался. И только сейчас, услышав пронзительный крик, Гога будто

проснулся и спустился на землю. Кира рыдала. Он же стоял рядом с постелью как вкопанный, с широко раскрытыми глазами и открытым ртом. Слезы сами катились по щекам.

— Как он? — захлебываясь слезами, прошептала Кира. — Где он? Жорочка, где он?! Покажите мне его! Он живой?!

Женя родился 31 мая 1994 года в 11:25 утра. Роды прошли прекрасно. Еще не придя в себя, Гога дрожащими руками открывал шампанское. Медсестра бережно положила младенца молодой матери на грудь, под умиленные взгляды и тихие аплодисменты присутствующих. Кира изумленно смотрела на маленькое и незнакомое ей существо, как на подаренную куклу.

— Жорочка... я что... стала матерью? — прошептала Кира.

С выражением ребенка, который только что увидел интересную игрушку, она вдруг воскликнула:

— Да он весь в меня! Хы! Посмотрите!

Затем, выпучив уголок нижней губы, вновь уставилась на новорожденного.

Интересно, что при рождении Зины градус эмоций будет таким же. То же ощущение присутствия при сотворении чуда. С той лишь разницей, что в этот раз Гога почему-то будет взволнованно восклицать:

— Доченька! Доченька! Ты меня узнаешь?! Это я! Твой папа!

Зину Кира тоже рожала с наркозом. Годы спустя Гога с горечью думал: «И с Зиной уступил. Дурак! Не зря же природа обрекла женщину проходить через такую адскую боль и страдание. Ведь ничем так не дорожишь, как тем, что добыто в таких страшных мучениях. Природа не дура. Может быть, если бы ты тогда не позволил, все пошло бы иначе».

Билирубин

Через пару дней Гога привез Киру и крохотного Женю домой. С помощью специальной службы он организовал в квартире все необходимое для малыша и мамы. Теперь самым важным было, чтобы Кира начала кормить Женю грудью. Тут и иммунитет, и первая эмоциональная связь с любимым человеком. Все, что так нужно беззащитному существу, дабы почувствовать материнскую ласку, развиваться психически и эмоционально, расти уверенным в себе человеком. Кира к таким рассуждениям относилась скептически.

— Тебя сколько мама кормила грудью? — с тоном знатока поинтересовалась Кира.

— Шесть недель.

— Вот видишь! — воскликнула она. — Шесть недель! И ничего такой получился!

— У моей матери перегорело молоко! — понимая, на что Кира намекает, заявил Гога.

— А кто сказал, что оно не перегорит у меня?!

— Если перегорит, тогда и поговорим!

— А сколько, по-твоему, надо кормить грудью? — не унималась Кира.

— Минимум шесть месяцев! А лучше год!

— Шесть месяцев?! Да кто тебе такое сказал? — возмутилась Кира. — Медицина давно ушла вперед! Детские смеси сегодня не хуже материнского молока! Шесть месяцев! Где ты такое видел в наше время? Ты что, совсем не понимаешь, что происходит с женской грудью после такого срока?!

— Кира! — рявкнул Гога. — Давай не будем! Ты зачем рожала? «Я давно хотела ребенка!» — твои слова? Хотела? Так получай! И выполняй свои материнские обязанности! А то, видите ли, что произойдет с грудью... Ты Женю спросила? Его это интересует? И меня тоже не интересует! — закончил, уже совсем разгорячившись, Гога.

Кирино лицо окаменело.

— Сумасшедший! Шесть месяцев! Тоже мне выдумал... — прошипела она и зашагала в сторону кухни.

Прошло несколько дней. Женя, по экспертному мнению «доктора» Киры, получился «образцовым ребенком».

— Видишь, какого малыша я тебе родила, папаша?! — слегка шлепнув Гогу по затылку, с гордостью заявила Кира. — Тихий и спокойный. Не будит тебя по ночам.

Это действительно было так. И именно поэтому Гоге все больше становилось не по себе. «Странно», — думал он.

— Почему он не плачет? Не капризничает, как все дети? Разве это нормально? — с недоумением спросил Гога. — По-моему, нет.

Кира рассмеялась.

— Да посмотри — примерный ребенок! Вот так-то, Жорочка! А ты даже не умеешь этого ценить, — с наигранной обидой добавила она и поправила Женино одеяло.

Женя не проснулся.

Нарастающая тревога не давала Гоге покоя. Он периодически подходил к кроватке и вглядывался в лицо сына. Но Женечка мирно спал. Вдруг Гоге захотелось его разбудить. «Почему он все время спит?!» — с волнением подумал Гога.

— Кира! А он что, всегда так долго спит?

— Тишиши, не ори! Разбудишь ребенка! Детям надо много спать. Ты что, не читал этого? Ты же вроде все прочитал. Во время сна развиваются мозговые клетки, — добавила Кира тоном знатока, который всегда приводил Гогу почти в бешенство.

Гога наконец не выдержал и слегка толкнул Женю.

— Женя... Жеенеечкаа...

Женя медленно открыл глаза. Они вдруг закатились и вновь закрылись.

— Кира! С ним что-то не так! Кирааа!

Не помня себя, Гога схватил Женю и помчался к машине.

— Что ты делаешь?! — закричала Кира. — Ты куда его потащил! Ты что, с ума сошел?!

— Садись в машину! Срочно!

Кира заскочила на заднее сиденье и с недоумением уставилась на него.

— Молчи! — воскликнул Гога и передал Женю Кире.

Вырулив с парковки, Гога на бешеной скорости помчался в сторону больницы.

— Тряси его! Не дай ему заснуть! Тряси! Слышишь!

Подъехав к отделению скорой, Гога заорал:

— Медсестра! Нам нужен доктор!

Через несколько секунд появились медсестра и доктор.

— Мне кажется, с ребенком что-то не так! — воскликнул Гога.

Посмотрев на Женю, доктор скомандовала:

— В палату интенсивной терапии!

Гогу трясло.

— Что с ним, доктор?! Что с ним случилось?!

— Пожалуйста, успокойтесь! Мы сейчас все выясним.

Через десять минут доктор вышла.

— Ваш малыш должен будет остаться здесь.

— А что с ним?! — воскликнула Кира.

— Мы выясняем, делаем анализы. Потерпите.

Прошло пару часов. Доктор вышла и посмотрев на Гогу, похлопала его по плечу:

— Молодец, папа. Все сделали правильно. У вашего сына повышенный билирубин. Не беспокойтесь, все будет хорошо. Главное, что вовремя привезли ребенка. Но ему придется провести несколько дней в инкубаторе.

Кира в растерянности посмотрела на Гогу.

— Боже, какая я идиотка! «Примерный ребенок!» Какая же я дура! Спасибо, Жорочка, ты спас нашего сыночка! — прошептала она и поцеловала ему руку. — Слава Богу, что у нас такой умный папочка!

Женя быстро пошел на поправку. Уже через четыре дня он был дома.

— Ухххх! — вздохнул Гога — Именно об этом проклятом билирубине я и читал. Помнишь?!

Когда они вернулись домой, перед входной дверью стоял старинный, необыкновенной красоты бронзовый подсвечник. Гога и Кира переглянулись.

— Что это? — спросил Гога. — Откуда это?

— Понятия не имею! — ответила Кира и, саркастически ухмыльнувшись, добавила: — Не твои ли это поклонницы?

Гога покачал головой: «Вот дура!» Первое, что ему пришло в голову, — Сандра. «Как раз в ее стиле. Но откуда у нее деньги на такой подсвечник?» Он позвонил Сандре. Она все отрицала. Тогда Гога расспросил соседей и знакомых. Но никто ничего не знал о загадочном подсвечнике. Так он и остался. Как оказалось, ничего хорошего этот подсвечник не приносил. Где бы он ни появлялся, случалась какая-нибудь беда. Как ни странно, похожее уже было в Гогиной жизни. Как-то он навещал в Москве семью бывших партийных функционеров из Латвии. У них на стене висела необычайно интересная картина старой Риги, ювелирно выполненная тушью. Когда-то ее подарили отцу хозяйки квартиры. Гоге она очень понравилась.

— Какая красивая работа. Хотелось бы иметь такую. Продадите? — полушутя спросил Гога.

На удивление, хозяйка ответила:

— С удовольствием! Но должна вас предупредить: эта картина у нас связана с нехорошими событиями. Как только она появилась в нашем доме, моего папу разжаловали. Он заболел и вскоре умер. После этого наша жизнь тоже рухнула. Я обязана вам об этом сказать, — и лицо у нее стало серьезным.

Гога верил в приметы. Но на этот раз почему-то просто усмехнулся и сказал:

— Я рискну.

И зря!

Когда Гога впервые был в Черногории, знакомая сделала несколько его фотографий. Гога себе ужасно не понравился на них и тут же порвал. Девушка ужаснулась.

— Зачем вы это сделали?! — воскликнула она и посмотрела на него с некой жалостью. — Никогда больше так не делайте!

Гога тогда не понял ее реакцию и очень удивился. Но страх холодной стружкой почему-то пробежал по сердцу. Несколько месяцев спустя его жизнь рухнула.

Вот и не верь после этого в приметы.

Кормление грудью

Пару недель после инцидента с Женей Кира вела себя очень тихо. Старалась быть примерной мамой. Заглядывала в Женину кровать, меняла подгузники, кормила грудью... Кажется, этот случай произвел на нее сильное впечатление. Она как будто даже повзрослела. Но очень скоро стала ныть, что молока мало, а иногда вообще пропадает.

— Я так нанервничалась за последнее время... Мне кажется, у меня что-то не в порядке с молоком, — посмотрев на Гогу грустными, как у собаки, глазами, пожаловалась Кира.

И она для демонстрации потискала свои соски.

— Вот, посмотри! Я стараюсь... А видишь! Молока почти нет. Еле могу выдавить какие-то капли. А он все сосет да сосет! Как из голодного края! Я же не железная! Ты хоть представляешь, как это больно? Может, у меня перегорело молоко? А, Жорочка? Нам на всякий случай надо приготовить еду для Женечки. Ты об этом подумай, Жорочка, — закончила тихим голосом Кира.

— Хорошо, Кира. Я подумаю.

«Я уже давно об этом подумал», — злобно проскользнуло в голове.

— Если ты думаешь, что у тебя действительно проблемы с молоком, то говори сразу.

— Я почти уверена.

— Кира... ты прокормила ребенка грудью всего несколько недель. Это очень-очень мало. И это очень-очень плохо. Понимаешь? Поэтому я вызову службу, которая помогает молодым мамам, если у них возникают подобные проблемы.

Кира распахнула глаза и низким, почти мужским голосом, спросила:

— Какая еще служба? Служба для молока?

— Да, именно, Кирочка. Для молока.

— И что они делают? — испугалась Кира.

— Ничего особенного. Просто приезжают и помогают тем, у кого возникают проблемы с молоком.

— А что, разве такое возможно?..

— Возможно, Кира. Это Америка. Здесь все возможно.

— Интересно... А почему ты мне об этом раньше не говорил?

— Не хотел тебя раньше времени беспокоить.

— Фы! Служба какая-то... — фыркнула Кира и задумалась.

На следующее утро подъехала белая легковая машина. Медсестра с большой сумкой в руках постучала в дверь. Кира занервничала.

— Жора... это кто?!

— Открой! Это медсестра из службы.

Кира с опаской приоткрыла дверь.

— Да?

— Hallo! — с широкой улыбкой на лице поздоровалась медсестра.

— I am Mary. Are you Kira?

— Хэло... Дааа... — протянула Кира, пропустила сестру и проводила ее недоверчивым взглядом.

Сестра осмотрелась и с воодушевлением воскликнула:

— Wow! You have a wonderful apartment! (У вас прекрасная квартира!)

Указав на стол, она спросила.

— Can I here? (Сюда можно?)

— Да-да, ставьте, — ответил Гога.

Медсестра принялась раскладывать на столе свои «экспонаты». Кира с подозрением наблюдала за ней. Затем, уже совсем насторожившись, поинтересовалась:

— Ааа это что?

Как стюардесса перед полетом, медсестра начала объяснять:

— Это специальный насос для стимулирования работы молочных желез.

Гога, скрестив руки на груди, едва сдерживал смех, прикрывая ладонью рот, и слушал, как медсестра рассказывает Кире о тонкостях предстоящей процедуры.

— Эти пластиковые кружки вы прикрепляете себе на соски. Вот так. А эти трубки от них идут к насосу. Видите? Затем нажимаете на кнопку, и аппарат включается. Вот и все! Очень просто! Вы, наверное, видели, как раньше доили коров? Сначала руками стимулировали соски, а потом уже тянули, давили, тянули, давили, покуда молоко не появлялось. Это может показаться немного смешно, но такой же принцип работает и здесь.

Кира нервно хихикнула.

— Вы что, собираетесь меня доить?

Медсестра рассмеялась.

— Ну, можно и так сказать. Но не я, а аппарат! Показываю еще раз, — сестра продемонстрировала все заново.

— Двадцать минут, и можете выключать. Так несколько недель, и, я уверена, у вас все будет хорошо. По груди вижу. Ваша грудь выглядит очень даже обещающе. Так что не переживайте! Думаю, вы с малышом останетесь довольны.

Медсестра вежливо попрощалась и ушла. Как только она вышла, Кира набросилась на Гогу:

— Да что ты тут такое придумал! Кто это такая! Откуда ей знать, обещающая у меня грудь или нет! Слово тоже выдумала! Она что, врач? Какая-то медсестра! И еще неизвестно, медсестра ли! Приехала тут и умную из себя строит! Я хочу, чтобы меня посмотрел доктор!

Гога взорвался:

— Кира! Не выебывайся! Это лицензированная служба! И в ней работают только профессионалы! Понятно?! Ты уже один раз продемонстрировала свои высокие знания в медицине. Хватит! Так что готовься! Каждый день! По двадцать минут! Поняла? И знай, я с тебя не слезу! И не вздумай со мной шутить! Ясно?!

Кира расплакалась и убежала в спальню, хлопнув дверью.

— Сволочь!

Процедура начиналась в девять утра. Кира сидела за столом с каменным лицом под жужжание насоса, периодически морщилась, делала страдальческое лицо и жаловалась, как это больно. Гога сидел напротив с таким же лицом и ждал, покуда процедура закончится. С каждым днем в ее глазах, помимо злости, росла ненависть. От того, что знала: Гога с нее не слезет и ей придется выдержать все до конца. Прошло пару недель, молоко только прибавлялось. А через месяц она смогла бы накормить весь Палм-Спрингс.

— Видишь! Значит, не перегорело. Можешь даже продавать. Между прочим, я серьезно. Для этого тоже есть служба.

— Да пошел ты со своими службами! — завизжала Кира. — Посмотри, на кого я теперь похожа!

Кира расплакалась и сунула обе груди Гоге под нос.

— Как корова! Не грудь, а вымя!

Женю Кира прокормила ровно шесть месяцев. На больше Гогу не хватило. «Ну, хоть столько», — подумал он.

Зиночке так не повезет.

Глава 3. «Перспективный клиент для колонии» (местный участковый)

«Блазмовские»

Детсадовские летние каникулы Гога проводил дома. Зина и Коля работали. Гога большую часть времени болтался на улице.

Улица, улица, сколько жизней ты погубила!

Они жили недалеко от перекрестка улицы Революции и Суворова. На одном углу был гастроном и парикмахерская. На противоположном — кинотеатр «Блазма», любимое место сборища местного хулиганья. Как говорила милиция, будущие обитатели исправительных колоний. Им было лет по пятнадцать, но они уже умудрялись держать весь район в страхе. В основном это были русские ребята. Сашка, Игорь, Колян... Их знали как «блазмовских». Избежать этот перекресток было почти невозможно. Мамы боялись за сыновей. Отцы — за дочерей. Но больше всего доставалось латышам. Драки нередко заканчивались в отделении милиции, некоторые участники отправлялись в места не столь отдаленные.

Винчик

Зина находилась в постоянной тревоге. При одной только мысли, что ее чадо может постигнуть такая же участь, сердце замирало от страха. Гога знал блазмовских давно. Все жили по соседству. Они его не трогали — чересчур мал. Иногда он останавливался поболтать с ними для «поддержания отношений». Основным занятием шпаны было стрельнуть у прохожих деньги на «винчик». Или просто набить кому-нибудь морду. «Винчик» — бутылка красного вина с громким названием «Портвейн Солнечный». Стоила 1 рубль 7 копеек. Его можно было пить, а при желании — красить забор. Так сказать, пошло широкого спектра применения. Эта бурда была очень популярна среди алкашей, безденежного народа и шпаны. Распив в подворотне первую бутылку, хулиганье возвращалось на улицу на новые заработки. После каждой выпитой они становились все дурнее и опаснее. Глаза делались мутными, в них появлялся злобный блеск.

Но закон все туже стягивал петлю. Оказаться в руках легашей с каждым днем становилось опаснее. Однако «мафия всегда на шаг впереди». Одному из пацанов пришла идея: почему бы на улицу вместо них не поставить салагу? С него взятки гладки — малолетка ведь! А у них железное алиби. Мол, ни к кому не приставали, денег не просили. Просто увидели, как маленького обижают, вот и подскочили помочь. Сосед все-таки. И маму его знаем.

Отказаться от предложения было не по-мужски, да и небезопасно. Гога даже состриг свои длинные ресницы после того, как мама сказала «из них можно сделать метлу». Теперь он выглядел более «сурово». Зина убивалась, что ляпнула такую глупость, но было поздно — образ «воина» уже не исправить.

Задача стояла простая: стрельнуть на винчик. Чтобы расположить публику, раздобыли где-то пиджак в клетку размера на три больше, сварганили из галстука бабочку, а уж кепка-хулиганка, синие шортики и коричневые чулки выше колен у него и у самого имелись. Получился эдакий внучок Остапа Бендера. Ну как такому откажешь?! Другая задача состояла в том, чтобы спровоцировать туповатых на какую-нибудь глупость: чтобы толкнули, обругали матом или еще как-то обидели «малого братишку».

Набравшись смелости, Гога выходил на «сцену». Первыми клиентками обычно были девчонки лет по двенадцать. У них он пользовался неизменным успехом. Они хихикали и шарили в карманах своих белых фартуков. Но это обычно была мелочевка. Потом следовали молодые дамы. Одни снисходительно улыбались. Другие, как и девчонки, хихикали. Третьи хохотали. Но никто не отпускал с пустыми руками. Некоторые испуганно смотрели и, ускорив шаг, могли и в милицию пойти. От таких он и сам уматывал. Мужиков на всякий случай Гога обходил стороной. Но самыми желанными клиентами были латыши. Обычно они появлялись небольшими группами. Их наглое ржание слышалось издалека. Гога сигналил своим. Эта ценная клиентура могла принести сразу на две-три бутылки, что равнялось целому дню работы. Занятие было рискованное, но Гога готов был терпеть насилие ради общего дела. Да и выбора, в общем-то, не было. Приблизившись и увидев его, хамье обычно тарасило глаза и ржало, тыча в его сторону пальцами. Начало положено! Рыбки клюнули! Тушеваться было некогда. Руки в карманах, Гога смело подходил и окидывал бакланов небрежным взглядом. Затем нагло требовал с каждого по десять копеек за право прохода. Болваны торопели настолько, что застывали с вытянутыми рожками и отвисшими челюстями, как заколдованные. Это был опасный момент! Чары обычно действовали всего несколько секунд. Гога прищурился в ожидании размашистого удара по затылку. Очухавшись, латыши переглядывались и, задыхаясь от ярости, хватали его за грудки, произнося те самые слова, пронизанные глубоким смыслом от длительных размышлений о жизни и смерти:

— Да ты че, косел! Тебе что, шит натоээло!

От физического уничтожения спасал лишь чрезмерно маленький рост и необычный, сбивающий с толку, наряд. Волна агрессии переходила в толчки, пинки и матерщину. Кепка улетала в воздух. Момент настал. На сцене появлялась «группа спасения» — местное МЧС. Расхлябанно покачиваясь, из темной подворотни вываливались «блазмовские». Они медленно, как стая акул, окружали похолодевших от страха бедолаг. Гога поднимал свою кепку, отряхивал ее и трясущимися руками напяливал обратно.

— Ну, а чо это таакое, пацаны? Вы это видели? — обращался скрипучий голос к своим корешам. — Ну, что, латышня, маленьких вам обижать не запаadlo? Да еще и матом ругаетесь. Вас что, так в школе учили? Некрасиво...

Остальные пронизывали «обездоленных», уже трясущихся, как промокшие котятка, мрачными, затуманенными портвейном взглядами.

— И че будем делать? — подхватывал другой.

— Ну, я не знаю, — следовал многозначительный ответ. — Пусть попрыгают. Послушаем, сколько у них там зазвенит. Может, и на откупные наберется.

Бежать было бесполезно. Молодцы, как зайчики, начинали дружно прыгать, зная, что от звона в карманах теперь зависит их дальнейшая судьба. Гога с презрением наблюдал за картиной. Если урожай был хорошим, давали убежать, ограничившись пинками под зад и освистанием. Если нет... То не повезло. Латыши понимали — без «по морде» не обойтись, а то и хуже, поэтому сразу вопили:

— Токо нэ с ногаами, да! Токо нэ с ногаами!

Братва потом хвалила Гогу — мол, молодец. Похлопывала по спине. Поздравляла молодого артиста. В награду давали хлебнуть из горла винчик, что он с удовольствием делал, взяв бутылку в еще трясущуюся руку. Но вскоре милиция заинтересовалась молодым артистом. Зину вызвали.

— Еще раз подобное узнаем... Собирай манатки, мамаша, и суши сухари. И для таких место найдется. Для нас никто не мал. Всем, как говорится, «добро пожаловать».

Именно такие слова Зина больше всего боялась услышать. В ушах сразу зазвенели голоса «доброжелательных» соседей:

— Нууу, по этому давно уже тюрьма плачет!

Зина была в отчаянии, не знала, что делать. Тут вдобавок случился еще один казус.

Сестрички-предательницы

О вреде курения и его пагубных последствиях Гога знал еще из прошлого печального опыта. Поэтому целый год ему даже в голову не приходило попробовать нечто подобное. И никто бы ничего не узнал, если бы его не выдали любимые «сестрички». Да-да! Те самые, со второго этажа! Между прочим, одной из них он полчаса назад сжимал груди во дворе между гаражами и даже сунул ей руку в трусики! Та только мурлыкала. А другая таращила глаза, превратившиеся в ромашки, и с интересом наблюдала. Это не помешало им тут же наябедничать на него маме, создав ему кучу проблем! О трусиках почему-то никто из них не сказал ни слова. Вот и верь после такого бабам.

«Единственное спасение — интернат! — заключила Зина. — Иначе закончит, как остальные».

Проверка на прочность

Гога не протестовал. Наоборот, даже рад был интернату. Он привык к образу жизни в детском саду. Чувствовал, как взрослеет, и гордился этим. Детство, как ему казалось, осталось в прошлом. Другое дело — быть школьником! Это звучало по-взрослому! Интернат находился недалеко от детского сада, окружение было знакомым и родным. В общем, все складывалось как нельзя лучше. Для Зины это было огромным облегчением. Ей не придется убиваться из-за чувства вины и мучиться от угрызений совести.

Гога долго и тщательно выбирал школьную форму, порядком измучив гардеробщицу, которая уже еле сдерживала раздражение, подавая ему очередной комплект. Но Гога ее не замечал. Для него это была не просто форма, а костюм темно-синего цвета, в котором он должен выглядеть как элегантный мужчина. Надев, он с гордостью осмотрел себя в зеркале. Зина с умилением воскликнула:

— Да ты выглядишь как модель из журнала эстонской моды!

Потом они сфотографировались перед входом в интернат. Зина сидит на корточках, одетая в нарядное платье, и обнимает его за талию. Он в новом «костюме» с большим букетом белых гладиолусов, с челкой и выбритой головой. Оба улыбаются.

Первое сентября было торжественным. Поздравить первоклассников приехало множество важных гостей. Даже министр. Большой спортивный зал был набит учениками, учителями, родителями и высокопоставленными гостями. Первышам отвели почетное место на полу, в первом ряду. Скрестив ноги, они сидели и внимательно слушали выступающих, держа, как щит, квадратный букварь. Прозвучало множество речей и поздравлений. Потом был фуршет. Когда все закончилось, дети попрощались с родителями, родители с учителями, учителя с важными гостями и все разъехались по домам. Кроме детей. Первоклашкам предстояло провести первую ночь без родителей и почувствовать, как стены могут дышать одиночеством.

В интернате постоянно проживало несколько сотен учеников. По обустроенности его можно было сравнить с детским садом, только он был в несколько раз больше. Учителя серьезные. Дисциплина строгая. Но свободное время дети проводили весело, насколько им позволял балтийский темперамент. Гога, как всегда, оказался «белой вороной» в глазах «истеблишмента». Он уже жалел, что не выбрал русскую школу, где дети были гораздо больше похожи на него. Но выбор сделал он сам. При всей внешней благополучности, как и все заведения закрытого типа, это тоже имело свои темные стороны. Как и в детском саду, Гогу часто выставляли за дверь лишь за то, что он мог рассмеяться громче всех в классе и рассмешить других. В глазах его дружбанов это было круто. В глазах учителей он нарушал эмоциональный фон, а значит, порядок.

Ночные наказания: Учитель латышского

Смесь кровей оказалась для Гоги палкой о двух концах. С одной стороны, провоцировала придирчивость учителей — за избыточный темперамент. С другой, обеспечивала внимание со стороны девчонок. Ничто не могло поднять настроение быстрее, заставить сердце биться радостнее, как смущенный взгляд и улыбка, брошенные в его сторону какой-нибудь красивой девчонкой. Тройка была самой стабильной оценкой. Хуже обстояли дела с поведением. Здесь господствовала двойка, что сулило немало неприятностей. За определенное количество нарушений следовали наказания. Одно из них заключалось в том, что поздно вечером провинившихся заставляли ходить по кругу гуськом, покуда те не падали от изнеможения, как дохлые мухи. Все это время «публика» подбадривала их пинками, свистом, смехом и аплодисментами. В церемонии участвовали старшекласники и некоторые дежурные учителя. Если появлялись строптивые, то после всех истязаний их ставили в угол в комнате, где все уже спали, и могли продержаться до трех-четырёх утра, покуда ноги не становились ватными... И только «чистосердечное раскаяние» открывало путь в долгожданную теплую постель. Один из таких вечеров особенно запомнился Гоге. Учитель латышского языка был фанатом Джека Лондона. На уроках он с упоением читал его повести, периодически обводя близоруким взглядом класс и оценивая произведенное впечатление. Невнимательные тут же получали линейкой по голове или сочную оплеуху. Но что больше всего сбивало детей с толку, это его привычка внезапно расплываться в широкой, как молодой месяц, улыбке. В такие моменты ученики настораживались, переглядывались и опускали головы. Гога же всегда попадался на удочку — приняв улыбку за чистую монету, он наивно отвечал учителю тем же. Сразу же следовала звонкая пощечина. Дети в страхе опускали головы еще ниже. Гоге становилось обидно до слез! Он закусывал до крови губу, крепко сжимал кулаки под партой, опустив глаза. Лицо учителя делалось багровым. Согнувшись в крюк, он быстрым шагом возвращался на место и, уткнувшись носом в книгу, продолжал читать, поправляя дрожащей рукой круглые очки в роговой оправе. В такие минуты он становился похожим на разъяренного Гиммлера. Секрет этого необычного поведения был в том, что учитель страдал от какого-то нервного тика, не позволявшего владеть своей мимикой. Почему это превращалось в улыбку, видимо, он и сам не знал, что приводило его в бешенство.

В ту ночь дежурным оказался именно он. После ряда изнурительных издевательств Гога решил, что «духовная чистка» пришла к концу. Но он ошибся. В углу пришлось простоять до трех часов ночи. Глаза слипались. Ноги подкашивались. «Джек Лондон» пришел поинтересоваться, до какой степени душа «грешника» созрела для покаяния, и завел Гогу в кабинет. В такое время суток раскаяние приходит как-то само, неизвестно откуда. По прищуренным глазам было видно, что мучитель доволен. И тут на его лице появилась та самая злосчастная улыбка, казавшаяся настолько искренней! Ну как в таком состоянии Гога мог помнить о ней?! Его лицо просветлело. Он смущенно посмотрел на учителя и расплылся в жалкой улыбке. Удар был настолько сильным, что сбил его с ног. Гога лежал на полу, скорчившись. Злость и обида стиснули грудь. Его затрясло от ярости. Он готов был наброситься на этого уroda, вцепиться зубами ему в плотку и разодрать ее! Но прежде, чем он успел очухаться, учитель вдруг вытащил из кармана яблоко, нагнулся и, прищурившись, посмотрел ему прямо в глаза.

— На! — сказал он и протянул яблоко.

Гога опешил. С подозрением смотрел на улюбодка и думал: «Что бы это могло значить теперь»? Но учитель был вполне искренен. Даже налета злости не было на его лице. Гога встал, смахнул слезу, взял яблоко и, не произнеся ни слова, вышел из кабинета. От слез яблоко стало соленым. Но он его все равно догрыз и заснул, так и не поняв, что все это значило.

Маме он ничего не сказал. Не хотел расстраивать. Да и вообще Гога никогда не был ябедой.

Прощай, интернат!

Случай, поставивший крест на интернате, произошел на поляне во время урока физкультуры. Гогиным любимым упражнением было сальто. Накануне ему приснился сон: он стоит на парашютной башне и готовится к прыжку. Внизу скопилось множество детворы и взрослых. Все, затаив дыхание, смотрят на него и ждут. Гога делает шаг вперед... Он долго летит и наконец приземляется. Некоторое время лежит неподвижно. Затем оглядывается и видит: поляна опустела и на ней никого нет.

Разбежавшись, Гога в очередной раз взлетает... Боль была настолько резкой, что выбила из него дух, в глазах потемнело. Он даже не мог крикнуть. Гога лежал на земле в позе младенца, не в силах пошевелиться. Урок подошел к концу, учительница всех построила. Посмотрев на него, скривила лицо и крикнула:

— Ну, ты еще долго будешь там придуриваться!

Не услышав ответа, она скомандовала «шагом, марш!», и дети зашагали в сторону школы. Гога с трудом приподнял голову и посмотрел по сторонам. Его удивило, что картина, открывшаяся перед глазами, была точно такой же, как во сне. Такая же поляна. И вокруг никого. Собравшись с силами, он стал ползти к футбольным воротам. Добравшись, он каким-то образом сумел встать на ноги и перевел дыхание. Затем, как раненый солдат, придерживая рукой плечо, согнувшись и шатаясь, поплелся в сторону школы. Медсестра определила:

— Перелом ключицы. Надо звонить матери.

Его «любимая» гардеробщица медицинского образования не имела. Решив придать ученику подобающий вид, задрала беспомощно висящую руку, чтобы не промахнуться и попасть в рукав пальто с первого раза. Гога побледнел и пошатнулся, но не упал. Хотя в глазах все завертелось и вновь потемнело. Когда Зина примчалась, она застала его сидящим на стуле, бледным, как полотно, с опущенной головой, зато уже одетым!

Хирург предупредила:

— Будет больно, но кость надо вправлять.

Скрестила ладони на месте перелома и резко, всем весом, надавила на ключицу. Хруст был зловещим. Гога его услышал будто издалека, побелел, но не издал ни звука. От болевого шока голос пропал. Зина сидела перед ним на коленях, крепко стиснув его ладони, с перекошенным лицом, будто сама только что испытала его боль. Хирург удивленно приподняла бровь и покачала головой:

— Мальчик очень терпеливый. Даже мужчины обычно воют.

В эту минуту было принято окончательное решение. Ее ребенок будет жить дома! С ней! И ходить в нормальную школу! Чего бы ей это не стоило!

Но те страдания меркли перед муками гипса, который был наложен на грудь и который ему предстояло носить целых шесть месяцев. Каждый день и особенно ночь он чувствовал себя как заживо погребенным в муравейнике. Советская медицина возлагала большие надежды на выносливость своих граждан. Примером служило и то, что зубы, например, сверлили без наркоза! В Союзе голливудские улыбки почти не встречались, зато золотые и железные коронки блистали повсюду. Однажды Гога упал в обморок в кабинете у школьного зубного врача, когда тот лечил ему обыкновенный кариес. Он нажимал ногой на педаль борной машины, присоединенной тросами к большому железному колесу, которое медленно вертелось, приводя сверло в действие. После этого Гога зубы уже не лечил. Он их просто вырывал в ночных клиниках. Там для этой процедуры кололи новокаин! Благо Гога наследовал здоровые зубы, а то, кто знает, сколько бы у него их осталось. Похожее случилось и с операцией на небе, где у него образовался гнойный нарыв, безумно болевший даже при легком прикосновении языком. Хирург осмотрел его и помассировал пальцем, отчего Гога взвыл и подскочил в кресле. Затем человек

в белом отломал верх ампулы и побрызгал нарыв местной анестезией. Не сказав ни слова, врач резко вонзил в нарыв острый предмет и стал вертеть им со всей силой, будто очищая налет со сковородки. От боли Гога дико заорал. В ужасе открыл глаза и постарался вскочить с кресла, но тяжелая рука хирурга хлопнула по плечу и усадила его на место. Затем «мясник» взял ножницы и стал отрезать теперь уже свисающие лохмотья кожи, забивая образовавшуюся на небе дыру тампонами. Когда Гога возвращался домой на трамвае, его трясло мелкой дрожью. Он выплевывал сгустки крови, которая все время наполняла рот. Гога не плакал, но слезы сами ручьем текли по щекам. Но и это забудется. Заживет. Молодость все забывает. Правда, бугорок и шрам на небе останутся навсегда.

Мороженое

До конца школьного года оставалось несколько месяцев. В интернате Гога уже не ночевал. Добирался туда каждый день на автобусе, на что Зина выделяла ему пятнадцать копеек. Ровно столько, сколько стоил заветный пломбир на углу, рядом с автобусной остановкой. Стоило только представить его, как рот наполнялся слюной, а голова начинала слегка кружиться. Каждый раз, садясь в автобус, Гога мечтал хоть разок прокатиться зайцем. И в прошлый раз ему это удалось! Поэтому те самые пятнадцать копеек теперь скрывались у него в кармане, как жалкие ворюшки, и он нервничал. Нервничал потому, что Зине об этом он не сказал. «Сказать или не сказать?!» — вот в чем вопрос, мучивший его перед тем, как протянуть ладонь. С мамой у него всегда были доверительные отношения. Он знал, как она тяжело работает, и переживал за нее. Но сейчас до заветной цели было рукой подать! Черт засмеялся!

— Ну?!

Прикусив губу, Гога протянул руку. Зина сунула деньги в раскрытую ладонь, которая быстро захлопнулась. Когда Зина невольно вздохнула, его передернуло от стыда. Покраснев и не сказав ни слова, Гога выскользнул из квартиры и быстрым шагом направился к остановке, дрожа от восторга и крепко сжимая «сумму» в кулаке.

Пухлая женская рука протянула жирный пломбир. Трясущаяся рука протянула пухлой пятнадцать копеек. Лизнув и откусив первый кусочек, Гога чуть не подавился. Но уже второй и третий пошли легко. Как санки по ледяной горке. Совесть куда-то исчезла, не устояв перед божественным вкусом.

— Ммммм! — сладостно протянул Гога.

«Вот это жизнь!» — прищурившись и посмотрев на серое небо, подумал он. Откусывая по кусочкам мороженое, он стал что-то напевать и даже сделал пару пируэтов на одной ноге, как это в будущем сделает Майкл Джексон. Завершив очередной виток, Гога вдруг застыл с оттопыренной ногой... И как тот самый Майкл Джексон выбросит свою шляпу, так Гога постарается выбросить мороженое, но оно само выпадет у него из рук. А произойдет все это потому, что волею судьбы в сторону остановки будет шагать мама! Зина, конечно, что-то почувствовала по его необычному поведению, но значения не придавала и собралась в магазин. Еще издали она улыбнулась и помахала ему рукой. Гога почувствовал себя так, будто попал под ливень. Зина подошла и с удивлением посмотрела на водосточную канаву, где теперь лежало сморщенное, будто обидевшееся, мороженое. Зина погладила сына по щеке и поцеловала.

— Зачем ты это сделал? — с искренним сожалением спросила она.

У Гоги затряслась нижняя губа, и, не выдержав, он заплакал. Слезы стыда и обиды покатились ручьем. Ему было безумно стыдно и одновременно ужасно обидно. Стыдно, что обманул маму. Ту, которую любил больше всех на свете. Обидно, что они живут так бедно, что не могут позволить себе даже мороженого. Как он ненавидел в эту минуту весь мир за их нищету! Зина молча вытерла его слезы и подвела к будке.

— Дайте, пожалуйста, нам два пломбира.

Гога не мог успокоиться, внутри все тряслось. Захлебываясь от слез, он с трудом одолевал сладкого искусителя, который казался уже совсем не сладким.

— В будущем, сыночек, просто скажи, — сказала чистым и тихим голосом Зина. — Ты же знаешь, я для тебя сделаю все, что смогу. Хорошо? Ты же у меня единственный и самый любимый.

Когда Гога поднялся в автобус, на душе было безумно тяжело. Он посмотрел в окно и увидел Зинины добрые глаза. Увидел, как она старается улыбаться и машет рукой. Эта картина запечатлелась навсегда. Он ехал в глубоком раздумье. После некоторого времени ему полегчало. Он понял, что у него на этом свете есть человек, который его безгранично любит и

которого он обожает. И самое главное — они вместе. Что касается Гоги, то до «святого» ему будет далеко. И грешить он станет рано и много. Мошенник или вор из него не получится. Хотя в Америке под бременем забот он будет подумывать об этом. Но не суждено будет. Вор и мошенник — это тоже судьба.

Новая школа находилась недалеко от дома. Гога чувствовал себя гораздо счастливее, потому что опять жил с мамой.

В пятом классе он «по-настоящему» влюбится и будет испытывать на прочность мамино терпение, часами описывая ей «неземные прелести» своей возлюбленной Ирэночки. Ее тонкие ножки, кожаные башмачки с аккуратно завязанными шнурками. Он расскажет маме, как стоял на широкой лестнице перед входом в школу с гордо поднятой головой, весь дрожа, с прилежно завязанным пионерским галстуком, который был ему так к лицу. Когда она проходила мимо, его сердце бешено забилося, во рту пересохло... Но он даже не посмотрел в ее сторону! Тут будет и первый поцелуй в 12 лет, после катка в темной парадной. Мокрый рот, в который он вляпается, о чем потом с брезгливостью расскажет Юрке-соседу, а мама случайно услышит. Будут и зажималки на переменах, когда они станут набрасываться на девчонок и тискать их еще незрелые груди. Те, конечно, будут ужасно пугаться, но никогда не станут жаловаться на них.

В общем, много всего будет в новой школе.

Зина и Коля расстались. «Стена», за которой она надеялась найти защиту, оказалась пьющей — со всеми вытекающими последствиями. Иногда и в присутствии Гоги. Он рос и постепенно превращался в настоящего маленького мужчину. Однажды пьяные и разнузданные латыши, дружки Юрки-соседа, обуреваемые национальными чувствами, решили избить «русскую» Зину — как раз в тот момент, когда Гога вернулся из школы и открыл входную дверь. Увидев происходящее, он с такой яростью и ненавистью обматерил свору на их же родном, что те оторопели и сильно протрезвели. Затем хором заржали:

— Ты хот гаалстук сними, перед тэм как матэритса, пионэр!

Но результат был достигнут. Шваль, толкаясь и пошатываясь, вернулась в комнату, где продолжила распевать свои национальные песни и еще больше напиваться теплым и вонючим пивом. Юрка клялся, что никогда не женится на русской. Через несколько лет он вернется из армии с железными зубами и женой-сибирячкой, с выразительными ямочками на щеках.

Стрижка

Гога все чаще ошивался с блазмовскими. Возобновил дружбу со своим корешем Алдысом. Познакомился с новым дружкой по имени Бабулс. Бабулс примечателен тем, что как-то уговорил Гогу прыгнуть в бетонную яму на пятки и посмотреть, что из этого получится. Получилось искривление позвоночника. Восстанавливать его придется всю жизнь. Зато через постоянные упражнения, которые Гога будет вынужден делать, у него выработается терпение и самодисциплина. (Видимо, Господь не нашел другого способа научить его важнейшим вещам в жизни.)

«Длительное употребление винчика палит мозговые клетки. Особенно, если их изначально кот заплакал», — к такому выводу пришел Гога после одного необычного случая.

По дороге в школу он встретил одного из «молодых» блазмовских. Тот потратил немало усилий, чтобы уговорить его в очередной раз сачкануть от школы. Подумав, Гога согласился. «А че нет? Что-нибудь придумаю. Отмажусь». Он и еще несколько оболтусов расселись на куче бревен во дворе и стали курить. Вдруг пацан куда-то исчез. Прошло минут двадцать. Внезапно он появился с искаженной от страха рожей и сообщил «пренеприятное известие»:

— Твоя мамаша прется сюда!

Гога в ужасе вскочил.

— Где?!

Пацан указал направление. Гога ринулся в обратную сторону. Он знал — если Зина застукнет, то в этот раз ему хана! Вся мощь родины-матери обрушится на него. Пробежав метров двадцать, он магическим образом оказался в теплых объятиях Зины. Как она узнала, что он сачкует, оставалось для Гоги загадкой похлеще Тунгусского метеорита! Понятно было одно: без тяжелых последствий не обойтись.

«Здравствуй, сыночек», — послышался «нежный» голос матери, сопровождаемый сверкающими как молния взглядами, говорящими — «тебе пиздец». Затем последовало предложение направиться домой, побеседовать и обсудить ситуацию. Гога знал, что в данном случае это будет значить. Предметом беседы станет толстый, средней ширины военный ремень из чистой кожи с пряжкой на конце. Поэтому от предложения «побеседовать и обсудить ситуацию» он вежливо отказался, помотав головой:

— Не... Не пойду.

Зиночкина нижняя челюсть слегка затряслась и выдвинулась вперед. Растопырив свои крепкие пальчики, она запустила их в Гогину густую шевелюру и стиснула так крепко, наклонив набок голову, что встал вопрос, останется ли голова на том же месте, куда ее определила природа. Холка у Гоги похолодела, а пушок на ней встал дыбом.

— Пойдешь... Ой, как пойдешь! — прошептала Зина, и Гоге показалось, что она не прошептала, а прошипела, как ядовитая змея.

Гога понял глубину и правоту материнских слов.

— Хорошо... хорошо! — воскликнул он, сморщившись от боли. — Только волосы отпусти!

Когда они подошли к углу, где находилась парикмахерская, Зина предложила сыну зайти. «Действительно, давно уже не стригся», — подумал он и с легким сердцем вошел в парикмахерскую.

Парикмахер встретил их радушно, усадил Гогу в кресло и посмотрел в зеркало.

— Ух, какая шевелюрища! Давненько такой не видал. Дааа, пора! Как всегда, Зиновия Андреевна? — бодро обратился он к Зине.

— Наголо, — ответила Зина голосом, вселяющим ужас.

Парикмахер растерялся и вопросительно посмотрел на нее.

— Вы меня слышали... — низким голосом повторила Зина. — На-го-ло.

Гога попытался было встать... Но свинцовые руки Зины опустились ему на плечи, как две кувалды, усадив сына обратно. Гога понял, что пришел кирдык! Кровь хлынула к голове и стала пульсировать в висках.

— Зиновия Андреевна... — жалостно протянул укротитель волос, — Может, под ежика, а? — И посмотрел на Зину молящим взглядом. — Парень ведь красавец...

— Наголо, — повторила Зина, и еще теплящаяся надежда сдохла.

Гога с ужасом наблюдал, как его густые локоны, один за другим, падают ему на колени. Парикмахер молча проделывал свою черную работу, периодически поглядывая на Зину в надежде, что еще можно остановиться. Но по ее лицу и приподнятой брови было понятно, что надежды нет. Когда все было кончено, Гога себя не узнал. Он даже не догадывался, что у него такой уродливый (как ему показалось) череп. Он выглядел ужасно! Теперь единственная мысль трепыхалась в голове: как он в таком виде появится в школе?! А главное, как на него теперь будут смотреть девчонки! «Нееее... Таким в школу не пойду! Буду бежать!» Зина, видимо, уловила его душевный порыв и дома заперла в комнате на ключ. Посмотрев в зеркало, Гога еще раз убедился, что урон, нанесенный внешности, непоправим! Единственный выход теперь — исчезновение! Через окно! Простыни... Он их свяжет, сделает веревку и спустится по ним вниз. А там уже — прощай, родной дом и родные края! Смастерив «трос свободы», Гога выпустил один конец через окно и увидел, что до земли еще метра три. «Высоковато, — проглотив ком в горле, подумал он. — Также непонятно, выдержит ли «трос» вообще». Привязав другой конец к радиатору, Гога влез на подоконник, подергал простыни и стал делать первый шаг по стене. Подобное он проделал лишь раз в жизни, когда его крестили. Но там и высота была другая, и борода попа выдержала. А здесь непонятно. Народ на улице начал скапливаться и с интересом наблюдать за молодым альпинистом. «Еще немного, и они вызовут милицию. И тогда точно хана!» Что-то подсказывало — план не совсем удачный. Гога еще раз посмотрел вниз. В глазах зарябило, холодок пробежал по спине. «Нет... Надо обратно!» Он сделал шаг назад, на подоконник, и спрыгнул на пол. Затащил простыни, скрутил их в комок и бросил на пол. Сел на кровать, обхватил голову руками и окончательно сник. Когда Зина вечером вернулась домой и увидела эту жалкую картину, ей стало его жалко. Ремня не последовало.

Позже выяснилось, что настучал на него тот самый отморозок, который и подбил на всю эту авантюру. Он прибежал, запыхавшись, к Зине, сообщил, что Гога прогуливает школу, и не забыл указать его местонахождение. Гога так и не понял, в чем была фишка этого дебила. Пацаны тоже не поняли. Недоумок потерял еще несколько мозговых клеток и пару зубов, таких же, видимо, прогневших, как и его душонка.

Что Гога ценил в латышах, так это их сдержанность и умение себя вести. Когда он появился в школе, никто и виду не подал, что заметили его новый, сильно изменившийся образ. И только зайдя в туалет, они ржали, как кони, падая со смеху. Девчонки смотрели с сочувствием на его «осиротевшую голову». Было видно, что им его жалко. Это, в свою очередь, давало тот луч надежды, который не позволял скиснуть окончательно. Но стыд и позор все равно сжигали изнутри.

Язык мой — враг мой

Зина видела — с Гогой творится неладное, но что с этим делать, не знала. В отчаянии она даже пошла к главарю блазмовских домой и чуть ли не на коленях умоляла оставить сына в покое. Молилась. Просила Бога, чтобы тот помог вызволить ее кровиночку из «цепких когтей» местного криминала. Видимо, наверху Зину услышали. Именно в тот день, когда Гога чудом не прогулял школу, там появилась группа людей — ассистенты и ассистентки, а также режиссер Рижской киностудии. Они снимали художественный фильм, в котором для разрешения какой-то психологической драмы потребовались школьники. Роли были несложные, поэтому студия решила дать шанс молодым. Лишь бы умели плавать и не утонули где-нибудь случайно. Гога как раз плавать умел! И — о чудо! — свершилось! Он получил «главную роль» среди пятнадцати мальчишек, купающихся в озере! Он больше всех должен был плескаться и чаще всех выбегать на берег! Видимо, ему предстояло продолжить славную актерскую традицию и нести нелегкое бремя предков по маминой линии. Кто знает. Зина не могла нарадоваться. Ее сын, наконец-то, получил шанс в жизни!

Вечером на берегу озера, перед костром, Гога не на шутку вжился в роль и в присутствии будущих звезд латвийского кинематографа, сидевших с разинутыми ртами, с большим чувством продекламировал глыбу русской поэзии. (Может быть, выбор стиха был не совсем удачным. Но кто он такой, чтобы судить гения?) Подняв руку и взор к звездному небу, Гога страстно произнес роковые строки:

«На небе две звезды,
А на балконе три п...»

(А. С. Пушкин)

Дети не верили, что глыба могла так материться. Гога убеждал в обратном.

Вещи пришлось собирать быстро, так как уазик, на котором его отправляли домой, выезжал в четыре часа утра. Доставив к парадной родного дома, его бесцеремонно выбросили, как мешок с просроченными консервами. Так головокружительная кинематографическая карьера молодого Гоги, едва начавшись, трагически оборвалась. Мама не могла поверить! Ведь она уже всем рассказала (а некоторым — назло!) о восходящей звезде. А тут такое! Видимо, наверху погорячились. Его пора еще не пришла. Удар был настолько тяжелым, что Гога не мог опраться. Мама так перепугалась, что даже повела его к врачу. Но вердикт был успокаивающим:

— Детская депрессия. Пару недель таблеток, и мальчик поправится.

Для недоброжелателей, особенно для некоторых соседей, это была победа! Гоге было ужасно стыдно. И обидно за маму. Ведь она возлагала на него такие надежды. Удача лишь поиграла с ним и вновь куда-то исчезла. Не зря он о ней думал, как о «гулящей».

Побег в Швецию

С Алдысом Гога продолжал дружить тайком. Решение было банальным — в очередной раз прогулять школу и пойти в кино. Там, в темноте, можно отвлечься от тяжких мыслей ранней юности. Фильм назывался «Незванные гости».

Сюжет: как доблестный КГБ раскрыл группу иностранных диверсантов и, конечно же, обезвредил их. Но что совершенно потрясло Гогу, так это музыка! Он ничего подобного не слышал! Гога был просто околдован этими божественными (как ему казалось) звуками.

Годы спустя Гога пересмотрит этот фильм и послушает музыку. Он не сможет понять, что же его так потрясло.

Но тогда он был в восторге! Эти звуки переселили его на какую-то другую планету! Планету, частью которой ему безумно захотелось стать. Что-то очень важное проснулось внутри. Он будто увидел дорогу в будущее и уже знал, что обязательно пойдет по ней. Туда, где живет эта музыка. Где живут эти красивые люди. И ничто его не остановит! Семя, посеянное отцом и дремлющее внутри, дало первый росток. «Но где это место?! Где эта планета?!» — напряженно думал Гога, как во сне.

Он посмотрел на Алдыса.

— А где играют такую музыку? — спросил Гога.

Удивительно, но у Алдыса был ответ:

— В Швеции!

Почему Алдысу он так легко дался? Потому, что одна из его бабок жила там, убежав от русских во время войны. Ответ Гоге показался логичным. Теперь оставалось выяснить, где находится Швеция. Так как у обоих по географии была двойка, это усложняло задачу. Но и тут у Алдыса был ответ. Оказывается, Швеция находится недалеко от деревни, где живет другая его бабка (та, которая не успела убежать). И куда вечером с вокзала отправляется поезд. Он это хорошо запомнил, так как не раз проводил у нее лето. Логика с Алдысом в тот день творила чудеса! План зрел по минутам. Оба знали — их «променад» вскоре откроется. Что последует за этим, им тоже было известно. Гога предложил бежать! Алдыс всегда был преданным товарищем и тут же согласился. Первой остановкой будет бабка в деревне. Там они продумают все последующие действия и тщательно изучат местность. Ведь главное — не сбиться с пути!

Был день. Родители еще не вернулись с работы. Решили, не переодеваясь, прямо в школьных формах отправиться в путь. Встал вопрос денег. Но и эту проблему Алдыс решил, украв у родителей деньги из шкафа. Гога не мог поверить, что его мечта, только зародившись, на глазах претворяется в жизнь! Вечера дождались на вокзале. Спрятавшись в тамбуре поезда, они закурили. Когда поезд тронулся, сердце у обоих быстро забилося, но ночной ветерок развеял волнение. Воздух свободы становился все холоднее. Был ранний сентябрь, поэтому совсем околеть не успели. Хотя было близко. Путешествовали с остановками часов пять. Прибыв утром на станцию, сонные и усталые, проголодавшиеся как черти, они поплелись в сторону бабкиного дома.

Бабуля жила одна. Увидев на пороге «цыгана» в пионерском галстуке, она перепугалась и стала размахивать руками, крича на своем родном. В переводе на русский это означало, чтобы он поскорее убирался, а то она вызовет милицию. И только когда надела свои толстые очки и распознала стоящего рядом с «цыганом» любимого внука, тут уже радости не было предела. Алдыс представил Гогу как полагается — мол, нет на свете ближе друга. Что, конечно, успокоило бабку. Она даже извинилась, что назвала Гогу цыганом. Гога обиду не держал. Ему не привыкать. Даже замдиректора школы как-то назвала его «выпавшим из цыганской повозки», за что даже не получила выговор, когда Зина пожаловалась на нее. Во время жадного поглощения вареного черного горошка с мелкими кусочками поджаренного сала (изысканное латышское

блюдо) они рассказали бабуле о причине столь ранних каникул, которые, оказывается, вовсе и не каникулы, а школьное задание по ботанике.

— Да, да, — уверял Алдыс. — Ботаника сейчас — наша страсть!

Это еще больше успокоило бабушку. Они знали, что она их поймет и простит, когда они отправятся туда, откуда уже никогда не вернуться. Туда, куда бабуля в свое время волею судьбы не успела убежать. На следующий день утром моросил мерзкий дождик. Небо заволкло серыми тучами. Казалось, природа Советской Латвии с грустью прощалась со своими молодыми героями. Алдыс знал наверняка — дорога в Швецию лежит через ближайший лес. Пока бабуля спала, они тихо собрались, захватили буханку хлеба и шмот копченой колбасы, лежавший на полке, и отправились в путь, еще раз мысленно поблагодарив старушку. Но, видимо, мать-природа никак не могла расстаться со своими птенцами. Не хотела выпускать из объятий! Пройдя несколько сотен метров, Гога поскользнулся и грохнулся в первый попавшийся глинистый овраг. Алдыс, конечно, тут же бросился вытаскивать товарища и закончил там же. Теперь они выглядели не совсем пристойно, и предстать в таком виде перед Его Величеством Королем Швеции не могли. Надо было срочно возвращаться, пока бабушка не проснулась, и быстро продумать новый план, не вызвав подозрений. Благо от колбасы еще не успели откусить. Сполоснув, они вернули ее обратно на полку. Когда бабка проснулась, герои объяснили, что первый поход на природу получился не совсем удачным, свалив все на мерзкий дождик. Глина отмывалась тяжело. Но старушка оказалась настойчивой. Закончив со стиркой, она развесила одежду на веревке, перегородив всю комнату. Алдыс и Гога грелись у печки, но Гогу постепенно стало знобить. Температура поднялась до сорока.

Он не помнил, как оказался дома. Помнил только, как перед глазами мелькали силуэты в милицейской форме. Мама не ругала. Ее откачивала скорая. Она была счастлива просто увидеть свою кровиночку живой. Лежа под капельницей, Зина почему-то вспомнила, как Гога пропал, когда ему было три годика. Тогда на ноги подняли милицию и весь дом. Зина представляла самое ужасное. Одна из соседок, сидя за столом, успокаивала ее и случайно приподняла край скатерти, доходившей до пола. Съездившись, Гога сладко спал под столом.

Битва с шестеркой

От блазмовских Гога нахватался разных манер. В школе его уже побаивались. Он очерствел, осмелел и, главное, значительно обнаглел. Гога иногда навещал своего дружка в соседнем районе, где также орудовала местная шпана. Так это было и в этот слякотный, пасмурный день. Насупившись, руки в карманах, он ловко перескакивал через лужи и оглядывался по сторонам в надежде добраться до цели невредимым. Навстречу из-за угла выкатился крендель лет шести с до боли знакомым текстом:

— Десять копеек не найдется?

Гога знал этот текст наизусть, так как сам его когда-то лепил. Ухмыльнувшись, он отмерил пупса с ног до головы и сморщился. Затем сделал шаг вперед. Но гнойничок оказался назойливым и преградил путь.

— Ну, или сигаретку подкинь.

«Тааак», — подумал Гога. Оглянувшись еще раз и не увидев никого, он нагнулся и шепнул пупсу на ухо несколько слов, от которых тот сразу разревелся.

— Ну-ну, не расстраивайся мужик, — похлопав пупса по плечу, по-отцовски сказал Гога и собрался идти дальше.

«Но откуда взялся этот салага?» — мелькнуло в голове. Как только он это подумал, из подворотни появилась «братва». «Ну, дааа... Как же без этого?» — тяжело вздохнул Гога. Подойдя вразвалочку, шантрапа лениво отмерила его с ног до головы и начала было с первого акта... Но Гога остановил. Он знал, что без «падающих» здесь не обойдется. Поэтому, набравшись смелости и глубоко вздохнув, он вышел с предложением. Их было шестеро.

— Послушайте, пацаны... — со знанием дела начал Гога. — Мне все понятно. Но у меня есть предложение.

Болваны ухмыльнулись и переглянулись. Гога продолжил:

— Давайте договоримся так. Вы выстраиваетесь рядком, один за другим, и сколько есть сил каждый бьет меня в челюсть. Если падаю, ваша взяла. Если нет, я пошел дальше. Подходит?

Оболтусы оживились и заулыбались. Такого предложения за свою «творческую деятельность» они еще не получали. На секунду растерялись, отмерили Гогу недоверчивым взглядом.

— Что, не подходит? По-моему, это по-честному.

— По чесноку, тюлень! — придвинув наглую рожу к его лицу, «отредактировал» один из недорослей.

Пацанчики расплылись в улыбках.

— Ну, давай... — ехидно протянул самый крупный. Все стали выстраиваться в очередь, натягивая тонкие кожаные перчатки. Некоторые подергивали плечами, как боксеры перед боем. Процедуру описывать не стоит. Каким-то необъяснимым образом Гога остался на ногах, к большому своему удивлению и еще большему изумлению «братвы». Выплевывая кровь и вытирая рукавом рот, он посмотрел исподлобья.

— Ну, что? Теперь могу идти?

От такой невозмутимости молодые бараны обомлели. В их глазах он вдруг вырос до размеров самого Тарзана! Такой экземпляр не хотелось отпускать.

— А ты откуда такой?! — уже с неким восхищением поинтересовался самый крупный. — С какого района?

— Да, чьим будешь? — спросил другой.

— Может, чем-то помочь надо? — добавил третий и стал объяснять, что они здесь главные и держат все в своих руках.

Затем парни стали уговаривать его провести еще один бой. Но уже по чесноку — только с одним из них. С самым здоровым. «Что делать? — уныло подумал Гога. — Не падать же

теперь лицом в грязь». Пришлось валяться в луже, вставать, падать, снова вставать и продолжать все это до тех пор, покуда ни один из них уже ничего не видел и не соображал. Под конец оба еле держались на ногах. Каждый выплевывал кровь. Кто победил, было неясно. Решили признать ничью. Таким образом, Гога приобрел кучу новых дружбанов, проход по их территории для него теперь всегда был открыт. Зина была в отчаянии. Она не знала, что делать со своим шалопаем.

По молодости лицо пришло в узнаваемое состояние довольно быстро. Чего нельзя сказать о следующем инциденте.

О премудростях «Искусства войны» Гога тогда еще не слышал. Часто ввязывался в драки. Он пока не знал, что «самый искусный воин — тот, кто побеждает, даже не вступая в бой» и что «во время снежной лавины на склоне горы выстоит не самое крепкое, но самое гибкое дерево». Все это ему предстоит узнать в будущем. А сейчас он славился не только как красавчик, но красавчик с крепкими кулаками, что приносило ему еще большую популярность среди слабого пола. Он не терпел пререканий даже от старшеклассников, которые были явно крупнее и сильнее его. Репутация творила чудеса. Те часто тушевались под его напором, сосредоточенным взглядом и стиснутыми кулаками. Хотя уголок переднего зуба ему все-таки отбили — один старшеклассник врезал по роже, после того как Гога нагло наехал на него.

Игра в бадминтон запомнится навсегда. Его партнером был старшеклассник. Решающий удар Гога взял, но тот почему-то не согласился, завязался спор, перешедший в толкания, пинки и юношеский мат, покуда Гога не загнал соперника в угол. Тому уже некуда было отступить, он забрался на спортивную скамейку и прижался к стене. Тут бы Гоге остановиться, увидев животный страх в его глазах... Но Гога не остановился. Парню ничего не оставалось, как, налегая всем весом, залепить Гоге кулаком прямо в переносицу, сломав ему нос. Завязалась кровавая драка, которую едва разняли. Гогу было не узнать — весь в крови, в разодранной рубашке и с распухшим лицом. Побледневший, как полотно, соперник стоял рядом и трясся. Так Гога познакомился еще с одной мудростью: «Не загоняй противника в угол».

Его не узнала даже Оля, аппетитная тридцатипятилетняя соседка с манящей, развязной улыбкой и слегка опухшим от алкоголя лицом. Она жила в соседней комнате. Видимо, ее сердце не переставало болеть за Гогу, глядя на его страдания. Как оказалось, сердце болело долго. Поэтому, когда Гоге исполнилось пятнадцать, она отдалась ему, чем страшно возмутила Зину. Но Оля лишь рассмеялась. И чтобы уж совсем не расстраивать подругу, похвалила сына.

Сахар

У Гоги появился дружок, «смышленный парнишка», который часто навещал его. Первое фиаско с мороженым давно стерлось из юношеской памяти. Мама попросила ребят сбежать в магазин за хлебом и сахаром, пока она готовит обед. Магазин был битком набитый. Хлеб лежал на полках, а сахар выдавали прямо на кассе. Когда очередь дошла до Гоги, он протянул купюру. Кассир сунула пакет сахара ему в сумку, но, не найдя сдачи, попросила сбежать и разменять деньги у ее коллеги. Когда он вернулся, та в суете сунула ему еще один пакет. Гога хотел было ей сказать, но смышленьиш дернул его за рукав и потащил из магазина, прошипев:

— Ты что, дурак! Посмотри, сколько народу! Думаешь, она запомнит? А мамаше своей сделаешь приятное!

Зина действительно была приятно удивлена, даже тронута после истории, которую они так складно рассказали, откуда появились деньги на лишний килограмм сахара. Оказывается, у смышленьиша давно завалилось немножко денег, и в знак благодарности за заботу Зиновии Андреевны и вкусный обед он решил пожертвовать ими.

Кассир, конечно, потом вспомнила, так как за недостачу отвечала своим карманом. Зина от стыда чуть не провалилась сквозь землю. По улице она вела Гогу за ухо. В руках он нес злосчастный пакет, как свадебный подарок, который теперь, казалось, весил сто пудов. В магазине извинение должно было быть публичным — Зина настояла. Кассир смутилась, занервничала и стала оправдывать Гогу:

— Ну, что вы, Зиновия Андреевна! Я сама виновата! Столько народу было! Вот я и забыла. И он наверняка забыл! Ведь он у вас такой хороший мальчик!

Конечно, попытка оправдать воришку-малолетку — вещь благородная. Гога это ценил и в душе был безгранично благодарен женщине. Но здесь был народный суд! И главной судьей была Зина! Так что рассчитывать на милость не приходилось. Гога вынужден был гласно извиниться перед всеми. Затем подойти к женщине-кассиру и извиниться отдельно. Отдать сахар и получить при всем честном народе сочный подзатыльник.

Этот случай не прошел даром. «Не укради» в Гогином сознании принимало все более четкие очертания.

Глава 4. Новогодняя зарплата

Солист

После института Гога станет солистом Государственного эстрадного оркестра Грузии «Рэро». Когда он будет выступать в «Октябрьском» зале, Рахлин, руководитель Ленинградского Мюзик-Холла, четыре раза придет на его концерты, чтобы быть свидетелем, как публика рукоплещет Гоге. А затем предложит стать солистом его коллектива. Гога превратится в молодую и перспективную звезду советской эстрады, будет пользоваться огромным успехом и уважением.

В новом коллективе с ним работали пятеро братьев-танцовщиков из Дагестана. Они радовали публику лезгинкой, наполненной невероятной энергией. Номер всегда проходил на ура. 31 декабря коллектив получил новогоднюю зарплату. После дневного концерта братья пригласили Гогу в гости. Поздравить друг друга с наступающим и выпить по рюмке коньяка. Через полчаса Гога вернулся к себе в комнату отдохнуть, чтобы вечером пойти на новогоднюю вечеринку. Через несколько часов раздался стук в дверь.

Это был Бойгар, старший из братьев. Он отличался уравновешенным и спокойным нравом. В его речи чувствовалась вековая мудрость Востока. Войдя, Бойгар улыбнулся и извинился, что побеспокоил. Затем пристально посмотрел на Гогу и сел рядом на диван. Обняв Гогу за плечи, нарочито вежливо и по-дружески сказал:

— Гога, ты же знаешь, как мы все тебя любим, ценим и уважаем. Весь коллектив!

Гога усмехнулся.

— Спасибо.

Сделав паузу, Бойгар продолжил в той же манере:

— Поэтому... давай не будем делать из этого шума. Это же никому не надо... Ты просто верни что взял, и мы забудем. Как будто ничего не было. Отпразднуем Новый год, как полагаются, и останемся друзьями.

Гога с недоумением посмотрел на него.

— Поверь мне, — с пониманием продолжил Бойгар, — со всяким может случиться. По себе знаю. И в этом нет ничего страшного! Но без зарплаты, сам понимаешь... мы никак не можем. Ты же знаешь, какая у нас большая семья, и мы ей помогаем. У нас там их... ой, сколько! Пойми!

Бойгар остановился и уставился Гоге прямо в глаза. Гога почувствовал, что почему-то покраснел. Какое-то черное, нехорошее чувство стало обволакивать сердце. Он начал холодеть. Гога медленно снял руку Бойгара со своего плеча и тихо спросил:

— Бойгар... можешь теперь перевести мне это на русский язык? О чем ты?

Бойгар разочарованно вздохнул и покачал головой.

— Ну, вот зачем ты так? Я же к тебе по-дружески... Просто отдай деньги и забудем! Честное слово!

Гога окаменел.

— Какие деньги, Бойгар? — низким голосом сказал он, еле выговаривая слова. — Можешь объяснить, о чем ты? О каких деньгах ты говоришь?

Гога, видимо, сказал это с таким искренним недоумением, что Бойгар принялся объяснять.

— Хорошо, — вздохнул он. — Пусть будет по-твоему. После того, как получили зарплату, мы все пошли к нам. Правильно?

— Да.

— И ты был единственным человеком, который заходил к нам. Теперь понимаешь? Когда ты ушел, деньги пропали.

Гога залился краской. Тело стало гореть. У него не было никаких аргументов против таких обвинений. Он сидел как в тумане. Затем вдруг на него нахлынуло абсолютное спокойствие. Сиплым голосом Гога сказал:

— Послушай, Бойгар... Я не буду вдаваться в подробности о себе... Но могу тебе поклясться... Я ваших денег не брал. И каким образом они пропали, понятия не имею. Поэтому... теперь иди и делай что хочешь. И спасибо за новогодний подарок. Думаю, этот Новый год я не забуду никогда.

С этими словами Гога встал, подошел к двери, открыл ее и указал Бойгару на выход. Он, видимо, был настолько бледен, что Бойгар, больше не сказав ни слова, ушел. Гога чувствовал себя как человек, который вдруг тяжело разболелся. Его будто избили. Почему-то вспомнил и сахар, и мороженое. Он безнадежно мотал опущенной головой, проходясь руками по своей густой шевелюре. Отныне на него будут смотреть как на самого обыкновенного воришку. И эта мысль просто убивала его. Так он просидел примерно час, почти не двигаясь. Затем встал, развязал галстук, бросил на диван и начал снимать костюм, с трудом владея руками, которые будто задеревенели. Раздался стук в дверь. Гога сморщился. Открывать совершенно не хотелось. Но, подумав секунду, подошел к двери и открыл. На пороге стоял Бойгар. Он выглядел смущенным и растерянным. Мотая головой, Бойгар запричитал.

— Гога! Гога! Гога!..

— Ну, что еще?

— Прости меня! Прости! Я не знаю, как перед тобой извиниться! У меня просто нет слов! Ну, хочешь я встану на колени?! — в отчаянии выкрикнул Бойгар.

Лицо у Гоги перекопилось. Он отвернулся и пошел вглубь комнаты. Бойгар быстро закрыл за собой дверь и последовал за ним.

— Я должен тебе все объяснить! Деньги украл Саркис (младший брат). Мы это сейчас выяснили! — воскликнул Бойгар. — Прошу тебя, умоляю! От имени всех нас прости!

Гога был опустошен и слушал с полным безразличием. Оказывается, когда Бойгар вернулся к себе, у него закралось сомнение. Братья бурно спорили и обсуждали случившееся. Саркис в это время лежал на кровати и спал. Никакой шум не мог его разбудить, что показалось Бойгару странным. И вдруг его осенило! Схватив брата за грудки, он потребовал объяснение. Мол, как так, они здесь орут во всю глотку, а он спит как убитый?! Саркис понял, что пойман, и во всем признался. Деньги сразу нашлись.

Некоторые тягостные события, даже при благополучном исходе, оставляют на душе свой серый след. Иногда требуются годы, чтобы этот след исчез полностью.

Извинение Бойгара

Прошло семнадцать лет. Стоял 1989 год.

Гога привез легендарную баскетбольную команду «Гарлемские Глобтроттеры» в Союз. Гогино имя пестрело на всех афишах. Очередное представление было в «Октябрьском» — тогда еще в Ленинграде, где Гога неоднократно выступал. К нему подошла ассистентка и сообщила:

— Вас спрашивает какой-то человек. Говорит, бывший коллега и давний знакомый.

У служебного входа стоял человек. Присмотревшись, Гога узнал Бойгара, и картинки прошлого невольно всплыли в голове. «Как знакомое лицо может все оживить в памяти», — подумал Гога и улыбнулся. Конечно, он был рад видеть Бойгара, напомнившего ему такие далекие и счастливые времена.

— Не могу поверить... — рассмеялся Гога. — Сколько лет, сколько зим?!

Они обнялись и теперь стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать дальше. Неловкое молчание нарушил Бойгар:

— Ну, как ты, старик?! Выглядишь прекрасно!

— Спасибо! Ты тоже не изменился. Разве что вижу пару седых волос. Но куда от них денешься? У меня тоже... Видишь?

— Дааа... Знаешь, как получилось?! — бодро заявил Бойгар. — Увидел афишу. Читаю: Джордж Пусеп, «Гарлемские Глобтроттеры»... Ну, думаю, не может быть такое совпадение. Двух Пусепов же не бывает. Знали, конечно, что ты в Америке. Вот думали и гадали, решили проверить — ты ли. Надеюсь, не побеспокоил?

— Да нет! Что ты... — отмахнулся Гога.

Разговор все равно не клеился. Видя, что уже нечего сказать, Бойгар вдруг предложил:

— Послушай... Давай поужинаем у меня! Поговорим. Вспомним былые времена. Нам же есть что вспомнить! Конечно, если у тебя найдется время. Можем в среду.

В порыве нахлынувших чувств Гога радостно ответил:

— Конечно! Буду рад!

— Вот и отлично! — воскликнул Бойгар и улыбнулся еще шире.

Помявшись и как бы извиняясь, Гога добавил:

— Но сейчас, прости, старик... Должен бежать! Работы невпроворот. Значит, в среду?

— В среду!

— Договорились! Все! Увидимся! Побежал! — выкрикнул Гога и скрылся в здании.

После представления Гога выходил через служебный вход. От усталости он едва стоял на ногах. Чернокожие спортсмены, один за другим, лениво загружались в автобусы. Вдруг он увидел Бойгара, стоящего около черной «Волги» с каким-то человеком.

— Ооох! Совершенно забыл! Сегодня же среда! — съезжившись и тяжело вздохнув, прошептал под нос Гога. — Но все равно... Сегодня просто не могу! Нет сил.

Он помахал Бойгару, подошел и обнял.

— Привет, старик. Совсем забыл... Сегодня же среда?

— Ну, да!

Помявшись, Гога спросил:

— Послушай, Бойгар... а скажи... Вот этот наш ужин... Его можно перенести на другой день? Ну, на завтра, например... Или послезавтра? Не обидишься? А то я буквально валюсь с ног!

Бойгар на мгновение растерялся. Но тут же собрался, пожал плечами и в своей обычной вежливой манере ответил:

— Как скажешь... Понимаю... Понимаю...

Человек, стоящий рядом, видимо, водитель, услышав эти слова, почему-то очень удивился и бросил недоумевающий взгляд на Бойгара.

То был 1989 год. Полки магазинов были пусты. Найти что-либо, чтобы поставить на стол, было целым подвигом.

— Спасибо, старик! Еще раз прости! Действительно, еле стою на ногах! Как насчет завтра?

— Ну, можно и завтра... — ответил Бойгар, стараясь улыбаться.

— Еще раз спасибо! Ну, все, пошел. Значит, завтра в это же время, хорошо?!

Бойгар лишь кивнул и молча помахал рукой. Идя к автобусу, Гога подумал: «Так лучше. Завтра сам позвоню ему и поведу их всех в ресторан. Зачем им тратиться? Да и мне легче». Поднявшись на ступеньку автобуса, он повернулся и еще раз посмотрел на Бойгара. Тот стоял на том же месте и, поймав Гогин взгляд, вновь помахал ему рукой. И тут внутри что-то екнуло. «Нехорошо, Георгий Борисович! Вы же договорились. И ты обещал. И за язык тебя никто не тянул. Некрасиво!»

— Эй, Бойгар! Подожди! — крикнул Гога. Соскочил со ступеньки и подбежал к машине.

— Прости, старина! Не сообразил! Устал ужасно! Голова просто не работает! Все идет кругом. Так куда едем?!

Бойгар и водитель засветились от радости и переглянулись.

— Ко мне! Как договаривались! Садись, Джордж! А ты знаешь, тебе идет это имя! Джордж! Такой иностранец! Ха-ха-ха!

— Супер! — воскликнул Гога. Плюхнулся на заднее сиденье, откинул голову и закрыл глаза. На душе стало легко. Вздохнув, он подумал: «Отлично! Посидим! Перекусим в домашней обстановке! Когда еще такое будет? Вспомним под рюмочку прошлое... И от этих трехметровых горилл отдохну! А то в няньку превратился! Совсем задолбали! То одному в туалет, видите ли, надо, останови автобус посреди города... А другого укачало. То кровати в гостинице недостаточно длинные. А где прикажете взять такие кровати?! А тот красавец крысу в гостинице увидел и истерику устроил. Достали!»

Подъехали к дому. Во дворе стояла небольшая группа людей. Увидев приехавших, они почему-то притихли, почтительно поздоровались и расступились. На лестнице также стояли несколько человек. Коридор в квартире был полон людей. «Интересно... — подумал Гога. — Откуда столько народу?! Может, у кого-нибудь день рождения? А я без подарка, вот лажа! Потом скажут: «Американец хуев! Приехал без подарка!» И Бойгар хорош! Ничего не сказал!» Протискиваясь через коридор, Гога тихо спросил у Бойгара:

— А что, здесь праздник какой-то?!

Ничего не ответив, Бойгар завел Гогу в комнату. Когда они появились, пробежал ропот. Там, за столом, который ломился от яств, как на правительственном банкете, сидели люди. «Опа!» — удивился Гога. Все с любопытством смотрели на него. Тот стал вглядываться в лица. «Вот же Володя! А это Сашка Сластин!» Расплывшись в улыбке, он радостно помахал им.

— Привет, Сашка! Володя!.. — воскликнул Гога, повернулся к Бойгару и шепнул:

— А Сашка-то откуда здесь?!

Бойгар засуетился.

— Когда я сказал, что ты здесь, многие захотели повидаться. Ну, вот видишь... Сколько смогли, столько и вместили.

— Так это что? — смутившись, спросил Гога. — Тот самый ужин?!

— Ну да... — ответил Бойгар и слегка покраснел.

— Ты что, шутишь?!

— Да нет.

«О Боже! А я чуть не отказался. Вот бы были дела!»

В течение вечера много говорили, смеялись и вспоминали. Один за другим поднимались тосты. Многие были за него. Как странно было смотреть на эти лица после стольких лет. Многих он с трудом узнал. Они как будто почернели от забот. Но память так свежа! И слушая этих людей, с какой теплотой и уважением они о нем вспоминали, Гога невольно задавался вопросом: «А о ком они? Неужели о тебе?»

«...И все это когда-то на самом деле было? И ты был таким, как они говорят? Ты же совершенно забыл все это после стольких лет американской мясорубки», — в полузабытьи думал Гога, прищурился глазами. И от этих мыслей и голосов на душе становилось все светлее, сердце обволакивало невероятным теплом. Как будто он возрождался. Гоге казалось, будто он выздоравливает от какого-то тяжелого недуга, который вот уже столько лет точил его душу. Недуга по имени «потеря себя». Рассеивание по крупицам. И теперь эти люди за столом вновь дарят ему самого себя. Того, которым гордились и уважали.

Бойгар встал. Наступила тишина. После пары вступительных слов он с трудом пересказал историю с деньгами, произошедшую в новогоднюю ночь почти двадцать лет назад. Закончив тем, что все эти годы его мучила совесть и желание еще раз извиниться перед Гогой. Многие не понимали, о чем он говорит. Но понимал Гога. Он ехал в гостиницу с необыкновенным чувством облегчения. Этот вечер подействовал на него как весенний дождик, смывающий с души что-то давно увязнувшее там и почерневшее. И тут он вспомнил, как терял себя по частицам. Там, в далекой Америке.

Глава 5. Ночной асфальт

Роуз

... Под бурные аплодисменты концертного зала «Россия» Оля Вардашева заканчивала свой коронный номер — «Гусарская баллада» и под козырек, в сопровождении двадцати танцовщиц-гусаров, бодро маршировала в сторону кулис.

— Ваш выход! — раздался колокольчиком откуда-то издалека женский голос.

Гога был готов. Он медленно открыл отяжелевшие, будто налитые свинцом веки. Как сквозь туман увидел тусклое мерцание звезд над Городом Ангелов, не способных соперничать с огнями мегаполиса. Было три часа ночи. Еще теплый, не успевший остыть после жаркого дня асфальт и высокая температура с ознобом не давали ощутить прохладу ночи. Гога не понимал, где он находится и как здесь оказался. Почему лежит на тротуаре?

Постепенно сознание стало возвращаться. Он вспомнил, что проснулся от до боли распирающего мочевого пузыря. Согнувшись, как старик, он засеменял через внутренний дворик в сторону туалета, находящегося в главном доме, в двадцати метрах от крохотной комнатухи, которую он снимал у старой породистой немки. Та после войны вышла замуж за американского доктора, который несколько лет тому назад умер, оставив ей огромный дом в Вествуде, престижном районе Лос-Анджелеса. Возвращаясь из туалета, Гога решил идти по улице. Хотел подышать свежим ночным воздухом. Не успев сделать пару шагов, он пошатнулся, в глазах потемнело.

Как долго он здесь лежит, Гога не имел представления. Но продолжал лежать с неподвижным взглядом, с ужасом осознавая, как низко пал — в прямом и переносном смысле. «Дааа... Здорово... — вяло подумал Гога. — Вернее, совсем не здорово... Один день ты обожаемый всеми певец... А на другой, лежишь вот так... и совсем никем не обожаемый». Мысли потянулись одна за другой, как закованные в кандалы узники. «Сколько я уже в Америке? — пытался вспомнить Гога. — Лет пять? Шесть? И ничего. Ни-че-го. Даже на йоту не сумел подняться, оторваться от этого жуткого земного притяжения. Оно здесь кажется сильнее, чем в любой другой точке планеты. Как будто приковало к земле. Грош тебе цена, Георгий Борисович. Лежишь здесь один на один со своей трепещущей как воробей душой, готовой улететь куда-то и раствориться в бесконечном пространстве, откуда она пришла. Никому ты здесь не нужен. Никому. Ты просто лежащая на асфальте плоть. Мешок телесного мусора. Выброшенный посреди самой большой свалки мира, самой продвинутой цивилизации на свете». Гога наконец с трудом поднялся и поплелся, покачиваясь, в сторону своей крошечной, метр тридцать на два с половиной, обители с небольшой кроватью и тумбочкой, низким скошенным потолком, о который он непременно стучался головой, когда ложился спать. Он рухнул на постель и уставился в стену. Вдруг его стало колотить от животного страха. Страх, который он доселе еще не испытывал. Его трясло и лихорадило. Он весь вспотел, обуреваемый иррациональным ужасом и паникой. Он заорал. Но его голос был таким тихим и сиплым, что никто не услышал. Даже он сам. Попытался еще раз. Но не смог и замолк. На носу был его день рождения. Они с Роуз решили расстаться. Но он попросил отложить это на день позже.

— Давай проведем прощальный день рождения вместе.

Она побоялась. Сказала, что не выдержит и у них все начнется сначала. Денег не было. Работы и друзей тоже. Даже медицинской страховки нет! Обратиться посреди ночи не к кому. «Не вызывать же скорую, — подумал Гога. — Устраивать шумиху — неудобно».

С Роуз Гога познакомился в ресторане «Миша», который держал сын эмигранта из Армении, переехавшего в Америку перед Второй мировой войной. Выходцы из Союза, наряду с

американцами, любящими экзотику, часто посещали этот ресторан. Наташа Медведева, перед тем как покорить сердце Лимонова, начинала свою карьеру здесь, как и другие певцы, впоследствии ставшие звездами российской эстрады.

У Роуз были черные, гладко зачесанные, туго затянутые на затылке волосы. Ровный нос, небольшой рот с белоснежными зубами, сиявшими как жемчуг, когда она улыбалась. Дорогая одежда темно-синих тонов и необыкновенно красивые глаза, которые мерцали, как черный сапфир, когда она смотрела на него. Беседа в основном вертелась вокруг Гоги. Ее интересовало, как люди решались покинуть Союз. Какими были их первые шаги в Америке? Кто им здесь помогал на первых порах? Потом она вдруг перевела разговор на себя и неожиданно рассказала свою очень необычную историю, случившуюся несколько лет назад. Это была история о наркотиках. Как она чуть не погибла. И как ее спасла новая вера.

Роуз была из очень богатой еврейской семьи и, как покажет жизнь, появилась в Гогиной судьбе не случайно. После того, как отчим подарил ей часть бизнеса по металлолому, она быстро разбогатела — благодаря невероятной хватке, интуиции и нюху на деньги. Всегда безукоризненно одетая, с невероятным вкусом, она разъезжала на шикарном «Роллс-Ройсе», где на табличках вместо номеров была надпись «Hi On God» — «Опьяненная Богом». Ее мать и отчим были из Восточной Европы. Мать Роуз в молодости была невероятной красавицей, что было заметно даже в очень преклонном возрасте. Она провела несколько лет в концентрационном лагере. Как она сама говорила: «Осталась жива лишь потому, что имела прямую линию с Богом».

По ее рассказу, как-то эсэсовец приставил автомат к ее голове, когда она стояла перед ним на коленях, и уже готов был нажать на курок.

— Мне ничего не оставалось, как в очередной раз «поднять трубку и набрать Господа». В последнюю секунду эсэсовец передумал.

— И таких случаев было много. Как видите, до сих пор жива! — рассмеялась женщина.

Сводный брат Роуз играл первую скрипку в бизнесе отца, что раздражало самолюбивую Роуз. Эта ревность или, может быть, даже зависть, приводила к скандалам в доме. Роуз упрекала отчима в несправедливости. В том, что он ее не любит, во всяком случае не так, как сына. При всем богатстве и благополучии комплекс падчерицы не оставлял Роуз. Видимо, от избытка денег, а также при помощи первого мужа, от которого у нее была дочь, Роуз подседала на кокаин, скатываясь все ниже и ниже. Ни любовь родителей, ни доктора — ничего не помогало, покуда она, наконец, не докатилась до самого дна. Родители были в отчаянии. У Роуз была подруга со школьной скамьи. Та являлась приверженицей христианского течения «Born Again» — «Рожденные заново», очень популярного в Америке. Узнав о состоянии подруги, она посетила Роуз и в подарок принесла Библию. Роуз лежала, не в силах подняться. Увидев подругу, она разрыдалась. Присев на постель, подруга взяла ее за руку, закрыла глаза и попросила повторять за ней молитву. Она провела с Роуз остаток дня и, уходя, сказала:

— Завтра я обязательно вернусь.

Подруга появлялась каждый день и куда-то увозила Роуз. Так продолжалось некоторое время. Что оказалось совершенно невероятным, — через несколько месяцев Роуз полностью избавилась от наркотиков и приняла христианство, шокировав всех вокруг и особенно своих бедных родителей. Для них, верующих евреев, неизвестно, что было страшнее — наркотики или новый Бог. Им ничего не оставалось, как смириться и нести свой нелегкий крест. Роуз настолько углубилась в новообретенную веру — не было недели, когда она не посещала молебны и не проходило дня, чтобы кому-нибудь не рассказала о чуде, произошедшем с ней. Предприимчивая Роуз включила в рекламную кампанию новой веры даже свой «Роллс-Ройс». Так появилась надпись «Hi On God». Буря в ней хоть и улеглась, но не утихла. Она по-прежнему обожала быть в центре внимания. Ничто не доставляло ей столько удовольствия и радости, как промчаться по автостраде (фривею) на своем «Роллс-Ройсе», включить на всю катушку

хит группы Devo «Whip It», поравняться с колонной дальнобойщиков, открыть окно и выкрикнуть:

— Hi boyyz!!! (Привет, ребята!).

Затем сорвать бюстгальтер, обнажив белоснежные груди, потрясти ими как колокольчиками, разразиться искристым, как шампанское, хохотом, нажать на газ и умчаться под свист, выкрики и рев сигналов.

Гога и Роуз стали встречаться. Как и следовало ожидать, она таскала его на молебны. Они проходили в спортивных или концертных залах, наполненных сотнями людей. Здесь пели всем залом, размахивая поднятыми руками, реагировали на слова пастора возгласами и аплодисментами. Все это было странным. Но по завершении службы Гога всегда ощущал прилив сил и облегчение на душе. Атмосфера искренней теплоты и радости всегда присутствовала здесь. Но Гогу не переставал мучить очевидный мезальянс. Он ездит на старом «Бьюике» 1968 года рождения. Она — на новеньком «Роллс-Ройсе». Он живет в какой-то лачуге. Она — в шикарном особняке. Он безработный. Она владелица бизнеса. Получалось, единственное, что он мог предложить ей — свою смазливую внешность. Она это видела, но не понимала, как сглаживать углы. Старалась предлагать то, что в ее понимании было самым главным. Материальные блага. Дорогие подарки. Поездки за границу. Это удручало Гогу еще больше. От подарков он отказывался. От поездки в Париж тоже. Правда, он съездил с ней в Сан-Франциско, где они жили в самой шикарной гостинице на Ноб-Хилле. Там Гога заставил ее вернуть в магазин дорогие часы «Лонжин», которые она ему купила, чтобы помириться после очередной ссоры. Предложение работать в ее бизнесе он все же принял и вскоре стал неплохо разбираться в новом деле. «Лучше так, чем на халяву, — успокаивал себя Гога. — И бизнесу научусь».

После нескольких месяцев он согласился переселиться к ней в особняк с бассейном внутри, где под водой играла музыка. Восьмилетняя Лиз, дочь Роуз, вскоре привязалась к нему. Его полюбили и родители Роуз. Но Гога и Роуз все равно оставались людьми из разных миров. Она — очень практичная. Обожала успех и деньги. Для нее они были показателем всего. Как ни парадоксально, но эти «нехристианские» качества никак не отражались на ее преданности новой вере. Гога же никак не мог найти себя в этом бушующем и еще незнакомом мире. Она не могла понять, что его мучает. Чего не хватает? Ведь поднять настроение можно, просто купив дорогую вещь. А проблему всегда можно решить деньгами. Пропать увеличивалась. Оба это чувствовали. Видели это и ее родители. Разлад тревожил и ее маленькую дочурку, которую Гога уже полюбил. Пристраиваться к чужому он не научился. А достигнуть своего никак не получалось.

«Не мое это», — думал Гога.

Становилось все очевиднее, что эти два мира соединить невозможно, как ни старайся. Деловой ум и творческая натура в одном теле — редкий дар. Чтобы его приобрести, Гоге придется пройти длинный и мучительный путь.

Приближался Новый год. Роуз предложила поехать в Нью-Йорк к ее родственникам. Провести Новый год в Big Apple (в Большом Яблоке) это особое, ни с чем не сравнимое событие, но Гога уже знал, что не поедет. Она отправилась с дочкой. Гога остался один в пустом доме, на душе было тяжело и грустно. Он загрузил свои манатки в ретро «Бьюик», попрощался с домом, непонятно зачем бросил монетку в голубую воду бассейна и с растерзанными чувствами уехал.

В Нью-Йорке Роуз встретила кузена, которого не видела много лет. Тот оказался бухгалтером — как раз чего ей не хватало в бизнесе, чтобы не выносить цифры из дома и держать их поближе к сердцу. Кузен был на несколько лет моложе. Здоровенный, высокий и красивый, как молодой конь. Она привезла его в Лос-Анджелес, где они вскоре поженились. Родители Роуз любили Гогу и привыкли к нему, но вздохнули с облегчением. «Хоть и кузен, но зато еврей!» На прощание Роуз подарила Гоге Библию в дорогом кожаном переплете, которую она заказала

для него, с его именем на обложке, выписанным золотом. Гога станет возить ее с собой, но заглядывать будет редко. Зерно, посеянное в его душе еврейской девушкой, даст свои плоды.

Прошло несколько лет. Гога случайно встретил Роуз с супругом в том же ресторане, где он с ней познакомился. В его жизни многое изменилось. Она, как всегда, выглядела роскошно, только была более спокойной. Было видно, она довольна жизнью и по-женски счастлива. Увидев его, Роуз слегка смутилась и покраснела, что было так не присуще ей. Посмотрела на него с каким-то удивлением и, как показалось Гоге, даже со скрытой гордостью. Возможно, подумала: «Он не сдался! Он преуспел! Даже в Голливуде востребован!»

— Мы тебя видели в фильме и по телевидению! — с неким восхищением сказала Роуз и посмотрела сияющим взглядом на своего супруга. — Это мой супруг Эли. Познакомься.

— Очень приятно, — вежливо ответил Гога и пожал Эли руку. — Как вы? Как дочурка?

— Ох! Хорошо. Лиз всем рассказывает, что знает тебя! — засмеялась Роуз. — Заканчивает школу. Ей уже скоро семнадцать. Представляешь! А папа вот умер. Мне его ужасно не хватает.

Они еще постояли, поговорили немного. Когда расставались, Гога с Роуз обнялись. И во время этих объятий какая-то грусть, перемешанная с теплотой, пробежала по его сердцу.

* * *

Сколько он пролежал на тротуаре, Гога не помнил. С тех пор как он доплелся до своей лачуги и рухнул на постель, жар только поднимался. Озноб и животный страх усиливались. В отчаянии Гога стал молиться! Именно так, как его когда-то учила Роуз. От всего сердца! И если кто-то молился сейчас от всего сердца, то это был он, Гога! Прошло несколько минут. Паника стала утихать, животный страх отступил. Постепенно Гога совсем успокоился. Вскоре он крепко заснул и почему-то вспомнил Москву и лето 1967 года.

Нина

Ему приснилась Нина, как он ведет ее по темному коридору опустевшего общежития на Трифоновской, 456, и сажает на подоконник. Как он целует ей шею и грудь. Она откидывает голову и тяжело вздыхает. Смотрит куда-то вверх полускрытыми глазами, шепчет невнятные слова. Затем крепче прижимает его к себе. Целует в лоб, глаза и губы, и ему кажется, она плачет. От этих объятий и поцелуев Нина будто куда-то улетает. И находится уже не здесь, не с ним. А где-то там, в грезах. В своих детдомовских мечтах. Может, ей грезилось, что она прижимается к маме или к отцу, которых никогда не знала. А может, ей просто хочется любви. Она была развитой в теле, как спортсменка или деревенская красавица, которых немало сыграет в будущем. Но сейчас Нина не играла. Сейчас она находилась в сладком забвении.

Нина была на втором курсе Щуки, куда поступила после двух лет учебы в Харьковском театральном институте. Воспитанница детдомов, она оказалась актрисой от Бога. И он привел Нину именно туда, где было ее место. Гога почему-то вспомнил, что она могла выпить стакан водки, не поморщившись, и закусить лишь коркой черного хлеба. В эту ночь у них тоже была водка, кусок черного хлеба и соль.

Четверть века спустя Гога окажется с ней за одним столом в какой-то компании в Москве. Она его не вспомнит. Хотя и бросит испытующий взгляд. Он ее узнает с трудом. И не сможет поверить, что эта старая полная женщина и есть та самая деревенская красавица по имени Нина. Россия женщин не жалела. Как, впрочем, не жалела никого. Особенно в 90-е.

Гога проснулся с ясной головой и чувством глубокого умиротворения. Внутри что-то нашептывало, что все будет хорошо, даже если еще непонятно, каким образом. Произошедшее с ним в ту ночь было новым, доселе неведомым опытом, запечатлевшимся в его душе навсегда. Будто ему сверху постучали и напомнили: Он всегда рядом. И нечего бояться.

Глава 6. Страх темноты

Впервые животный страх Гога испытал в детстве. Вечером со своими друзьями он играл в футбол во дворе, который находился рядом со стройкой. Мяч улетел через забор. Кому-то надо было пойти за ним. Выпало Гоге. Перепрыгнув через забор, он оказался в кромешной темноте. Трясаясь от страха и ничего не видя перед собой, он стал рыскать по земле. Вдруг кто-то сзади схватил его за горло и заткнул рот. Другой взял за ноги, и неизвестные куда-то поволокли его. Затащив в темное помещение, бросили на пол и ослепили фонариком. Запах перегара смешался с хриплыми голосами.

— Ну, че? Сначала вырвем язык, чтобы не проболтался?! — прорычал грубый голос.

— Ну, да! — бодро подхватил другой.

— А потом и глазки выколем, чтобы случайно не узнал, — добавил резкий, ехидный фальцет.

— Тооочно! — зло воскликнул еще кто-то.

— Ну, а потооом... — и тут раздался бешеный дебильный хохот, который продолжался, как показалось Гоге, почти вечность.

— Да лааадно! Что так перебздел?! Мужик или нет?! — развязно спросил кто-то.

Затем послышался скрип деревянной двери и последовал пинок под зад.

— Давай, вали отсюда! Нечего по ночам по стройкам лазить! Понял?

Падая и обдирая до крови колени, Гога помчался сквозь темноту не помня себя. Потом выяснилось, что это были рабочие, которые заночевали в сарае и по пьянке решили повеселиться. Сразу после этого он слег с желтухой. (Уже в Америке он прочитал, что желтухой можно заболеть и от испуга.)

После пережитого его жизнь полностью изменилась. Теперь, как только звучало слово «темнота», он целенел, леденел и превращался в заколдованного зомби. Мрак стал для него злейшим врагом, при виде которого он умирал от страха.

Немой

В те годы детской психологией заниматься было некому и некогда. «Подумаешь, ребенок испугался! Ничего страшного! Все дети пугаются!»

Зина тоже не понимала всей глубины пережитого им ужаса. И тут одно наложилось на другое. «Гаденыш», которому Гога мешал с рождения, видимо, решил еще раз поиздеваться. Как-то вечером Зина попросила Гогу сбежать за молоком в магазин напротив. Обычно он делал это с удовольствием и быстро согласился. Но, открыв дверь, он увидел, что лестничная площадка погружена в кромешный мрак. Теперь это уже было не сбежать в магазин, а спуститься в ад! Он быстро захлопнул дверь, сердце бешено заколотилось.

— Мама! Мама! — дрожа, крикнул Гога. — Прощу тебя! Сходи сама в магазин! Ну, пожалуйста!

Зина, увидев ужас в его глазах, удивилась и даже слегка растерялась.

— Да что с тобой, глупышка?! — рассмеялась она. — Мужчина, а тут темноты испугался!

Он хотел ей объяснить всю жуть, которую испытывает, но после таких слов ему стало стыдно. Ведь самым большим позором для него была задетая мужская гордость. Набравшись сил и зажмурив глаза, он ринулся в темноту и пулей вылетел на улицу. Сердце мчалось галопом. Заскочив в магазин, он еле отдышался, хотя все тело продолжало трястись. Когда пришло время возвращаться, он увидел, что парадная до сих пор в темноте. Тут уже смелости не хватило. Он закричал как можно громче:

— Мааама! Мама! Ну, спустись! Пожалуйста!

Зина выглянула в окно и крикнула:

— Я открою дверь и буду ждать тебя! Давай быстренько!

Перед глазами всплыли все демоны ада. Если у страха глаза велики, то у Гоги в этот момент они были огромными! Собрав последние капли храбрости, он вновь бросился в «Царство мертвых». Секунды казались часами. Каждая ступенька — километром. И вдруг, о ужас — ад ожил! Жуткий, леденящий душу звук пронзил темноту!

— Ммммыуу! — будто сам леший замычал своим ужасающим голосом, будто кого-то убивали и тот в муках умирал, издавая последние хрипы.

Как Гога оказался на улице, он уже не помнил. Видимо, он закричал так жутко, что Зина, перепугавшись, быстро спустилась за ним.

— Что с тобой, глупышка?! Ну, успокойся! — в растерянности лепетала Зина.

Выяснилось, что по иронии судьбы, именно в тот момент, когда Гога семимильными шагами летел вверх по лестнице, какой-то немой, заблудившись в темноте, позвонил в чью-то квартиру и, как умел, старался выяснить, здесь ли живет его знакомый. Это был казус, который по теории вероятности не должен был произойти. Но он произошел. Конечно, вспоминая впоследствии, Гога не мог удержаться от смеха, представив этого бедолагу — как он в темноте пытается выяснить, туда ли попал, а Гоге сам черт рогатый мерещится, рыча: «Тыыы следедующий...» Смех смехом, но страх никуда не делся. Только усилился. И это приводило Гогу в бешенство.

Самогонка

Вскоре после случая с немым Гога и Зина отправились в гости к ее подруге. Та жила недалеко от порта, в рабочем районе. В тот вечер собралась веселая компания отпраздновать какое-то событие. Оля, Зинина подруга, смеясь, рассказывала (к большому стыду Зины), как она когда-то «лечила» Гогу от пристрастия к алкоголю. Тогда Гога стал клянчить у мамы «напиток взрослых», заявив, что он тоже уже взрослый! Пили самогонку. Зина от стыда не находила слов. Лишь качала головой и глупо улыбалась. Но Гога не отставал. Тут вмешалась Оля:

— Зина, а почему бы и нет?! Если мужчине так хочется? Тем более, что он «уже взрослый!» Все же слышали?

— Да, да, слышали! — поддержали за столом.

Как Зина ни старалась превратить все в шутку — мол, в роду алкоголиков не наблюдалось, ничего не получалось. Оля наигранно возмутилась:

— Разве ты, Зина, не слышала?! Он уже взрослый!

— Да-да! — вновь подхватили остальные. — Настоящий мужик!

Коллектив победил. Гоге дали рюмку. Он залпом выпил. Видимо, первая хорошо пошла, и Гога попросил вторую. Оля, не задумываясь, налила. Зина начала было протестовать, но Оля одернула ее и прошептала что-то на ухо.

Сколько Гога выпил, он не знал. Говорят, много. Помнил, как проходил по дощечке пола, балансируя руками и демонстрируя, «насколько он трезвый и совершенно не пьяный». Помнил, как его рвало. Как умолял маму не дать ему умереть. Как она накладывала холодные компрессы ему на голову и что-то взволнованно повторяла. Вроде того, что не даст ему умереть, но и ремня ему не избежать. Проснувшись, Гога не помнил, что произошло и где он находится. Покуда не увидел Олю. Та радушно поприветствовала его, подняла бутылку с самогонкой и, подмигнув, предложила похмелиться. Его опять долго рвало, покуда уже стало нечем. Мама с укором поглядывала на подругу. Но Оля, видимо, действительно что-то знала, когда шептала ей на ухо. И не ошиблась. У Гоги на несколько лет отбило желание даже смотреть в сторону спиртного. Эта история всех очень развеселила и огорчила одновременно, так как среди них оказался настоящий трезвенник.

Правда, когда Гоге будет четырнадцать, он залпом выпьет двести граммов водки из граненого стакана, доказывая каким-то болванам, что он «настоящий пацан». И еле доплетется до дома. Зина ничего не заметит. Отличительной чертой Гоги станет — по нему никогда не будет видно, что он пьян. И только утром, когда вся комната наполнится перегаром, Зина поймет, что ее любимое чадо было мертвецки пьяным.

Смертельная схватка

Этим вечером у Оли, как обычно, было весело. Покуда кто-то из гостей не обнаружил, что закончились сигареты. Сбегать попросили Гогу. Дом находился в глубине двора. Чтобы выйти на улицу, надо было пройти коридор, затем темный двор и еще один коридор здания напротив. Освещения на всем пути не было, кроме одной тусклой лампочки где-то в глубине двора. Гога об этом даже не задумался, ведь когда они пришли, на улице было еще светло. Открыв дверь, Гога с ужасом понял, что на него неподвижно смотрит зловещий мрак. Сердце бешено заколотилось. Дыхание стало прерывистым. Вглядываясь в темноту, он был не в силах сделать первый шаг. И тут в нем заклокотала злость! Злость на самого себя! Он весь покраснел и затрясся. Наступил решающий момент. С этим страхом надо было что-то делать. «Зверь» был устрашающим и сильным. Но Гога был уже в бешенстве на себя и решил сразиться с чудовищем! Даже если это будет стоить ему жизни! Закрыв за собой дверь, он оказался в полной темноте. Но вместо того, чтобы бежать, он не двигался. Его лихорадило. Челюсть тряслась. Зубы бились друг о друга. Но он не делал ни шагу. Ему хотелось кричать от ужаса! Прокусив нижнюю губу до крови, он молчал. Все тело съезжилось. Волосы встали дыбом. Мурашки, как стая муравьев, бежали по спине. Крупные капли пота выступили на лице. Но наряду со страхом, от которого кровь стыла в жилах, внутри бушевала ярость, перемешанная с решительностью и бычьим упрямством. Гога сделал пару шагов и вновь остановился. Назло самому себе! Он ждал страшных демонов, вампиров из подземелья. Бандитов с бритвами и ножами, готовых расчленить его, перерезать глотку, отрезать голову и ноги, выдернуть ногти, из хлещущих ран пить его кровь, которая стекала бы у них из пасти между клыками. Но он стоял. Очнувшись, Гога понял, что еще живой. Сделал еще несколько шагов и опять остановился. И вдруг ужасающий страх стал стихать. Отступая, пятясь, как съезжившийся черный лохматый зверь. То, чего он так боялся еще мгновение назад, не происходило. Подождал еще немного, а потом шаг за шагом, не спеша вышел во двор, пересек его, миновал следующий коридор и вышел на улицу, как пленник на свободу. Возвращаясь, он проделал то же самое. Затем, как воин, раны которого только начали заживать, вошел в комнату и протянул пачку:

— Вот ваши сигареты.

С того момента он больше не боялся темноты. «Любовь» закончилась.

Смех на похоронах

Гогу перевели в другую школу. В предыдущей вопрос стоял так: или его выгонят, или он уйдет сам. Он решил сам. В новой школе Гога неожиданно стал примерным учеником и шестой класс закончил без единой тройки, чего с ним раньше никогда не случалось, но и в будущем не повторится. Уже на следующий год под вопросом оказался переход в восьмой класс. Причина — математика. Переэкзаменовку назначили на день его рождения. Учитель был принципиальный и требовательный. Спортивный тип в очках, гоняющий на мотоциклах. Рассчитывать на поблажки не приходилось.

Летом Гога устроился на работу грузчиком в гастрономе на углу. Он пообещал маме, что обязательно отвезет ее на юг. Увидеть пальмы, горы, искупаться в Черном море — давняя мечта обоих. Они провели в Лазаревском удивительных три недели. Правда, Гога чуть не утонул во время шторма — хотел показаться героем девчонке, соседке по даче, которая ему безумно нравилась. Предложение противостоять стихии поступило от «принцессы». Как тут откажешься?! Войдя в бушующее море и бросив смелый взгляд на свою Дульсинею, он так и не понял, каким образом первая же волна отправила его в нокдаун. Быстро очухавшись, он все же поплыл. По совершенно непонятной причине Гога вдруг стал безудержно смеяться и захлебываться одновременно, быстро теряя силы. Это его почему-то развеселило еще больше, куда он не понял, что долго так не продержится и вскоре утонет. «Ну, вообще! — подумал Гога, из последних сил дергая ногами и гребя руками. — Утону в хорошем настроении!» Мысленно он стал уже прощаться с мамой. Ему было ее безумно жаль. Ведь она будет так скучать по нему и плакать! Он посмотрел на голубое небо и улыбнулся... «Как красиво...» — уже в полузабытьи подумал он. Тут чья-то крепкая рука схватила его за шею, другая — под мышку, и обмякшее тело вытащили на берег. Он с трудом мог вдохнуть воздух и еще долго откашливался, выплевывая соленую воду. Несколько мужиков бегали по берегу и искали его «принцессу». Вдруг над волнами появилась ее голова и обнаженная грудь. Она лишилась бюстгалтера и трусики тоже еле держались. Смельчаки бросились за ней и вытащили из моря. Так закончилась Гогина эпопея под названием «Человек и море». Конечно, все шишки обрушились на него. Мама была вне себя.

— Чуть девчонку не погубил! — в отчаянии кричала она.

Но, как «настоящий мореплаватель», Гога промолчал. Не выдал «любимую женщину» и не сказал, в чьей голове на самом деле родилась та «смелая» идея...

После возвращения с отдыха переэкзаменовка костью стояла в горле. Надежда на успех была минимальной. Вечером Гога еще раз перелистал учебник и предался судьбе. Будь что будет! В этот же день учитель где-то гонял на мотоцикле и разбился насмерть! Когда Гога пришел в школу и услышал эту новость, он был в шоке. Подарок на день рождения? «Нет, это уже кошунство!» Единственное, что он ощутил, было необыкновенное облегчение. На второй год он не останется.

Наступил день похорон. Вся школа собралась проститься с покойником. Гроб выставили в школьном дворе. Некоторые (видимо, отличники) стояли у гроба в почетном карауле. Протискиваясь сквозь толпу, Гога увидел заплаканные глаза, растерянные лица и услышал скорбные возгласы. И тут картина показалась ему настолько фальшивой и театральной, что вызвала истерический смех! Еще мгновение, и он разразится хохотом! От этой мысли он оцепенел, широко раскрыл глаза и стал судорожно кусать язык. И тут случилось страшное! Один из учителей, увидев его лицо, видимо, принял это за выражение глубокой скорби и, понимая кивнув головой, подтолкнул Гогу к гробу в почетный караул. Гога опустил голову, прижал подбородок к груди и крепко зажмурил глаза. Когда он, наконец, осмелился их открыть, то совсем близко увидел лицо мирно почивавшего учителя. В какой-то момент Гоге показалось, что тот

даже улыбнулся ему, будто обрадовался его появлению. От неудержимого истерического смеха внутри, мышцы живота свело. Не в силах больше выдерживать, Гога согнулся, схватился за живот, пожаловался на ужасное состояние и быстро скрылся, сопровождаемый недоумевающими и сочувствующими взглядами.

Вечером на своем дне рождения Гога помянул учителя. Тот почему-то стал как-то ближе. Впоследствии Гога узнал, что у некоторых людей на похоронах бывает такая реакция. Сам Элвис Пресли признавался в этом. С тех пор Гога панически боялся ходить на похороны. Но потом все исчезло так же внезапно, как появилось. Что именно вызывало смех в столь скорбные минуты, Гога так и не разобрался. Успокаивало, что он был такой не один.

Глава 7. Девственник

Аня

Школа осточертела! Отсутствие спонтанности у сверстников раздражало. Он все чаще ощущал себя черной вороной среди белых лебедей. Небольшой город с его узкими улочками и таким же, как ему тогда казалось, менталитетом, ощущались рубашкой, из которой он стремительно вырастал. Он чувствовал себя как молодой дуб, корни которого разрастаются и пробиваются из-под мостовой, проламывая асфальт. Море становилось по колено! И он обожал это состояние! Мать продолжали вызывать в школу. Он продолжал обещать, что исправится. Вдохновляли только девушки, гитара и мысли. Мысли о жизни. О звездном небе. Но о девушках больше всего. Главное, он им нравился! И многим!

В тринадцать Гога оставался девственником, хотя давно был заинтересован в предмете. Он уже неплохо овладел поверхностными знаниями, но в глубь предмета еще не проник. Болтаясь по парку, он забрел на баскетбольную площадку. Стоял жаркий летний день. Она появилась как видение, из ниоткуда, осторожно делая маленькие шаги своими стройными ножками по пыльной, покрытой серым песком площадке. Первое, что бросилось в глаза, это упругость ее тела и пропорциональность форм. На ней был костюм из тонкого шелка салатного цвета, плотно облегающий тело и подчеркивающий все прелести. Она выглядела удивительно опрятной, что было особенно заметно по ее пшеничного цвета волосам, уложенным волосок к волоску. Ноги украшали сандалии на высоких каблуках, из которых виднелись пальчики с аккуратно покрашенными ногтями, говорящими, что баскетбол для нее сегодня явно не в приоритете. Увидев его, она слегка смутилась и покраснела. Затем улыбнулась, не открывая рта, лишь скептически потянув вниз уголки тонких губ. Ее лицо назвать красивым было нельзя, но привлекательным — несомненно. Во рту у Гоги пересохло, сердце радостно забило. Это означало, что с данной мадемуазель у него непременно должен быть роман! (Конечно, в таких возвышенных фразах Гога тогда еще не мыслил... Скорее, «клевая чувиха, надо заклеить». Но суть та же.)

Ее звали Аня. Она жила с мамой на другом конце города, работала на фабрике по изготовлению транзисторов и была на несколько лет старше его. Уже через пару недель они попробовали проделать у нее дома «это дело». Когда все закончилось, Гога не был уверен, что произошло и произошло ли вообще. Вопросительно посмотрев на нее, в ответ он получил лишь неуверенное пожатие плечами. Тогда он предложил ей проверить самой. Пальцами. Если она, как сама утверждает, была девственна, то ответ будет ясен. Гинекологическая процедура успехом не увенчалась. Сам Гога гинеколога играть не посмел. Решили оставить как есть до следующего раза. Следующий раз был у него дома, в темном туалете, в день его четырнадцатилетия. Они проделали все то же самое, но стоя. На этот раз сомнений быть не могло. Так Гога потерял девственность. И она вроде бы тоже. Возвратившись к гостям, оба лишь переглядывались и смущенно улыбались друг другу. Никто, включая Зину, ничего не заметил. Зиночка, воспитанная на примере Татьяны Лариной, такого даже представить себе не могла! А для Гоги это было самым дорогим подарком. С этого момента они проделывали «это дело» часто, много и где попало.

Однажды Зина их чуть не застукала, когда вернулась с ночной смены раньше, чем ожидалось. Услышав стук ее каблуков, любовники вскочили с постели и в ужасе уставились друг на друга — будто их только что пчела ужалила в задницу. Бежать было некуда. Да и поздно. Ане ничего не оставалось, как нырнуть в шкаф в чем мать родила. Благо у Зины была привычка, перед тем как повесить пальто в шкаф, бежать в туалет, бросив его на диван. В шкафу

пришлось просидеть минут двадцать. Гога же все это время, используя все свои артистические таланты (видимо, переданные ему от деда), заговаривал маме зубы. В шкафу комфортно не устроишься — Ане периодически приходилось менять позу, судя по скрипам, раздававшимся изнутри. В эти моменты Гога холодел, повышал голос до фальцета и «очень интересовался» у мамы, как прошла смена. Наконец, ему удалось уговорить Зину сбегать за молоком. Так как, оказывается, его ужасно мучит жажда. Возможно, он даже простудился!

— Ну, маааам! — жалостно выл Гога. — Ну, прошуу тебя! По-моему, я заболел! Видишь, какой я красный!

Гога действительно был красный. Но не от температуры. Красный он был от мысли, какая предстанет перед Зиной картина, если она (упаси Господи!) откроет шкаф! Когда Зина вернулась из магазина, Аня уже сидела с безукоризненно уложенной прической. Зиночка, конечно, удивилась столь раннему визиту, но ничего не заподозрила.

Характер у Ани оказался скверным. Всегда ворчливая. Вечно чем-то недовольная. Полная противоположность жизнерадостной Зине. В отличие от Ани, Зина не ныла. Он никогда не слышал от нее упреков. (Нет, упреки, конечно, были. А то и хуже... Но не постоянные! И, тем более, не таким противным и ноющим голосом!) Прошло несколько месяцев. Аня продолжала ворчать, в чем-то упрекать его. Наконец, он не выдержал и предложил своей совратительнице расстаться. Та в слезах бросилась к соседке Оле и раскрыла ей «страшную тайну» об их далеко зашедших отношениях. (До того, как Оля «пожалела» его.) Оля, в свою очередь, поспешила сообщить «радостную весть» Зине.

Гога сидел на кухне и что-то уплетал. Зина кружила вокруг него, как голубь возле лужи. Он в недоумении поглядывал на нее. «Какая-то она сегодня странная», — подумал Гога и продолжил уплетать. И тут Зина резко остановилась. Строго посмотрела ему прямо в глаза и выпалила:

— Скажи! Ты Аньку трахнул?!

Гога чуть не подавился. Покраснев, как рак, он стал все отрицать — мол, не трахнул! Откуда такая информация?! Но вранье длилось недолго. Не привык он врать маме и вскоре во всем признался. (Правда, о шкафе не упомянул.) Зина подошла к ситуации мудро. Вместо того, чтобы надавать ему по башке и отодрать за уши, она провела с ним воспитательную беседу. Напомнила о последствиях таких поступков. Упомянула детей, оставшихся без отцов, приведя его собственный пример.

— Но если ты уже начал... то этого не остановить, — тяжело вздохнув и махнув рукой, закончила Зина.

С Аней Гога помирился, но ненадолго. После очередного скандала он с ней все же расстался. Хотя и было тяжело. Все-таки первая любовь! (Ну, если не считать Ирэночку из пятого класса.) В цеху, где Аня работала, о нем уже давно знали.

— Это мой будущий муж! — гордо заявляла она, показывая его фотографию.

С Аниной стороны последовала попытка вернуть все на круги своя. Но поняв, что всему пришел конец, Аня решила действовать творчески. Придя на работу, она встала посреди цеха на стул и во всеуслышание заявила, что покончит с собой! Слезла со стула и упала в обморок.

Срочно сформировали комиссию из кандидата в партию и членов комсомола. Группа в составе Аниной мамы и двух крупных женщин появилась перед дверями, когда Зина и Гога собирались на торжественный вечер к ней на фабрику, где Зина должна была читать стихи Пушкина. Разговор предстоял серьезный. Гогу попросили удалиться. Начали издали, но вскоре перешли к главному — к будущей свадьбе. В конце концов, на кону честь девушки. Анина мама поинтересовалась:

— А вы, Зиновия Андреевна, знаете, что у них уже давно половые отношения?

— Нет, — ответила Зина. — Не присутствовала.

Зина, в свою очередь, поинтересовалась, знает ли об этом Анина мама. Та ответила, что со слов дочери осведомлена. Зина сказала, что ничего подобного от сына не слышала. Сначала Зина восприняла все это как некое недоразумение, но поняв, что разговор ведется на полном серьезе, спросила:

— А вы, уважаемые дамы, знаете, сколько моему сыну лет?

Те не были уверены.

— Судя по фотографии, вполне взрослый мужик, чтобы отвечать за свои поступки! (Гога действительно выглядел на пару лет старше.)

Услышав, что ему всего лишь четырнадцать, собрание быстренько закрыли. Дамы удалились. Гога и Зина отправились на празднование, где Зина с огромным успехом продекламировала стихи, а Гога избежал участи некоторых восточных девочек, которых выдают замуж в двенадцать лет.

Порт

Гога неоднократно умолял маму устроить его на работу. Ему уже четырнадцать и находиться среди сверстников-недоростков стало неважно! Еще прошлым летом они с Юркой Подниксом устроились на завод, где стягивали с крюков конвейера тяжеленные батареи и складывали их в стопку. В конце смены оба валились с ног от усталости. Долго отмывались от грязи, но испытывали огромное удовлетворение и гордость. Даже заработали немного денег. Мама отговаривала:

— Сына, милый! Еще наработаешься в жизни!

Но Гога был непреклонен. Зине ничего не оставалось, как скрепя сердце устроить его учеником электрослесаря в Рижский морской порт, где когда-то работала сама. Гога перевелся в вечернюю школу и теперь сидел в одном классе с тридцатилетними мужиками.

Окунувшись в жизнь пролетариата, он ощутил свободу, о которой давно мечтал! Где дышалось так легко! Первые пару месяцев ему ужасно нравилось надевать рабочий комбинезон, пачкаться как свинья с ног до головы и в конце смены минут сорок отмываться под горячим душем, чтобы вновь походить на человека. Не жизнь, а романтика! Работал он по четыре часа в день, но этого оказалось достаточным, чтобы после нескольких месяцев он с немалой долей ужаса ощутил всю безнадежность, серость и бесперспективность такой жизни. Картину завершал рабочий юмор. Во время проливного дождя его послали на крышу заменить выгоревшую лампу, где под смех рабочих его дернуло током так, что он чуть не свалился со второго этажа. Оказывается, это было его посвящение в мир «высоких технологий». В другой раз он чуть не превратился в обуглившийся кусок полена. В мастерскую затащили кабель с обгоревшей металлической вилкой от гусеничного трактора, в которой была пробита огромная дыра. Электрик шестого разряда и наставник Гоги завернул ее в тиски и, не сказав ни слова, вышел из мастерской. Гога стоял замороженный и рассматривал черную дыру, дивясь силе, которая могла сотворить такое. Он потянулся пальцем, чтобы в ней поковыряться, но перед этим почесал кончик носа. В этот самый момент в соседнем цеху электрик включил рубильник, пустив на выгоревшую вилку ток в 380 вольт! Из дыры посыпались искры. Гога отскочил и застыл с широко раскрытыми от испуга глазами. Учитывая, что стоял он на бетонном полу в обуви без защиты, можно только представить, что бы с ним произошло! Кто пощекотал ему нос именно в эту секунду, нетрудно догадаться.

— Не надо совать пальцы куда тебя не просят! — прозвучал суровый наказ.

Здесь он впервые испытал любовь к мужчине, какую можно испытать только к отцу или старшему брату. Но Косте-крановщику он об этом не сказал. Постыдился и побоялся насмешек. Да и он сам не понимал, что это. Такое яркое и страстное чувство! Да еще и к мужчине!

Он научился играть на гитаре, но только на четырех струнах. На большее терпения не хватало. Вечерами в парке он брэнчал на гитаре, заливаясь как ночной соловей, к великому изумлению своих дружков и подружек. Летом на пляже загорелый, как шоколад, он собирал множество зевак, дивившихся его голосу. «Битлз» и «Роллинги» были в зените. Текстов, конечно же, он не знал. Никто их не знал! Но зато он выдавал такие звуки, имитирующие английский, что все принималось за чистую монету. В те времена английский мало кто знал. Поэтому девчонки просто млели, заглядываясь на него. Правда, одна оказалась образованной и сильно удивилась его интерпретации «The House of the Rising Sun». Но белоснежная улыбка на фоне загорелого лица быстро заставила ее забыть о своем образовании.

Забегая вперед...

Много лет спустя в Америке Гога познакомится с солистом группы The Animals Эриком Бердоном, песню которого он старался изображать тогда на пляже. Они станут закадычными

друзьями и будут под звездным небом на крыше Эрикава дома в Палм-Спрингсе наблюдать за полетом кометы Хейла — Боппа (С/1995 О1), покуривая травку.

Кто бы мог подумать и представить такое...

Гога все больше становился похожим на эдакого пса-симпатягу с шаловливым, полным блуда взглядом. Когда ему исполнилось пятнадцать, он шел по улице и старался посчитать количество «побед». На счете сорок пять он сбился. А имена вообще с трудом запоминал. Не помнить имена — болезнь, которая будет преследовать его всю жизнь и не раз поставит в неловкое положение. Борис говорил в нем все чаще и громче. Передался талант осуществлять самые скрытые и сокровенные мечты молодых (и не очень) женщин. В будущем он поймет (к своему великому удивлению), что не только женщин, но и некоторых мужчин. То, что он однолюб, умеющий любить страстно и быть преданным, как никто на свете, откроется лишь спустя много лет, когда этот редкий дар все-таки найдет применение. А пока дар крепко спал. Гога все чаще погружался в многочисленные сексуальные приключения, не задумываясь ни о чем. Что могло быть прекраснее, чем познакомиться зимним вечером в парке с девушкой и завести ее в темную парадную ближайшего дома? Подняться на чердак и в полной темноте целовать. В те годы женщины зимой вместо трусиков носили панталоны с начесом, сшитые из толстой байки. И не было ничего приятнее, как засунуть в них озябшие руки и погреться на ее горячей попочке, перед тем как заняться делом.

Помимо того, что у него была привлекательная внешность, в нем горело жгучее желание, одурманивающее жертву и открывавшее путь к ее весеннему первоцвету. Искренность чувств лишала сил держать ножки вместе даже самых стойких представительниц слабого пола. Под воздействием его сияющих глаз девушка чувствовала то же, что ощущает кролик, встретившись с удавом. Однако счет наверху велся. Придет время, и ему подадут его. А пока Гоге многое сходило с рук.

Фем фаталь

Ранним весенним вечером в парке под огромным дубом, где собралась группа молодежи, Гога познакомился с Леей. Она была одета в короткое темно-зеленое, приталенное пальтишко с высоким воротником, в которое, как кошечка, прятала свою очаровательную голову с густыми темно-каштановыми, слегка кучерявыми волосами. Она была невысокого роста. С большими зелеными глазами, пухлыми губами и обаятельной детской улыбкой. С гармонично сложенным телом и таким же характером. Они очень подходили друг другу. Он — огонь. Она — камин, держащий в объятиях и оберегающий это пламя. Лея, как никто, понимала его. Старалась даровать покой его тревожной натуре. Но без особых успехов. Она станет его девушкой. Будет очень любить. И перевернет всю его жизнь. А он ее. Лея будет не только его любовницей — она станет его судьбой.

Поступление в студию

Порт не на шутку напугал. Перспектив здесь было ноль. Гога с ужасом стал осознавать, что только чудо может вытащить его из этой дыры! «Только чудо!» — думал Гога, глядя на большие корабли из далеких стран, стоявшие на рейде. И чудо произошло! Кто-то из работяг принес газету с сенсационным заголовком: «Рижская киностудия объявляет конкурс на актерский факультет».

«Ничего себе! — с восхищением и одновременно с тревогой подумал Гога. — Та самая студия, которая всего несколько лет назад выбросила его, как мусор!»

Набор был открыт для всех, закончивших восьмилетку. Набирали всего 25 человек из населения республики почти в два миллиона! «Это единственный шанс! Единственный! — с трепетом в сердце думал Гога. — Не вспомнят же?! Я тогда был совсем салагой!»

Вереница будущих «звезд» латвийского кинематографа потянулась в сторону студии. Гога даже не задумался, сколько здесь может быть желающих. А сколько детей и родственников высокопоставленных персон! Он имел глупость сообщить коллегам в порту о своем решении поступать. Сначала все в порту застыли и онемели, а затем заржали! Просто попадали со смеху!

— Ха-ха-ха-ха! Надо же! У нас артист объявился! Аха-ха-ха-ха!

Но это унижение не обескуражило Гогу. Наоборот — только усилило гнев и решительность!

— Я покажу этому быдлу, из чего сделан! Поступлю! Всем назло поступлю!

Закончив ржать, порт замер в ожидании. Некоторые стали даже ставить на деньги.

Задание по актерскому мастерству было изобразить какое-нибудь животное и придумать сюжетную линию. Гога думал недолго. Он будет петухом! Собрав нескольких девчонок, он предложил им изобразить молодых кур. Далее объяснил: действие происходит в курятнике, куда случайно забрел молодой петух. Увидев неземную куриную красоту, он станет гоняться за ними с намерением оплодотворить их еще не искушенную плоть. А они, естественно, в ужасе будут убегать от него. Девчонки сильно засомневались, участвовать ли в таком... Но, не имея ничего лучшего, да и времени в обрез, согласились. Свет погас. Гога, высоко поднимая колени, медленно ступил на сцену. С гордо поднятой головой он оглянулся по сторонам и энергично захлопал «крыльями». Затем вытянул шею и выдал такое «Ку-ка-ре-куууу!», что комиссия от неожиданности вздрогнула! Но затем погрузилась в суть происходящего. От нервного перевозбуждения Гога так вжился в роль (в некотором смысле ему давно знакомую), что молодые куры не на шутку всполошились и, визжа, бросились врассыпную. Но Гога не отступал! Насупившись и согнувшись, он поочередно старался оседлать каждую. Комиссия была в шоке, но одновременно в восторге, судя по громкому смеху и аплодисментам. В комиссии присутствовали несколько представительниц прекрасного пола. Возможно, некоторые из них и сами были не против, чтобы их оседлало это кареглазое животное. Как бы там ни было, Гогу приняли! Никто так и не узнал «артиста», так неудачно дебютировавшего здесь несколько лет назад.

Весть пронеслась по порту, точно оглушительный гудок громадного лайнера! Проспорившие уговаривали остаться. Не становиться предателем и не менять блестящее будущее электрослесаря на беспутную жизнь артиста. Замолчали соседи. Даже учителя замолчали, голосовавшие за его исключение из школы. Милиция была в растерянности. Не могла понять, как такое могло произойти. Ведь был такой перспективный клиент колонии! Единственный, кто искренне обрадовался за Гогу, был Костя-крановщик. Видимо, не зря Гога так полюбил этого парня, похожего скорее на веселого тракториста, чем на серьезного крановщика.

Любовь к литературе

Любовь к литературе обрушилась как груда камней обвалившейся стены. Но Зина к этому не имела никакого отношения. Все произошло по гораздо более прозаичной причине. На одной из лекций по литературе (где присутствовали все девчонки, в том числе длинноногая Моника) обсуждали некую пьесу, о которой все знали и о существовании которой Гога понятия не имел. Во время дискуссии также выяснилось, что ему ни о чем не говорят многочисленные имена авторов, перечисленные во время часа. Гога съезжился до таких размеров, что стал почти невидимкой. Но ужас, испытываемый им, был не от собственной тотальной безграмотности (при наличии матери, знающей почти всю русскую литературу), но от возможного позора (особенно перед Моникой!), если, не дай Боже, его о чем-нибудь спросят!

— Мамаа! Маам! — раздался звонкий голос с порога. — Кто такой доктор Чехов?! Или этот... Шейх... Шейхспир? Где твои книжки? У тебя же их так много!

Зина сильно удивилась такому внезапному интересу. Но, не произнеся ни слова, вытащила несколько томов Чехова и протянула сыну, окинув его озабоченным взглядом — не заболелся ли? Следующие пару недель Гогу было не узнать. Казалось, для него в жизни никогда не было ничего важнее книг, которые он поглощал теперь одну за другой, с невиданной скоростью и аппетитом. Зина наблюдала и тихо радовалась. «Все-таки передалось!» — с умилением думала она, глядя на свою преобразившуюся кровиночку.

Теперь девчонки при виде его краснели еще больше, а дружки хвастались, что знают его. Но завистливый гаденыш из подземелья не мог смириться с успехом и сделал все, чтобы после полутора лет обучения Гогу все же выперли из студии. Курс будущих кинозвезд отправился в Литву на просмотр прогремевшего на всю страну спектакля с участием Баниониса. После спектакля была запланирована встреча с легендарным режиссером Паневежского театра Оюзасом Мильтинисом. Небывалая честь для молодых талантов из дружественной республики. Чтобы обстоятельно подготовиться к встрече, пять курсантов, включая Гогу, зашли в кафе, где наливались коньяком так, что едва нашли обратную дорогу в гостиницу. Спектакль проспали, мирно похрапывая с открытым ртом — к великому возмущению переполненного зала. На встрече с мэтром Гога, еще не протрезвев, стал задавать идиотские вопросы, не имеющие никакого отношения к спектаклю. Попытка заткнуть ему рот и посадить на место закончилась скандалом. Это было неслыханным позором! По возвращении в лоно родной Латвии «творческий коллектив» тут же отчислили. Но по истечении трех недель четверку приняли обратно. Те каждый день просиживали в холле студии, как провинившиеся щенки. Но не Гога. Он воспринял наказание как внеплановые каникулы. Пропадал с дружками и подружками в местных кафе. Или в обнимку с очередной пассией на лавочке в сквере. Информация дошла до руководства. Отчисление стало окончательным. Такого поворота Гога, конечно, не ожидал. Это был удар похлеще разряда молнии! Крах! Конец сказки! Он погрузился в глубокую депрессию. Жар-птица улетела, оставив в руке лишь перо, напоминавшее о всех возможностях, которые он так глупо угробил. Гога долго не мог прийти в себя. Не мог понять, почему только его? «Ну, хорошо... Он не сидел в холле... Общался с друзьями... Ну, и что? Разве из-за этого надо было поступать с ним так жестоко?!»

Ответ на этот вопрос он получит несколько лет спустя.

И будет не в силах поверить.

Аттестат 11-го класса. Рок-звезда

Мысль, что ему придется еще два года сидеть за одной партой с дебилами в два раза старше его, становилась невыносимой. Со студией было покончено. Жар-птица улетела. Возвращение в порт — исключено! Гога помрачнел, потускнел и осунулся. Произошедшее мучило его целыми днями. Он стал выпивать, терзал своих ни в чем не повинных подруг. Хотел отомстить всему свету! Он понимал, что проиграл. И проиграл по-крупному. Упустил единственный шанс в жизни.

Удача, может, и была гулящей, но никогда не бросала его. Окончить среднюю школу он был обязан. Без этого в институт не поступишь. А институт теперь — единственное спасение. Но еще два года он не выдержит!

Гога шел по улице, нахмурившись, в подавленном настроении, будто окутанный в черное облако, когда столкнулся со своим старым знакомым. Увидев его унылую рожу, тот заинтересовался:

— Привет! Че это с тобой?!

Гога вкратце описал ситуацию.

— Два года точно не выдержу. А что делать, понятия не имею.

Дружок неожиданно усмехнулся, с хитринкой посмотрел на него и хлопнул по плечу.

— Да ты че, старик! Какие проблемы?! Устроим тебя! И сразу в одиннадцатый класс!

— Это как? — опешив, спросил Гога. — Я девятый еле вытянул. Какой одиннадцатый? Я же ни бум-бум!

— Вот ты дурной! — рассмеялся дружок. — Думаешь, все эти работяги, закончившие среднюю, что-то соображают?! Ну, ты даешь! Разве не знаешь, что наша великая Родина дает шанс всем? Ей необходимо показать: народ у нас образованный! Понимаешь?

Гога покачал головой:

— Нет.

— Послушай. За городом существует заочная школа для рабочих, где экзамены можно сдавать экстерном и появляться там надо лишь пару раз в неделю.

— И?

— И директор этой школы — мой хороший приятель и деловой человек. За 15 рублей я тебе нарисую аттестат, что ты закончил не девятый, а десятый класс, в свою очередь директор за вознаграждение в двадцать пять рублей впишет тебя сразу в одиннадцатый. Понял? Таким образом, еще годик и ты свободный человек! Ну?! Как тебе идея?!

Гога не мог поверить, что в Стране Советов такое в принципе возможно. Все это казалось крайне сомнительным.

— Подумай! За качество услуг отвечаю! — бодро добавил приятель.

Попрощавшись, Гога не знал, что и думать. С одной стороны, это звучало так неправдоподобно. А с другой... и неожиданная радость прокатилась по сердцу!

Малый не солгал и сделал все как обещал. Первые несколько недель Гога на уроках покрывался потом от страха. Особенно во время химии и математики. Он даже потерял сон с перепугу. Но постепенно стал привыкать и осваиваться. Даже что-то кумекать. А больше, оказывается, и не требовалось. Главное — сделать мину, будто внимательно слушаешь и все понимаешь. Никто же проверять не собирался! Ну, а зачеты? Там тоже были свои расценки. В общем, Гога воспрял!

Тут произошло еще одно радостное событие — его пригласили солистом в бит-группу. Он уже был хорошо известен благодаря своему красивому голосу и умению петь на «английском».

Школу Гога закончил. Даже умудрился пофлиртовать с учительницей химии. Та на его попытку мило улыбнулась и поставила четверку. Ладно четверку за умение химичить, но по химии?! Рисунок на гобелене его судьбы был лишь в зачатке, работа над ним продолжалась.

Волшебный шар и плавки

С Леей Гога продолжал встречаться. Иногда как с любовницей. Иногда как с сестрой. Признавался, что встречается и с другими. Мог даже попросить совета по поводу другой девушки. Лея была на четыре года старше его и старалась относиться ко всему спокойно. Во всяком случае, так это выглядело со стороны. Наверное, лишь сожалела, что с ним по-другому невозможно. Он вольная птица и удерживать его бесполезно.

Началось жаркое лето 1967 года. Гога, как всегда, проводил время на пляже с гитарой, окруженный компанией. Но в мыслях был уже в Москве! Там предстояло поступать в институт. Фарцовщик Билли показал японские плавки из плотного, темно-синего нейлона, с двумя желтыми полосками по бокам и с внутренним карманом для денег. В те времена такой элемент гардероба был мечтой каждого! Цена мечты — пятнадцать рублей. Услышав о плавках и увидев его восторженное лицо, Лея предложила занять деньги на их покупку.

— У кого? — вытаращил глаза Гога.

— У моего папы, — спокойно ответила Лея.

Гога расхохотался.

— Ну, ты да-ешь! Правильно, Лея. Я приду к твоему папаше и скажу: «Здравствуйте, папа, я ваша тетя! А не одолжите ли вы мне 15 рублей на покупку японских плавков, до лучших времен, которые никогда не наступят». Браво, Лея! Мо-ло-дец!

Лея прищурила глаза и по-детски засмеялась, но ничего не ответила. На следующий день она пригласила Гогу к себе домой, когда там никого не было. Они зашли в гостиную, Лея закрыла дверь на ключ. Загадочно улыбнулась, подошла к подоконнику и выглянула в окно. Гога не понимал, что она делает, но холодок пробежал по коже. Лея указала на большую люстру, висевшую над столом, в основании которой был медный шар. Приложив палец к губам, она подошла к столу и прошептала:

— Помоги мне...

Опершись на его руку, забралась на стул и залезла на стол. Гогино сердце почему-то быстро забило. Он почувствовал себя воришкой, прокравшимся в чужую квартиру, в то время как Лея откручивала нижнюю часть шара. Бережно положив ее на стол, она кивком указала на содержимое. Гога от удивления разинул рот. Половина шара была забита свертками со сторублевыми купюрами, обвязанными простой резинкой.

— Не беспокойся! Никто не заметит! — прошептала Лея, увидев его испуганное лицо. — Посмотри сколько здесь! Пятнадцать рублей?! — ухмыльнулась она и тихо засмеялась.

Гога стоял замороженный, глотая воздух пересохшим ртом. Вытащив сотню, которая показалась почти незаметной, Лея осторожно прикрутила обратно часть шара и бросила взгляд на Гогу.

— Да что ты так распереживался?! Мы вернем!

— Как мы вернем?! — нервно шепнул Гога. — С каких таких барышей, а?

— Что-нибудь придумаем, — спокойно ответила Лея, спрыгнула со стола и вытерла ладони о юбку. Картинка с плавками всплыла в голове как назойливое видение и окончательно сломила Гогину волю. «Действительно... — подумал он. — Кто заметит? Здесь все как будто ничего не трогали. Потом что-нибудь придумаем».

Леин папа был крупным, добродушным и веселым человеком. Вот уже много лет он трудился не покладая рук в торговле и давно стал миллионером. Поэтому он редко заглядывал в свой волшебный шарик.

На загорелом молодом теле плавки смотрелись убийственно! Лея радовалась как ребенок. Несколько дней Гога не мог избавиться от страха, что пропажу вот-вот обнаружат. Но дни шли, и все было спокойно. Лежа на золотистом песке, закинув руки за голову, Гога вглядывался

вался в голубое небо и лениво размышлял: «Последнее беззаботное лето... Школу закончил. Не могу даже поверить! Какая пруха! Потом институт».

— Ой! — воскликнул Гога, хлопнув себя по лбу и резко сев. — Я же не узнал, до какого числа принимают документы! Вот идиот!

Лея повернула к нему голову.

— Да узнаешь. Еще есть время.

«Действительно! Что я распаниковался? Время еще есть», — подумал Гога и вновь распластался, уставившись в небо.

— А вот бы перед Москвой, — продолжил он, размечтавшись, — смотаться куда-нибудь на юг! Вот там жизнь! Пальмы... Море...

— Дааа... неплохо бы было... — тихо согласилась Лея.

«Тут без трех сотен не обойтись, — подумал Гога и тяжело вздохнул. — Поэтому нечего забивать себе голову глупостями!» Лея давно научилась читать его мысли. Она вообще обладала мистическими способностями, даже умела предсказывать будущее, делая это как-то по-своему, непонятно как. Прищуриив глаза, она могла посмотреть на проходящую машину или троллейбус, затем что-то подсчитать про себя и весело воскликнуть:

— Сбудется! Вот увидишь!

Гога не спрашивал, как она это делает. Но всегда поражался, насколько точны ее предсказания. «Олеся какая-то!» — думал он, глядя на нее в недоумении.

Несколько дней спустя Лея посмотрела на Гогу уже знакомым ему особым, пристальным взглядом.

— Нет-нет-нет-нет! — протараторил Гога, догадываясь, о чем она думает. Лея засмеялась.

— Покуда не вернем то, что взяли, даже не думай! Я и так две недели почти не спал! Все этот шар мерещился! Будто живой и смотрит на меня с укором.

Прошло еще несколько дней. Лея вновь посмотрела на него, но уже умоляющим взглядом.

— Ну, кооотик! Поверь, никто не заметит! Я же знаю! Ты видел, сколько там?! А я тебе еще не показала самого главного, — загадочно мяукнула Лея.

— Самый главного?! — сипло выкрикнул Гога и уставился на нее. — Мне главного не надо! Спасибо! Я как-нибудь без главного обойдусь! Хорошо?!

Но если Лея что-то задумала, она это претворяла в жизнь. Когда они в очередной раз оказались у нее в пустой квартире, не проронив ни слова, она подошла к кровати и вытащила из-под нее две жестяные коробки. Сделав паузу, она многозначительно посмотрела на Гогу.

— Видишь это? — непривычно низким голосом спросила она.

— Ну, вижу... И что это?!

И то самое чувство, будто он воришка в чужой квартире, снова сковало его. Он стал с опаской поглядывать на дверь. «Вот сейчас кто-нибудь сюда зайдет... И что тогда?!» — в ужасе подумал Гога, наблюдая, как Лея ногтями медленно стягивает крышку коробки. Когда она ее открыла, у Гоги отвалилась челюсть! Коробка была забита старинными золотыми изделиями и камнями. Тут было кольцо с жемчугом, броши с крупными бриллиантами и множество колец, одно из которых Лея вытащила особенно бережно.

— Видишь? Это бриллиант карат в пятнадцать, если не больше. Ну, теперь понимаешь? А ты все: «Триста рублей! Триста рублей!»

В каратах и бриллиантах Гога, конечно, ничего не понимал, но завораживающее мерцание камней будто околдовало его. Пот выступил на лбу. Содержимое второй коробки было примерно таким же. Гоге казалось, стук его сердца, как колокольный звон, раздается по всей квартире.

— Лея, Лея, Лея! — зашептал Гога, замахав руками, будто отгонял диких пчел, в то время как Лея ловкими движениями выщипывала очередные сотенки из злосчастного шара. На его тихую истерику она не реагировала. Ее глаза блестели, на лице застыла улыбка. Лея возвратила шар в исходное положение, спрыгнула со стола, села рядом с ним на диван, обхватила за талию и положила голову ему на плечо.

— Давай пойдем в «Молочник», — прошептала она.

— Да... хорошая идея, — согласился Гога. Я должен что-нибудь поесть. А то мне совсем нехорошо стало.

В «Молочнике» они заказали венский шницель с картошкой фри и зеленым горошком. Мечта каждого рижанина в те времена! Запивали холодным пивом из граненой пивной кружки, периодически поглядывая друг на друга и посмеиваясь, как два разбойника, вернувшихся с «дела».

Инна, младшая сестра Леи, Гогу искренне ненавидела. Она была жирная, с рыжими кучерявыми волосами, с выпуклыми глазами непонятного цвета, посаженными один выше другого, с искривленным маленьким ртом с прогнившими мелкими зубами и маленьким носом, сдвинутым набок. Развалив свою тушу на диване, не выпуская сигарету изо рта, она пристально наблюдала за Гогой презрительным взглядом. В семье ее побаивались. Она была скандалистка, вечно недовольная и обиженная на кого-то непонятно за что. Если не знать, что у этих двоих одни и те же родители, никогда бы не поверил, что они родня.

Леин папа любил Гогу. Мама же относилась к нему сдержанно и сухо. Но встречала всегда с теплым взглядом и еле заметной улыбкой. Сдержанно она относилась к нему потому, что знала, как он иногда ведет себя по отношению к Лее. А терпела потому, что видела, как ее дочь относится к нему. Разница в возрасте тоже заставляла смотреть на эти отношения снисходительно и молча принимать их.

Поездка на юг

Выбор, как и с мамой, пал на Лазаревское. Своим Лея с восторгом рассказала сказку, как Гога пригласил ее поехать на юг, умело опустив подробности финансирования поездки. Лишь упомянула, что Гога трудился в порту и накопил денег. Гога же, в свою очередь, наплел Зине, как Леины родители решили раскошелиться, чтобы дети смогли отдохнуть на Черном море. Благо родители с Зиной еще не были знакомы. Все купились. Кроме Инны. Та, прищурившись с еще большим подозрением, сверлила обоих своими свинными глазками и еще больше кривила рот, когда провожала их взглядом.

Совесть, конечно, мучила. Но было уже поздно. За пару дней до отъезда Гога застрял между трамваями, несущимися друг другу навстречу. Пережитый страх буквально врезался в мозг. Вдобавок через несколько дней он стал свидетелем, как молодая женщина выпала из трамвая и ей отрезало ноги. «Да что же это такое! — с испугом думал Гога. — Просто наваждение какое-то!»

По дороге к Лазаревскому, когда поезд встал, Лея в ужасе позвала его к окну и указала на лежащее между поездами тело какой-то несчастной. Гого чуть не стошнило. «Нет, просто какая-то чертовщина! Одно за другим!»

Лазаревское было таким же прекрасным и одурманивающим, каким он его запомнил. Они загорали, купались в теплом море, ели фрукты, пили вино и часто занимались любовью. Прошло пару недель. Вдруг Лея стала напряженной и раздражительной, нервной и придиричливой, что было совершенно не похоже на нее. Гоге даже показалось, она стала его ревновать, чего раньше за ней не наблюдалось. Тем более, никаких причин для этого не было. Ее глаза странно сияли. Какая-то тревога светилась в них. Несколько раз он пытался выяснить, что происходит. Но она ничего не объясняла, уходила от разговора и все больше замыкалась в себе. Это, в свою очередь, раздражало его. Они впервые стали ссориться. Гога уже ненавидел себя, что поддался на эту авантюру, и чувствовал себя как настоящий альфонс. Три недели подходили к концу. Незадолго до отъезда они решили провести день в Сочи. Возвращались поздно вечером, оба были безумно уставшие. В Лазаревском поезд останавливался на несколько минут, надо было успеть соскочить с него и перебежать через рельсы на другую сторону — к вокзалу. Когда они вышли из вагона, раздался громкий свисток. И тут мрак, как ножом, прорезал ослепительный луч фонаря встречного поезда, ударив Гоге прямо в глаза. Последовал испуганный женский крик:

— Осторожно! Поезд!

Гога оцепенел. Картинки молнией пронеслись перед глазами: он между трамваями; отрезанные ноги; несчастная... Страх остаться между несущимися в ночи поездами парализовал его. Но тут же последовала инстинктивная реакция спастись. Он схватил Лею за руку и ринулся во тьму.

— Успеем! — закричал Гога. Однако сделав первый шаг, зацепился ногой за рельсы и упал плашмя. Он с ужасом понял, что подняться уже не успеет. Говорят, человек перед лицом смерти делает все возможное, дабы спастись. Это не так. Если смерть неизбежна, то первое желание — чтобы она наступила как можно быстрее, лишь бы не мучиться невыносимым ожиданием. Гога лежал, прикрыв голову руками, крепко зажмурил глаза, с одной только мыслью — чтобы поезд прошел по нему как можно скорее! И тут он услышал истерический крик Леи: «Вставай! Вставай!» и почувствовал, как она тянет его за руку, стараясь помочь встать на ноги. Очнувшись и поняв, что еще живой, Гога ринулся вперед. Через пару минут они уже сидели на скамейке внутри вокзала. Гого всего трясло, наполненные ужасом глаза были широко раскрыты. Вскоре Гога немного успокоился. Выяснилось: встречный поезд стоял и ждал, покуда пройдет их поезд.

Все оставшиеся дни Гогу не переставали мучить кошмары. Воспоминания о произошедшем преследовали его везде. Даже днем картина случившегося всплывала в голове, и он цепенел и хотелось кричать. Гога как будто застрял в кошмарном сне и никак не мог из него выбраться. Лея была рядом. Успокаивала. Перед отъездом домой она наконец сообщила, что беременна. Ему еще не исполнилось семнадцать. Ей двадцать один. Что с этим делать, они не знали. Она сама решилась на аборт и сказала ему только тогда, когда все уже было сделано. Они встретились незадолго до его отъезда в Москву. Она выглядела осунувшейся. Взгляд был более серьезным. Она как будто повзрослела. Хотя улыбка оставалась такой же детской. Лея пожелала ему успехов и счастливого пути. Поцеловала его в щеку, и ее большие зеленые глаза засияли и наполнились слезами. Счет «наверху» стремительно вырос.

Рывок в Москву

О том, что до окончания подачи документов в театральные вузы оставалось всего несколько дней, Гога узнал случайно, позвонив в Москву. Уже на следующий день он стоял в очереди на вокзале за билетом. «Какой же я идиот!» — нервно вскинув голову и кусая губы, воскликнул про себя Гога. Хорошо, что в Москве есть Боря! Хоть какая-то зацепка. Боря Галкин учился на втором курсе Щуки. Зина дружила с его мамой. Борис (отец Гоги) тоже обещал посодействовать. Но узнав, что Гога и вправду собрался в Москву, стал убеждать Зину, что это небезопасно. Жить одному в таком большом городе, да еще в столь юном возрасте — огромный риск! И вряд ли он сможет взять на себя такую ответственность. Он же человек крайне обязательный!

Глава 8. Возвращение к «цивилизации»

Маша

В Палм-Спрингс Маша появилась неожиданно. Гога закончил гулять с Женей и вернулся домой, закатывая коляску в комнату.

— Маша?! Вот это да! Ты откуда?!

Маша бросилась ему на шею.

— Как я рада тебя видеть! Ты даже не представляешь! — радостно воскликнула она и посмотрела на коляску. Затем с восхищением спросила: «А это Женечка?!»

— Он самый, — ухмыльнулся Гога.

— А можно я его возьму на руки? Ну, только на секунду! — умоляюще спросила Маша, не отрывая глаз от Жени.

— Да, конечно, можно, — низким, почти мужским голосом, ответила Кира. — Бери!

— Бери! Бери! — добавил Гога.

Взяв осторожно Женю на руки, она посмотрела на Киру.

— Боже! Как он похож на тебя, Кира! И глаза такие же голубые! А взгляд строгий, как у Гоги!

Кира странно улыбнулась.

— Жорочка... Машенька у нас поживет. Ты же не против? Я ее так ждала! Ну, улыбнись хоть! Что ты такой серьезный?! Это же наша Машенька!

Гога не знал, как отнестись к внезапному появлению Маши. Он лишь улыбнулся и ничего не ответил.

Просидели весь вечер. Маша рассказывала о своей жизни, о сыне, о том, что убежала из Минска, как только получила визу в Америку. И возвращаться не хочет.

— Но как это организовать, понятия не имею. Просто не могу больше. Там все так ужасно! Да что я вам рассказываю... Сами знаете.

— А как же с сыном? — поинтересовался Гога.

— Его тоже буду вытаскивать. Но еще не знаю как. Сначала надо самой устроиться.

— А как же с этими людьми? С американцами? — спросил Гога. — Они же твои гаранты?

— Да что с ними будет?! — воскликнула Кира. — Не посадят же!

— Я понимаю, что это нехорошо, — начала оправдываться Маша. — Но что мне теперь делать?!

— Да что ты вдруг так забеспокоился об этих американцах! — возмутилась Кира. — Сделали доброе дело, ну, и хорошо! Где-нибудь им зачтется. Что, она должна теперь всю жизнь об этом думать?

Гога посмотрел тяжелым взглядом на Киру.

— Кира... Я же не тебя спрашиваю. Я спросил Машу! Люди помогли...

— Да ну тебя! — отмахнулась Кира. — Давай поговорим о чем-нибудь другом! Вот, например, какая Машенька стала красивая! Ты заметил?

— Кир... ну, ладно тебе!.. — покраснев, засмеялась Маша. — Какая была, такой и осталась.

— Вот только зубки надо будет поправить, — по-деловому заявила Кира. — И тогда ты у нас будешь вообще красавица! А там мы тебе и жениха найдем. Правда, Жора? — засмеялась Кира.

— Кир, ну, перестань! — вновь застеснялась Маша.

— Как я рада тебя видеть! Ты даже не представляешь! — вновь воскликнула Кира.

— Так, девочки, я пошел спать! А вы уж тут без меня сами... Все! Чао!

— Ты, Жорочка, иди, иди, не беспокойся... Мы тут с Машенькой еще посидим. Ух, как я рада, что ты приехала, дорогая моя девочка! Красавица моя! — крепко обняв Машу, радовалась Кира.

Маша действительно оказалась полезной. Помогала по дому и с Женей. Гога теперь мог, не отвлекаясь, продолжать работать. Маша окончательно решила: она не вернется. Встал вопрос, как это сделать. Кира сразу предложила фиктивный брак. Но для этого требовались деньги, поэтому идею на время оставили. Следующий вариант — тоже жених. Но уже настоящий. У Гоги был знакомый, тоже эмигрант, по имени Эли. Тот первым оказался в списке. Холостяк Эли давно жил в Америке, являлся достаточно успешным актером и часто снимался в Голливуде. Он был рыжеволосый, высокий, с огромным носом, небольшими светло-кариими глазами, с очень пухлым ртом и отвисшей нижней губой. Красавцем точно не назовешь. Независимо от этого он пользовался большим успехом у женщин. Маша оказалась не исключением и вскоре влюбилась в него. Но стоило Эли почувствовать, что дело пахнет свадьбой, его как ветром сдуло. Маша долго переживала, плакала. Других претендентов на «должность» не было.

— Эх! — бойко заявила Кира — Где таких, как Машенька, найдешь, в этой вашей долбаной Америке?! Ты только посмотри на нее! Клад, а не невеста! А этот твой Эли — дурак! Да еще и сердце моей любимой подруге разбил! Сволочь!

Грин-карта для Маши

В прошлом Гога сотрудничал с адвокатами и хорошо разбирался в эмиграционном законодательстве. Он уже сделал грин-карту Кире, помог нескольким ее знаменитым друзьям. Знал, как находить в бюрократических заморочках правовые лазейки.

— Маш... — как-то сказал Гога. — Ты говорила, твоя мама — еврейка. Это действительно так?

— Ну, да, мама — еврейка...

— Хм, значит, и ты! А что произошло — извини за вопрос — с твоими передними зубами? — указав на ее мост, спросил Гога и слегка съезжился.

Маша покраснела.

— Да ничего! Ты забыл, какие у нас зубные врачи? Вот, сам видишь. Даже стыдно улыбаться.

— А что? — неуверенно поинтересовалась Маша.

— Да нет, ничего. Так. Думаю. Появилась одна идея. Раз ты еврейка, то местный ХИАС, по идее, должен тебе помочь. Сейчас, правда, еврейский вопрос уже не актуален... Но думаю, что еще не умер.

На следующий день Гога отправился в местное отделение ХИАСа. Не вдаваясь в подробности, он поинтересовался, кто и как мог бы помочь Маше с получением статуса беженца.

— Сейчас совсем другое время, — начала объяснять служащая — невысокого роста, с короткой стрижкой, женщина лет пятидесяти в роговых очках. Евреи в России уже не считаются меньшинством, находящимся в опасности. Хотя это, конечно, смешно — где и когда мы не были в опасности. Тем не менее теперь евреи могут беспрепятственно покидать Россию. Свободные люди. Поэтому получить статус беженца еврею из бывшего Советского Союза стало почти невозможно. Конечно, бывают отдельные случаи... Когда кто-то подвергается гонению и его жизни или жизни семьи угрожает опасность лишь потому, что они евреи. Но таких случаев все меньше.

— Значит, если такая ситуация существует, то статус беженца все же можно получить?

— Да, но это еще надо доказать! И на подобные прошения эмиграционная служба смотрит теперь с большим подозрением.

— Хорошо, а по остальным вопросам вы можете помочь? Скажем, материально? Или, например, предоставить юридическую поддержку, если она понадобится?

— К сожалению, только в исключительных случаях. Но вы можете принести документы, и мы посмотрим.

Гога ушел с пустыми руками. Проблема, которая его совершенно не касалась, вдруг стала как заноза в мозгу. «Вот тебе и евреи! Когда им надо было, то, пожалуйста, заходите, двери открыты! А теперь евреи — свободные люди! Ничего себе! — с раздражением думал Гога, возвращаясь домой. — Хорошо. Что-нибудь придумаем для «свободных людей». Найдем зацепку».

— Маша! — войдя в квартиру, крикнул Гога. — А в Минске за последние годы были какие-нибудь вылазки против евреев? Ну, что-нибудь такое, о чем, например, писали в газетах?

Маша пожала плечами.

— Не знаю. А что?

— Да так, ничего. Слушай, Маша, — открыв окно и прикуривая сигару, сказал Гога, — Я тут подумал. Конечно, вариант с женитьбой мы не оставляем, но сама понимаешь... Тут никаких гарантий нет. Есть другой вариант. Подать на статус беженца. Сейчас это не самый простой путь, в девяноста процентах случаев отказывают... Но во всяком случае шанс есть. Плюс, все это время, пока эмиграционная служба рассматривает твое дело, ты находишься

в стране на законных основаниях, никто тебя уже отсюда просто так не вытурит. А это может тянуться годами.

Маша остолбенела.

— Да?! — воскликнула она. — Ты гений, Жорочка! Я даже не знала. Мне бы такое никогда в голову не пришло!

— Это что, правда, Жора? — наставническим тоном поинтересовалась Кира.

— Правда, правда, Кира. Значит, так! — продолжил Гога, — ты не раз подвергалась оскорблениям на работе и на улице. Особенно когда возвращалась из синагоги...

Маша и Кира вытаращили глаза и переглянулись.

— Но я никогда не была в синагоге...

Гога пристально посмотрел на Машу.

— Была, Маша. Была.

— Ааа... да! Хорошо! Была!

— Теперь, вот твои зубы... Это же мост? Правильно?

— Да, — вновь покраснев, кивнула Маша.

— А почему он появился?

— Ну, у меня...

— Послушай, Маша! Меня не интересует, что было на самом деле. Мне, Маша, кажется, что зубы тебе выбили... И ты была вынуждена поставить этот мост.

— Вот аферист! — захихикала Кира, прикрыв рот рукой.

Гога обернулся.

— Молчу! Молчу!

— И выбили тебе их, Маша, именно потому, что ты еврейка. Ненавистники. Нацисты. Понимаешь?

Маша покрылась красными пятнами.

— И?

— И... Мы создадим легенду, что ты подаешь на получение убежища не потому, что хочешь остаться в Америке. А потому, Маша, что возвращаться домой ты не можешь. Там не только твоя жизнь будет в опасности, но и твоего ребенка.

Маша растерянно посмотрела на Киру. Та прищурила глаза — мол, слушай, слушай...

— Избили тебя, Маша, — продолжил Гога, — в подъезде, когда ты вечером возвращалась домой. Перед твоей дверью на стене было написано «Жидовка, убирайся отсюда!» А потом уже и на дверях появилась свастика рядом с черепом.

Кира села с Машей, взяла ее за руку и крепко стиснула ладонь, продолжая внимательно слушать.

— Конечно, эту историю надо будет как-то подтвердить... Но время еще есть. Это единственный путь. Ты все это опишешь в своем заявлении со всеми страшными деталями. Затем выучишь наизусть. Поняла?!

Маша сидела с широко раскрытыми глазами. Кира вдруг оживилась.

— Ты, Машенька, слушай его! Он у нас в таких делах о-го-го! Браво, Жорочка! — воскликнула она и захлопала в ладоши. — Молодец! Ты знаешь, как он мне сделал грин-карту?! Да еще по программе для незаурядных личностей! Такие получили Элтон Джон и Эйнштейн! Представляешь?! Он сделал из меня советскую Мадонну! Хочешь послушать, что этот ненормальный придумал?

Маша, уставившись в пол, кивнула головой.

— У них здесь параметры! — стала захлеб рассказывать Кира. — Например, если у звезды четыре миллиона напечатанных календарей с ее фотографией, то это не просто звезда, а мегазвезда! Эти долбаные американцы ведь не знают, что у нас напечатать четыре миллиона календарей для актрисы ничего не стоило. А здесь такое могут сделать только для звезды

первой величины. Ты видела альбом, который он мне состряпал?! Нет? Целое собрание сочинений! Достал все мои обложки и фотографии... Я сама обалдела, насколько я, оказывается, была популярной! — рассмеялась Кира. — Это еще тот жук! Он все сделает, не переживай, моя милая! Правда, Жорочка?!

Повестка на интервью в иммиграционную службу пришла через несколько месяцев. Гораздо раньше, чем ожидалось, и как раз перед Гогиной поездкой в Москву. Когда он ехал с Машей в машине, она была близка к истерике.

— И именно сейчас ты уезжаешь! Жора, это конец! Я не смогу быть хладнокровной! — чуть ли не в слезах шептала Маша. — Они все поймут! По моему лицу поймут, что я вру! Жора, мне так страшно!

— Да успокойся ты! — рявкнул Гога. — Все будет нормально!

— Я просто сойду с ума! Ты уезжаешь как раз в тот момент, когда будет решаться вся моя жизнь! Это ужасно!

— Да не беспокойся! Все будет хорошо, Маша! — смягчив тон, сказал Гога.

Вдруг откуда ни возьмись на голубом небе появилась огромная радуга. У Гоги загорелись глаза.

— Маашааа! Посмотри! — воскликнул он. — Видишь?!

Маша посмотрела на небо, от удивления раскрыла рот. «Что это?! Жорочка?!»

— Это отличный знак, Машенька! — с восхищением продолжил Гога, его сердце застучало от радости. — Поверь мне, все будет хорошо! Вот увидишь!

Почему Гога вдруг стал так беспокоиться о Маше и ее судьбе, он и сам не знал. Просто хотелось помочь. А на душе становилось светлее. Пожалуй, и все.

Уже в Москве Гога, сидя в фойе гостиницы, открыл газету «Московские новости» на английском. Его внимание привлекла одна из статей. Когда он прочитал первые строки, у него отвисла челюсть. Текст был посвящен случаю в Минске, где группа молодчиков набросилась на нескольких евреев и избивала их прямо на улице, у всех на глазах, среди бела дня. Статья сопровождалась фотографией инцидента.

— Это невозможно! — прошептал Гога. — Такое совпадение! Боже!

Он тут же бросился в номер и набрал Америку.

— Кира, привет! Дай мне Машу! Срочно!

— А что случилось?

— Машу дай!

Маша взяла трубку.

— Да, Жора? — испуганно ответила Маша.

— Маша! — задыхаясь от восторга, воскликнул Гога. — Срочно включай факс! Я сейчас перешлю статью. Ты не поверишь! Прочитай и все поймешь! У тебя когда интервью?!

— Завтра, Жорочка! — трясущимся от страха голосом ответила Маша.

— Обязательно возьми эту статью с собой и покажешь им там! Поняла?! Это твое спасение! Все, что мы написали в твоём прошении, теперь подтверждено фактами! В газете! С фотографией! Маша, теперь только вперед! С Богом!

Статья оказалась решающей. Маша вскоре получила ответ. Статус беженца был ей обеспечен. Еще через некоторое время она получила грин-карту. Маша исправила зубы. Гога через знакомых познакомил ее с Хачо, эмигрантом из Болгарии. Вскоре они поженились. Потом Маша вытатила и своего сына. Таким образом Машенька обзавелась мужем, квартирой, бизнесом и легальным статусом в Америке. Что случилось с ее спонсорами, которых она кинула, осталось неизвестно. Но Кира, наверное, была права: «Ну, не посадят же». Машенька, конечно, была безумно благодарна Гоге и Кире. Но только на словах. Когда случится трагедия, на похороны в Москву она не приедет. «Зачем тратить деньги. Все равно не вернешь».

Артур

С Артуром Гога был знаком давно. Какое-то время их даже считали лучшими друзьями. Потом их пути разошлись. Когда дела у Артура пошли в гору, ему понадобились люди и он вспомнил про своего талантливую друга. В Палм-Спрингс стали появляться гонцы. Оказалось, Кирочка с помощью супруги Артура Эллы давно развернула кампанию по их возвращению на «большую землю».

— Что ты там дэлаеш, в этой дэрэвнэ? Хы-хы-хы. Тэбэ что, солнца в Лос-Анджелесе нэ хватает? Пора дэлом заняться, Жора. Возвращайся в цивилизацию, — как всегда спокойным тоном, сопровождающимся короткими «хы-хы-хы», посоветовал Артур.

Началась усиленная обработка.

— Жора... — с утра заводилась Кира. — Мы еще долго будем здесь торчать? Сюда надо приезжать, когда собрался помирать. Одни старики! На ладан дышат. Я больше не могу. Скукота! Почему ты не слушаешь Артура?! Посмотри, как он раскрутился. Ты что, решил себя здесь похоронить и меня вместе с тобой? Так и разум можно потерять, — добавила трагическим голосом Кира.

Гога ненавидел эти ее уроки звездного наставничества. Тем более таким всезнающим тоном.

— Кира! Ты можешь оставить меня в покое? И давай не будем о разуме. Его надо иметь, чтобы потерять!

— Вот скотина! — прошипела под нос Кира и отвернулась.

— Я из медицинского бизнеса ушел не для того, чтобы туда возвращаться! Тебе это понятно?!

— А в каком ты сейчас бизнесе?! — вдруг заорала Кира. — Продюсер? Писатель? Актер? Я что-то не пойму! Только знаю, что мы едва сводим концы с концами!

«Вот сука!» — злобно подумал Гога.

— Ну, блять, заебала! — взорвался Гога. — Чего тебе не хватает?! У тебя что, нет крыши над головой?! Или может быть, ты голодаешь?! Или тебе надо идти на работу, чтобы нас прокормить?! Послушай! Люди годами идут к тому, чем я занимаюсь. И готовы отдать за это все! И у меня, Кирочка, ушло много-много лет, чтобы добиться такого положения!

Кира фыркнула.

— Ты со мной не фыркай! А то я тебе сейчас фыркну! Ты найди хоть одного эмигранта, который работает продюсером в Голливуде. Да, да, именно! С «Парамаунт», между прочим! С NBC, с CBS. Не продюсером вообще, а легитимным продюсером!

— Ой, ладно! — небрежно отмахнулась Кира. — А деньги где?!

— Деньги?! А тебе что, денег не хватает?! Послушай, дорогая! Всеу нужно время. Время и терпение. А тебе подавай все сразу! Так не бывает!

— Ой, надоел уже со своими лекциями! — сморщившись, нагло отрезала Кира.

— Слушай... Попридержи язык, хорошо? Ты со мной так не вздумай разговаривать. Чрезмерно активная и умная стала! Все тебе мало! Жаба душит. То твоя подружка вышла замуж за миллионера и живет в Австралии на берегу океана. То Эллочка поживает как королева. «Даже спортивный мерседес купила!» Да еще и красного цвета! Ай-яй-яй... Что ж ты такая завистливая?

— Ладно, Жора! Делай как хочешь! — воскликнула Кира и от злости принялась драить посуду. — Между прочим, Ирку с миллионером познакомила я!

— Да! И разрушила его семью с австралийкой, которая по глупости пригласила тебя к себе домой. Молодец!

— Идиот...

Но прессинг не закончился. Поняв, что с Гогой «военный» стиль не проходит, Кира перешла к «мягкой силе». К «тепловой обработке». Настойчивой и не прекращающейся.

— Может быть, тебе надо отдохнуть, Жорочка, — как-то утром сказала Кира ласковым голосом. — А то ты все работаешь да работаешь...

«Действительно», — подумал Гога.

— Ты права, — задумчиво протянул он. — Нам действительно надо отдохнуть. По меньшей мере, сменить обстановку. Ты тоже устала. Все сразу свалилось на голову. Новая страна. Роды. Это хоть и радостное событие, но все равно огромный стресс. Может быть, у тебя послеродовая депрессия?

— Все ты знаешь, Жорочка... Послеродовая депрессия... Почему ты с Сандрой до сих пор не развелся?! — вдруг взревела Кира.

«Отдых явно необходим. Кире точно», — решил Гога. Через несколько дней Гога заказал билеты. Маша осталась с Женей. А Гога с Кирой махнули в Тунис.

Тунис

Если Кирочка что-либо задумала, все остальное меркло и уходило на задний план. В голове оставалась лишь одна ясная, сияющая, как солнце, цель. Все могло быть принесено в жертву для ее достижения! В случае с Тунисом жертвой стал отдых. Целью же была кожаная юбка и кожаный пиджачок в магазине напротив гостиницы.

— Ты представляешь! — с воодушевлением начала утро Кира. — Знаешь, сколько здесь стоит шикарная кожаная юбка?

Гога спросонья еле открыл глаза.

— Ты даже не представляешь, насколько здесь дешевле, чем в Москве! Такие вещи у нас стоят в пять, даже в десять раз дороже! И в твоём долбаном Палм-Спрингс тоже! Я просто в шоке!

Операция «взятие магазина напротив» началась. Ни солнце, ни ласковое море, ни удивительный пляж, ни поездка по пустыне (а уж тем более на верблюдах), ни даже хороший ресторан национальной кухни не могли соперничать с «магазином напротив».

— Кира, я думал, мы приехали отдыхать, — недоумевал Гога после нескольких дней непрекращающегося восхищения «магазином напротив».

— Конечно! Мы и отдыхаем! Но почему ты не можешь хотя бы посмотреть?! Это совсем рядом! Знаешь, сколько мы сэкономим?! Мне все равно надо будет что-нибудь купить, я уже ни во что не влезаю. Ну, давай! Давай! Вставай! Не ленись! — толкая Гогу с постели, настаивала Кира. — Когда это увидишь, сам будешь мне благодарен! Ты же говорил — я могу купить себе все, что хочу. Говорил?!

— Говорил, — зевнув, согласился Гога, встал и стал одеваться.

Зайдя в магазин и взглянув на продавца, Гога сразу понял, что почва здесь подготовлена и наступление начнется с обеих сторон. Вопрос «купить или не купить» для него никогда не стоял. Ему такое даже в голову не приходило. Если любимая женщина хочет, то какие проблемы? Даже смешно! Просто скажи, и все! Но глядя на эту двоицу, он вспомнил о «спеоперации», что провела Кира со своим покойным мужем. Тогда речь шла о норковой шубе. (Той самой, которой она его накрыла у себя в квартире.) Разыгран был целый спектакль, дабы уломать великого артиста на покупку. Уже тогда Гога не мог понять: «Неужели понадобилось столько сил и энергии, чтобы уговорить мужчину (тем более любящего мужа!) купить, казалось бы, простую вещь? Может, он был жадным? Или она не доверяла ему? Теперь он та самая мишень, которую надо обработать, завлечь, как воробья, в хитроумную ловушку. «Какая глупость!» — подумал Гога. Но вдруг стало интересно. Он хотел посмотреть, как далеко Кира зайдет. Трудно было поверить, что она о нем, видимо, такого же мнения, как о своем бывшем супруге. «Значит, тоже не доверяет. Не верит, что ее кто-то может любить. Сделать подарок. Даже не сделать подарок, но купить обыкновенную вещь! А рожать от такого человека можно?!» То, что Гога купил бы ей все, что она захочет, в этой арабской лавке, Кире даже в голову не приходило. Она не верила никому. А уж в широкие жесты тем более. О ней с детства никто не заботился. Мать-алкоголичка, воспитанная в детдоме. Отсутствие отца. Бедность. Интернат. Все это сделало свое черное дело. Кира полагалась только на себя. Но Гога тогда этого еще не понимал. Он решил подыграть. Стать участником спектакля.

«Нет... нет... это уж точно нет!» Или: «Вот это ничего. Но я должен подумать».

Партнеры по сговору уже выбились из сил, но Гога оставался непреклонным. Через час они вышли из магазина, так ничего и не купив.

— Ты меня совсем не любишь... — обиженно, сквозь слезы, прошептала Кира, оттопырив уголок нижней губы.

Она шагала впереди какой-то детской походкой, опустив голову, как маленький грустный утенок, и у Гоги защемило сердце. «Совсем, как дитя», — с болью подумал он. «Неужели не понимает, какие все это пустяки. Мелочь. Она же все равно заберет это барахло домой... Действительно не понимает?! Видимо, нет», — размышлял Гога, следуя за ней в гостиницу.

Наступил следующий день. От вчерашней детской обиды не осталось и следа. Было понятно, что для Киры борьба не закончена. Гога дивился ее упорству по поводу таких, казалось бы, мелочей. Но мелочь для Киры могла стать важнее главного. Это открытие для него было странным, непонятным и даже пугающим. Гога видел — Киру буквально заклинило. Надо было выкручивать ситуацию, чтобы отпуск совсем не пропал.

— Я вот наблюдаю за тобой и не могу поверить... — ты готова пожертвовать всем, лишь бы добиться своего. Даже если эта цель совсем ничтожная. Буквально всем, — сидя на кровати в гостиничном номере, задумчиво сказал Гога.

— Не понимаю, о чем ты? — холодно ответила Кира. — Я ничем не жертвую. Не хочешь покупать, не надо.

— Скажи, Кирочка... А тебе не приходило в голову просто подойти и сказать: «Жорочка, мне тут понравилась одна юбка, пиджачок и еще кожаное пальто... Купи мне, пожалуйста». И на этом бы все закончилось.

— Так я же тебя просила.

— Нет, Кирочка. Ты не просила. Ты разработала целую военную операцию. Видимо, считаешь меня или полным дураком, или ничтожеством, которого по-другому не раскошелить. Вроде того, как ты раскошелила своего бывшего на шубу. Помнишь?

— Да пошел ты, Жора! Ничего мне от тебя не надо! Подавись ты своими деньгами! — заорала со злостью Кира.

— Ай-ай-ай-ай, Кира, Кира... Моя маленькая Кирочка. Ты, оказывается, на этом свете действительно никому, кроме себя, не доверяешь. Давай, иди и выбирай, что тебе там надо. Только, прошу, без меня. Ты же знаешь, как я ненавижу шататься по магазинам.

Последняя неделя отдыха прошла спокойно. Гога даже успел посмотреть старый город, они вместе пошатались по базару. Кира аккуратно упаковала в чемодан новые вещишки. Они вернулись загорелыми и отдохнувшими. Кира сразу продемонстрировала Маше свои приобретения, повертевшись то в одну, то в другую сторону.

— Ну, как тебе?!

— Шикаарно! — с восторгом протянула Маша.

— А это тебе, моя родная! — сказала Кира, надевая Маше на голову кожаную шляпку.

— Посмотри, как ей идет, Жора! — оценивающе посмотрев на Машу, закричала Кира.

(— Но папа! — в будущем воскликнет Зина, расхохотавшись. — Мама была права! Тебя действительно надо обрабатывать. По себе знаю. Особенно, когда хочу, чтобы ты мне купил какую-нибудь шмотку. Я должна спланировать целую операцию. Ха-ха-ха-ха! Ты не такой простой, как думаешь!

Гога разинет рот, похлопав глазами и проглотив язык.)

Снова Лос-Анджелес

Кира победила. Они вернулись в Лос-Анджелес. Гога снял просторную, хорошо обставленную трехкомнатную квартиру на одиннадцатом этаже, в центре Голливуда. Артур шел в гору семимильными шагами. Опыт с братьями Грицкевичами не прошел даром. Среди эмигрантов о Грицкевичах ходили легенды и настолько невероятные, что Гога даже не обращал на них внимания. То один брат подарил жене на день рождения новенький «Роллс-Ройс», то они арендовали Боинг 737 и отправились на несколько дней в Лас-Вегас, где просадили сотни тысяч долларов. В то время, как рядовой эмигрант должен был трудиться в поте лица за пару тысяч в месяц. Но что самое удивительное — все это оказалось правдой! Братья были первыми эмигрантами из Союза, заработавшими в Америке сотни миллионов. Когда их арестовали, власти оценили нанесенный ими ущерб страховым компаниям и государству в два миллиарда долларов! Артур оказался умным и вовремя соскочил. Сдал экзамен, прошел интернатуру и получил лицензию врача. Гога вышел из этого бизнеса, когда чуть не загремел в тюрьму по ложным обвинениям. Медицинский бизнес к тому времени стал очень опасным. После шумихи с Грицкевичами каждый эмигрант, занимающийся медициной, становился мишенью для правоохранительных органов. Телеканалы чуть ли не каждый день сообщали о новых арестах. Началась самая настоящая охота на ведьм.

«Русская мафия просочилась в медицинский бизнес!» — пестрели заголовки.

Сначала Артур хотел открыть с Гогой медицинский офис. Но затем передумал. Ведь есть брат. Как-то, зайдя в клинику к Артуру, Гога обратил внимание на новый аппарат. Опытный глаз подсказал: «Что-то интересное».

— А это для чего? — поинтересовался Гога.

— А хрэн его знает. Что-то новое против боли. Люди прут, значит помогает.

— Хмм. А иншуранс (страховые компании)?

— Иншуранс? Иншуранс платит. Хорошо платит, хы-хы-хы-хы, — рассмеялся Артур своим ровным смехом, звучащим как удары по одной клавише рояля.

«Платит?! И очень хорошо?! — обрадовался Гога. — Хммм... Интересно!» Новая аппаратура основывалась на электрических импульсах различной частоты и действительно помогала избавиться от болей, даже хронических.

— Мне кажется, это интересная штука. Давай будем продвигать, — предложил Гога. — Поставим несколько машин в офисах врачей и посмотрим. Боль — это же перспективное дело. Сам знаешь.

— Думаэш, пойдет? — вопросительно посмотрел на Гогу Артур.

В одном Артуру надо было отдать должное. Даже когда он что-то не понимал, нюх на деньги его никогда не обманывал.

— Думаю, да.

— Ну, так давай, Жора! Начинай! Я поддержу. Хы-хы-хы.

— Здесь могут быть хорошие деньги.

— Отлично! — рассмеялся Артур. — Ты же знаешь... мы всегда за дэнги!

Бизнес быстро пошел в гору. У Гоги появился новый и значительный источник дохода. Но Артура больше интересовала его новая лаборатория крови, которая уже разрослась по всему городу, надо было расширяться дальше. И здесь ему тоже надо отдать должное. Артур никогда не копал вширь. Он всегда копал вглубь! И делал это методично, последовательно, с большим упорством и терпением, пока не наткнулся на золотую жилу. А там уже было дело техники.

Саша Аверголец

В квартире раздался телефонный звонок. На другом конце провода прозвучал очень любезный, скрипящий и картавый мужской голос.

— Здравствуйте. Это Георгий Борисович?

— Даа...

— Кхмм... Георгий Борисович, — продолжил вкрадчиво мужчина. — Вы меня не знаете. Но я знаю о вас. И слышал очень много хорошего. Меня зовут Саша. Фамилия Аверголец. Я звоню вам из Сан-Франциско. Мы здесь с партнером...

— Очень приятно... — еще не понимая, с кем говорит, ответил Гога.

— Скажите... — замешкавшись, спросил Саша, — а можно вас называть просто Георгием?

— Если вам так удобнее. Можете даже называть меня Жора, если это облегчит вашу задачу.

Саша рассмеялся и сильно раскашлялся.

— Ха-ха-ха! Вообще шикарно! Жора. Это и проще!

— Вот и прекрасно.

— Жора... кхем-кхе-кхммм... мы о тебе давно слышали... Но знаешь, все как-то не решались позвонить. Знаем, что ты занятой человек и многим помогаешь... Вот мы здесь с Семеном... Сем, поздоровайся с человеком.

— Здравствуйте, — прозвучал сухой спертый голос в трубке.

— Мы здесь новички, — продолжил Саша, — а кушать, сам знаешь, надо. Кхмм... Нет, Жор, ты не подумай! Это я так, в шутку. На хлеб у нас всегда найдется. Мы знаем, что ты эксперт в медицинском бизнесе. И у нас появилась одна идея. Вот и хотели посоветоваться.

— Окей. И?

— Мы, Жор, задумали открыть у нас, в Сан-Франциско, медицинский центр. Такой большой, шикарный, со всеми услугами, докторами... Уже и врач есть, которая может все это возглавить. Но ты понимаешь, Жор, у нас нет достаточно опыта. Вернее, что я гоню, — вновь рассмеялся и закашлял Саша, — никакого опыта нет! Поэтому нам, Жор, просто необходима твоя консультация. Совет человека, который знает.

Наступила пауза. Затем Саша добавил тихим, почти испуганным голосом:

— Мы хотели бы приехать и поговорить. Если ты, конечно, не против!

— Саша?

— Да. Саша Аверголец.

— Я не знаю, кто вам посоветовал и дал мой телефон... Но это неважно. Если я могу быть чем-то полезен, то, пожалуйста, приезжайте.

— Жор! Вот за это спасибо! Нет, без шуток! Мы в долгу не останемся. Увидишь!

— Ладно вам с долгами... Приезжайте, а там посмотрим, чем я смогу вам помочь.

Встречу назначили в небольшом ресторане в Голливуде. Когда Гога вошел, он увидел троих человек, сидящих за столом. Один из них привстал, радостно улыбнулся и замахал ему рукой. Это был Саша. Ему было лет пятьдесят пять. Среднего роста, слегка сутулый, одетый в черный костюм. На макушке торчала темно-синяя, расшитая золотыми нитками, ермолка, из-под которой свисали и прилепали к обеим щекам длинные черные волосы, похожие на распластанные пейсы. Средней густоты усы с сединой облицовывали рот, спускаясь до половины подбородка. А темные, немного выпуклые глаза хитро улыбались и светились озорным светом через толстые стекла круглых роговых очков. У него было множество мелких морщин на скомканном жизнью лице, которые придавали ему вид умудренного, серьезного и вполне добродушного человека. Сеня Фурман (царство ему небесное) был похож на жабу, усевшуюся

за стол. Низкого роста, с короткими ногами и квадратными пальцами на руках, которые он держал растопырив на столе. Полный, с толстой шеей и туловищем, составляющими почти одно целое. С выпуклыми губами и круглой, как футбольный мяч, головой, с выкатившимися из орбит глазами и застывшим выражением лица. Выражение, которое не менялось на протяжении всего разговора. Белла, врач, была полноватая женщина лет сорока с благородным и умным лицом. Разговор вел Аверголец. Прикуривая одну сигарету за другой, он выкидывал остроты и комплименты Гоге, прищурившись и изучая его.

— Жор, да ты просто красавец! В кино не пробовал сниматься? Нет, я серьезно! Сень, ну я прав?

Сеня в ответ лишь напряглся и кряхтел. Было видно, что ему не терпится перейти к делу. Но Саша не торопился. Он знал, что в первую очередь надо наладить контакт. Создать приятельскую, желательно с шутками и смехом, атмосферу. Заодно умудриться сформировать образ потерянных и беззащитных овец, оказавшихся в бушующей и незнакомой стране, где им необходим пастух, чтобы не заблудиться и не погибнуть. Роль пастуха, конечно, была отведена Гоге. Тот еще не знал, что перед ним сидят прожженные жуки, которым негде пробу ставить... С умершими сердцами... Один из которых был великий комбинатор в сфере торговли, а другой катала, погубивший немало жизней за их слабость к азартным играм. Просидевшие по двенадцать лет в аду советских колоний строгого режима и уверовавшие, что нет на свете ничего важнее денег. Где Бог лишь для самоуспокоения, а посещение синагоги — для отвода глаз... Гога узнает об этом потом. Когда «человек с помятым жизнью лицом» обокрадет его и кинет, придумав разные отговорки. Заявив, что он не боится ни черта, ни Бога! А сейчас Гога чувствовал себя матерью Терезой, спасающей обездоленных мира сего. В чем и была задача и прямая заслуга Авергольца. Скромный и стыдливый взгляд Беллы лишь подтверждал, что этим людям надо помочь. Гога высказал сомнения по поводу перспективности центра. «Большого и шикарного», как выразился Аверголец.

— Вы хоть представляете, какие будут затраты? Врачи, сестры, аппаратура, аренда помещений... Да всего не перечислишь!

Гости переглянулись. Наступила очередная пауза. И тут Аверголец пошел ва-банк! Прищурился, пристально посмотрел на Гогу.

— Жор, а ты стань нашим партнером! — выпалил он с воодушевлением. — Войди в долю. Нет, мы все финансируем! Ты только руководишь. А, Жор? Подумай! У нас же там все уже схвачено! Все врачи наши! Нужно только все грамотно обставить.

Такое предложение было неожиданностью. После короткого молчания Гога неуверенно ответил:

— Не знаю... Я должен подумать.

Наступила тишина. Аверголец не спускал с Гоги глаз.

— Хммм... Я поговорю с моим партнером. Может, и появится какая-нибудь идея. Но точно не центр.

— Ты сам решай, что и как! А мы за тобой, как за командиром!

— Отлично! — обрадовался Артур. — Откроем там филиал и возьмем вэс Сан-Франциско. Там много наших. Начнем пит их кроф... хы-хы-хы...

Через неделю назначили встречу в Сан-Франциско. Гога и Артур подкатили на белом лимузине прямо к ювелирному магазину Авергольца. Артур как никто умел впечатлять. Это искусство он довел до совершенства. Вечер в ресторане провели весело, за вкусным ужином с вином, водкой и шутками. Аверголец шутил больше всех. Сеня же оставался в своем ампула. Сидел молча, как пень, но с удовольствием пожирал пищу, сочно причмокивая губами. К концу обо всем договорились. Аверголец с Сеней будут вести дела здесь по сбору крови. Гога будет контролировать ситуацию из Лос-Анджелеса. Задача Артура — обрабатывать кровь и собирать деньги со страховых компаний. Потом каждый получает свою долю. Вот и все. Просто

и надежно! Бизнес быстро пошел в гору по уже накатанной схеме, и деньги повалили. Кира была довольна.

— Я же тебе говорила, работай с Артуром! А ты все «не хочуу, не хочу».

Казалось, Кирочка, наконец, успокоилась. Гога устроил ее на армянское телевидение вести передачу о знаменитостях. Артур закончил строительство своего огромного дома с бассейном, фонтанами и профессиональным теннисным кортом.

Когда Гога его навестил, Артур вывел его во двор.

— Видишь, сколько еще зэмли осталось. Целая гора. Хочу построить здэс лыжную трассу. Нанэсу искусственный снег и будэм кататься лэтом на лыжах... хы-хы-хы. Что думаэш, Жора? Лэтом на лыжах посреди Лос-Анджелеса! Хы-хы-хы.

— Даа, это хорошоо... Летом на лыжах посреди Лос-Анджелеса... — задумчиво согласился Гога.

Когда уже появился винтажный «Роллс-Ройс» и последний «Рендж Ровер», Артур попросил у Гоги совета.

— Тут предлагают яхту за полмиллиона. Она стоила восемьсот. Что думаэш, купит?

— Думаю, не прогадаешь, — поддержал Гога. — Будешь туда приглашать на деловые встречи. Рядом гостиница. Да еще какая — Four Seasons! Тут же и теннисные корты, рестораны, бассейны... Если хочешь, из ресторана все доставят прямо на яхту. Пригласишь девочек... Полный кайф! Что я тебе рассказываю, сам все знаешь!

— Хम्म... Хорошая идея.

Артур послушался, купил яхту и назвал ее «Кларин». Показывая ее Гоге, он вдруг сказал:

— Знаэш, именно такую я видэл во снэ, когда был еще совсэм молодым в Армении. С таким же названием! Вэриш?! И вот она пэрэд глазами. Наяву! Хы-хы-хы.

Много лет спустя, когда Гога вновь окажется в Лос-Анджелесе, он увидит яхту Артура. С тем же именем, но в два раза больше.

— По-моему, она подросла! — удивился Гога.

— Хорошо кормили! — ответил Артур и рассмеялся.

При всем благополучии, которое вроде бы наступило, Кирочке все же чего-то не хватало. Не помогла даже няня из Армении с высшим образованием и английским.

— Я творческий человек! Я актриса! Я не могу без своей работы! Ты же должен это понимать! Придумай что-нибудь, Жора! У тебя столько знакомых и связей!

«Значит, собственная передача на телевидении — уже не творческая работа?» — устало подумал Гога.

— Я даже с Машей почти не вижусь, — злобно продолжала Кира. — У них там теперь главный Хачо и бизнес! Маша слова не смеет сказать! А Эллочка у нас писательницей стала! Хе! — саркастически ухмыльнулась Кира. — Все чем-то занимаются! Кроме меня!

Гога просто махнул рукой.

— Да ну тебя.

Исчезновение Киры

Как-то в воскресенье утром Кира завела разговор.

— Жорочка... — начала ласково она, — ты же знаешь, что моя мама Женечку еще не видела. А он ведь ее внук. Я хочу поехать в Минск и показать его ей. Затем хочу на недельку заскочить в Москву. Повидаться с подругами. Танечку увидеть, Лену. Они, когда увидят Женьку, просто обалдеют! Хэ! Я так соскучилась по ним. Ты же знаешь, у меня здесь никого нет. Ну, кроме тебя, конечно... Маша тоже теперь «замужняя женщина!» Все время чем-то занята.

Гога пожал плечами. Он уже привык, что Кире всегда чего-нибудь не хватает.

— Если хочешь, поезжай! — простодушно ответил он.

Кира, видимо, такого быстрого согласия не ожидала. Она бросила на него взгляд, подумала и очень тихо и осторожно спросила:

— Значит, ты не против?

Гога вновь пожал плечами.

— А что мне быть против?

Помявшись, Кира продолжила:

— Только знаешь, Жорочка, мне надо будет вписать Женечку в свой российский паспорт.

И для этого нужно твое согласие.

— А зачем? Что, с американским нельзя?

— Да это целая волокита! Нужна виза... А это куча бумаг! Он же американский гражданин...

— Ну, хорошо, как хочешь. Вписывай!

— Ой, Жорочка! Ты правда не против? — воскликнула Кира и бросилась ему на шею.

— Спасибо, мой родной!

Через десять дней Кира собралась, забрала трехлетнего Женю и улетела.

Прошло больше месяца

Кира с ребенком как в воду канули. Гога уже обзвонил всех, кого знал, но безрезультатно. «Света... Света... — напряженно размышлял он. — Где еще она может быть?» Света была Кирина родственница и жила в Москве. Она была простой и хорошей женщиной, с двумя детьми и мужем Игорем, работавшим электриком. Они жили в двухкомнатной квартире в районе метро «Аэропорт». Гога разыскал ее телефон и позвонил.

— Да, Георгий. Женечка у нас, — удивилась Света. — А что, разве Кира вам не говорила? Да вы не беспокойтесь! С ним все в порядке! Кира много работает, но часто приезжает, и мы справляемся. Где двое, там и третий не в обузу, — рассмеялась Света. — Я обязательно передам, что вы звонили.

Прошло еще несколько недель

Гога почти каждый день звонил Свете, стараясь застать Киру. Но то она сегодня не приходила. То на каком-то интервью. То еще что-то. Наконец, он ее застал.

— Я нашла работу, — холодно объяснила Кира. — Работаю корреспондентом в очень престижном журнале и сейчас не могу это бросить.

— Но ты же сказала, что едешь только на пару недель! Уже прошло больше двух месяцев! И я тебя еле нашел!

— Да, сказала. Ну и что?

— Как это ну и что?

— Ты же у нас женатый человек! — саркастически ухмыльнулась Кира. — Еще не развелся со своей Сандрой! Все только обещаешь. Что ты от меня хочешь?! Я свободная женщина.

— Аааа! Вот оно что! Свободная женщина... Послушай, Кира... Давай не будем, хорошо? Ты прекрасно знаешь, я с Сандрой давно не живу. И она знает, что я с тобой и у нас ребенок. Свободная женщина...

Кира была права. Со своей американской женой Сандрой Гога еще не развелся, но не жил с ней уже несколько лет. Но дабы понять, что такое развестись с Сандрой, надо знать, с кем имеешь дело и хорошо рассчитать свои силы, если не хочешь внезапно свалиться от разрыва сердца. Она была католичкой и такого понятия, как развод, для нее не существовало. Впрочем, как и для ее матери, хрупкой, невысокой женщины, воспитанной в строгих католических традициях и прожившей с мужем-алкоголиком, детиной-ирландцем, до его гробовой доски, даже в мыслях не допуская развод. И неважно, что от этого пострадала психика троих детей. Сандра фанатически верила, что их проблемы с Гогой — ничего особенного. Многие семьи проходят через сложные времена. И в том, что он завел другую женщину и у них ребенок, тоже нет ничего необычного. Такое случается в жизни, но это не причина для развода.

— Он хоть в детский садик-то ходит? — в расстроенных чувствах спросил Гога. — Что с ним вообще происходит, ты сама-то хоть в курсе? Я слышу, работаешь... Иногда появляешься... Что это такое? Можешь мне объяснить?!

— Ну, все! Мне некогда тут выяснять отношения! Если тебя это так интересует, то приезжай и сам посмотри! — нагло отрезала Кира.

Он увидел их зимой в квартире у Светы. Женя был простужен и исхудал.

— Он что... так вот и ходит? В этом пальтишке? — растерянно спросил Гога. — А зимней куртки нет? Женечка, сыночек!

Женя стоял и отрешенно смотрел на него. Было видно, что он с трудом узнает Гогу.

— Сына, ты что?.. — проговорил тихо Гога.

— Пааапа! — вдруг воскликнул Женя и бросился Гоге на шею.

Гога еле сдерживал слезы. Он так соскучился по Жене! Крепко прижав его и поцеловав в щеку, Гога посмотрел на Киру.

— Я не понимаю, почему у ребенка нет зимней куртки?! — возмутился Гога.

— А ты деньги присылал, чтобы ее купить? — огрызнулась Кира.

— Ты что, спятила?! Ты должна была вернуться через пару недель! Пропала на несколько месяцев! Ни ответа, ни привета! Я обзваниваю пол-Москвы, разыскиваю тебя! И ты спрашиваешь, присылал ли я деньги на куртку?!

Кира стояла молча с холодным лицом. Было видно, что сердце у нее даже не дрогнуло. Света увела Женю в другую комнату.

— Ты собираешься возвращаться?! — спросил Гога. — Думаю, я имею право знать, мы вместе или нет!

— Сейчас не могу. У меня работа.

— Работа? А курточку купить? Если у тебя работа в таком престижном журнале?

— Ладно! Не читай мне лекции! Сам виноват! Запер меня в этой идиотской Америке! Чуть с ума не сошла! — воскликнула Кира злым и бездушным голосом.

— Хорошо, Кирочка. Ты меня, конечно, прости, что я запер тебя в этой ужасной Америке... Это действительно очень нехорошо. Я бы сказал, это даже преступление с моей стороны. В таком ужасном месте, как Лос-Анджелес или Палм-Спрингс... Но ты лучше хорошо подумай, что собираешься делать дальше. Дабы я тоже знал, как мне поступать.

Прошло еще несколько месяцев

Престижный журнал, посвященный знаменитостям, у которых Кира мчалась брать интервью, обанкротился. Какие у нее были планы на поприще «корреспондента», Гога теперь догадывался. Но, видимо, что-то пошло не так и поймать «золотую рыбку» не получилось. Через девять месяцев как ни в чем не бывало Кира с ребенком вернулась в Америку. Их отношения были относительно спокойными. Скандалов в доме почти не случилось. Кроме периодических всплесков Кирино бешенства. В такие моменты Гога старался не реагировать. Но все больше становилось ясно, что они совершенно разные люди и вряд ли когда-либо поймут друг друга. Встал вопрос: что делать и как жить дальше?

За советом Гога обратился к Артуру. У него тоже была похожая ситуация несколько лет назад, когда дело чуть не закончилось разводом.

— Слушай... — в растерянности начал Гога, когда Артур заехал к нему домой. — Она иногда ведет себя так, что я не уверен, в своем ли она вообще уме! Посмотри!

Гога приподнял рубашку, оголив живот.

— Видишь?! Исцарапала меня до крови. Хорошо, еще лицо успел отдернуть!

Артур рассмеялся.

— Хы-хы-хы... Жора, ты что, нэ знаешь, женщины — это кошки! И когда кошки злятся, они царапаются.

— Нет, слушай! Я серьезно! Не знаю, что с ней делать! Ей всего недостаточно! И деньги есть! И работу нашли на телевидении. И няньку взяли, и ребенок... Я не понимаю, что еще надо?! Полный пиздец!

— Жорааа... — вальяжно произнес Артур, потянувшись к виноградной ветке в вазе и закинув ягоду в рот. — Ты знаешь, что всем женщинам надо? Денэг, секса и хорошей жизни. Дай ей денэг! Пуст покупает себе шмотки, а потом идет к подружкам и хвастается. Найди ей еще какое-нибудь занятие. Видишь, Элла... Сэчас и поэтэсса...

— Я думал, писательница.

— Писательница она будэт потом, когда надоеэт быть поэтэссой, хы-хы-хы... Купишь еще один дом. Задэлаеш еще пару детэй, и все будэт в порядкэ! А что касается секса, то не беспокоиса! Если ты не сможеш или ей будэт нэ хватат, она сама, бэз твоей помощи, найдет его гдэ надо. Ты же знаешь, они же всэ бляди. Помнишь, как эта нам всэм троим давала? А у нее малэнкие дэти и живой муж.

Гога действительно вспомнил этот отвратительный случай и его покорило.

— Артур, проблема в том, что мы совершенно не подходим друг другу!

— Да пэрестань! Привикнэш! Главное — обэспэчь хорошую жизнь. А там подходытэ, нэ подходытэ... Ты что, думаеш, мы с Эллой подходым?! Хы-хы-хы!

Гога вспомнил, как несколько лет назад у супруги Артура появился молодой патлатый любовник с мотоциклом. Дело почти дошло до развода. Элла будто потеряла голову. Гоняла с патлатым на бешеной скорости по хайвэям, забыв, что у нее двое маленьких детей. Миниатюрная армянская штучка, обхватив широкую спину байкера, мчится по хайвэю! Ветер в волосах и голубое небо над головой! «Наверное, в этом что-то есть, — подумал Гога. — Испытывать такую свободу девчонке из Армении наверняка никогда не приходилось. Вот и поехала крыша». Но традиция победила. Вмешались родители и родственники, брак был спасен. Вопрос: простил ли Артур? Но это уже неважно. Главное, семью сохранили.

— Возмем дэвочек, расслабимса... Банька, шманька... массаж с фильпинками... И смотришь, после этого, опять подходытэ друг другу. Хы-хы-хы. Что мнэ тебя учит.

Артур знал толк в таких вещах. Как-то на день рождения он подарил Гоге номер в пятизвездочной гостинице и красавицу-проститутку высочайшего класса. Отказаться было как-то неудобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.